

Владимир Волошенюк

**ВОЕННО-
ДИПЛОМАТИЧЕСКИЕ
КАРТИНКИ**

Киев
Издательский дом
«КИЙ»
2020

УДК
В68

Волошенюк В. В.

В68 Военно-дипломатические картинки / Под редакцией и при участии В. И. Аблазова.– К.: Издательский дом «КИИ», 2020. – 220 с.
ISBN

Автор рассказывает о военно-дипломатической службе, проходящей становление в новых условиях — государственной независимости. Создавая реальные образы, картинки быта, жизни и деятельности этих авторитетных коллективов, работающих за пределами страны в ее интересах, автор с присущей ему непринужденной легкостью вводит читателя в атмосферу нового, «переходного» этапа построения новых отношений и взаимосвязей между службами и личностями, подчиненными разным ведомствам.

УДК

ISBN

© Волошенюк В.В., 2020

ПЕРЕДМОВА

За змістом виданих творів автора «Воєно-дипломатичних картинок» можна було б віднести до письменників-баталістів. Адже всі його книжки, видані упродовж останнього десятиріччя, присвячені військовослужбовцям на різних етапах їхнього життя і служби, військової освіти і участі у бойових діях.

Головним героєм творів є справжній патріот своєї Батьківщини з невинним призвищем *Васильєв*. А чому невинним — кожному небайдужому читачеві стає зрозуміло зі змісту цього життєпису на тлі буття країни.

У книжці «Кадеты Киевского СВУ» йдеться про долю звичайного українського хлопця, який ще зі школи впевнено обрав для себе шлях військового служіння державі.

Події, що про них розповідає автор, відбувалися у минулому столітті. Суворовські військові училища, створені в СРСР за часів Другої світової війни

на зразок царських кадетських корпусів, виховали багато офіцерів і генералів, справжніх героїв свого часу. Проте їх історичний час у незалежній Україні минув. Чимало з тих вихованців Суворовського військового училища, викладачів, командирів, вихователів уже пішли від нас назавжди, однак вони мають залишитися у пам'яті прийдешніх поколінь. Автор поставив перед собою таку мету — відкрити сторінку нашого великого історичного минулого. При цьому він зняв глянець з опису життя вихованців СВУ, залишивши беззаперечним і незмінним у кадетів відчуття обов'язку і честі, гідності і відданості справі, додержання даного слова, кадетського братства.

Разом з успішним завершенням навчання у СВУ у головного героя закінчилося й дитинство. Васильєв уже прийняв відповідальне рішення, обравши для себе подальший військовий шлях.

Тож у наступній книжці «Взвод, курсантский» автор проводить свого головного героя — курсанта Васильєва — через усі етапи навчання у відомому військовому виші — Київському вищому загальновійськовому командному училищі. Традиційним у книжці залишається віддзеркалення не формальних процедур служби, а внутрішнього світу і взаємостосунків у колективі та за його межами.

З перших кроків самостійного офіцерського життя на долю головного героя випало суворе випробування — війна на чужині.

У книжці «Взвод, десантно-штурмовой» одне за одним нанизуються оповідання, засновані на дійсних, зокрема, важких подіях із життя автора, його служби в Афганістані у 1981–1983 роках. Начебто окремі оповідання дозволяють ще раз повернутися до гіркої сторінки історії нашого минулого, що призвело до трагедій у багатьох українських родин,

створюють пронизливу картину грандіозної загальнолюдської трагедії. Однак це не применшує мужності воїнів, які з гідністю виконали свій службовий обов'язок. Зберегти і врахувати, переосмисливши, уроки афганської війни, пам'ятати солдатів і офіцерів, усіх, хто, виконавши свій «інтернаціональний» обов'язок відданості власній державі, не повернувся з тієї війни — це обов'язок суспільства.

Дещо ліричною, відвертою, з огляду на особисте життя і відчуття подій, сприймається наступна книжка автора з головним героєм Васильєвим — «Алжир». 1981–1983». У ній на тлі війни знайшлося місце і для пригод, і для неочікуваних зустрічей, і... для жінок.

Васильєв з гідністю витримав усі випробування на старті свого армійського становлення. І ми знову зустрічаємося з ним, уже зрілим старшим офіцером, на військово-дипломатичній службі у новій книжці — «Военно-дипломатические картины».

На самому початку автор попереджає, що не треба припускати збігу з відомими, можливо, читачам особистостями, оскільки усі, з ким спілкується Васильєв, — це лише персонажі його оповіді.

Тимчасом знання зсередини життя цивільних і військових дипломатів дозволило авторові створити реальні образи, картинки побуту, життя і діяльності цих поважних колективів, які працюють за межами країни в її інтересах.

Адже зміни, які відбулися у суспільстві держави, сприйнятті її на міжнародному рівні — незворотні. Дипломати і військовослужбовці, представляючи інтереси власної держави, мають відрізнятися від інших фахівців не лише символами, володінням багатьох мов, насамперед країни перебування, а й відчувати підвищену увагу до власної поведінки. Отже, автор з притаманною йому невимушеною легкістю вводить

читача в атмосферу нового, «перехідного», етапу побудови нових стосунків і взаємовідносин між службами і особистостями, підпорядкованими різним відомствам.

«Військово-дипломатична служба». Зміст цих двох слів, «військовий» і «дипломат», на перший погляд, не може поєднуватись при обговоренні теми війни і миру.

З одного боку, існує твердження, що лише тоді, коли дипломатами використані усі їхні аргументи, в дію вступають військові, роблячи перші кроки на стежці війни.

З іншого боку, тільки військові зупиняють війни і першими підписують угоди з ворогом про капітуляцію і перемир'я. І лише потім передають дипломатам можливість зробити наступний крок для підписання угод про вирішальний, остаточний мир.

Головними діючими особами військово-дипломатичної служби є аташе. Проте у кар'єрних, цивільних дипломатів аташе — це перший, початковий ранг дипломатичної служби, що відповідає військовому званню молодшого лейтенанта.

Водночас у військових аташе — це посада, про яку можуть мріяти лише окремі офіцери зі спеціальною підготовкою, зі знанням і вільним володінням іноземними мовами та низкою особистих якостей. Посада з відповідного набору: «аташе з питань оборони», «військовий аташе», «військово-повітряний аташе», «військово-морський аташе» — має увінчати завершення військової кар'єри і полковників, і генералів.

У житті цивілізованого суспільства між двома протилежними станами, війни і миру, стоїть неабияка за значущістю спільна праця цивільних і військових дипломатів.

Апарати військових аташе, як правило, діють при відповідних посольствах і перебувають у подвійному підпорядкуванні й залежності: з одного боку, від надзвичайного і повноважного посла і МЗС і, з іншого — від Головного управ-

ління розвідки і Міністерства оборони. При цьому треба бути талановитою людиною і справжнім дипломатом, аби стати «слугою двох господ», вірно вибудувати взаємини з обома центрами впливу в інтересах спільної справи.

Саме на шляху до цієї вершини військової кар'єри на посаді старшого помічника військового аташе в Румунії опинився досвідчений офіцер Збройних Сил України з бойовим досвідом Васильєв.

З притаманною йому майстерністю, описує автор окремі побутові моменти цікавого життя дипломатів за участю головного героя.

Книжка «Военно-дипломатические картинки» викликає великий інтерес, ще й тому що життя і діяльність дипломатів, а військових дипломатів зокрема, суспільству відома мало.

Лише окремі автори беруть на себе сміливість висвітлення цих яскравих сторінок.

Тож нам видається переконливою позиція автора, і ми сподіваємось на продовження його творчої праці.

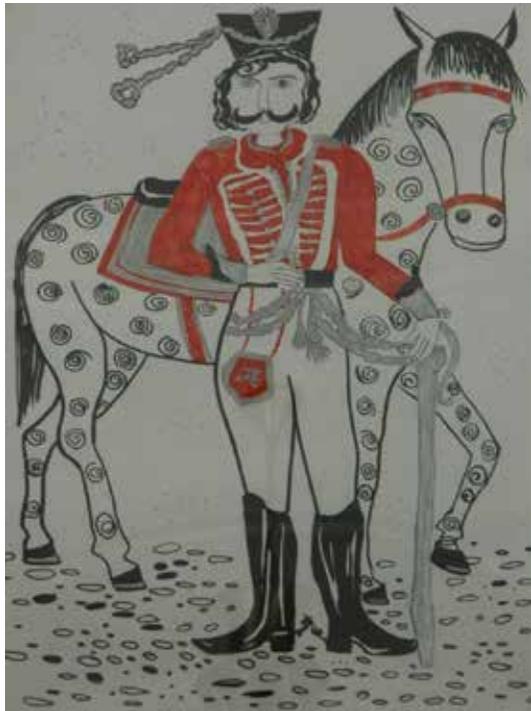
В. Аблазов

*История соткана из лжи,
в которую все верят*
Бонапрат Наполеон

*Один солдат на свете жил,
Красивый и отважный.
Но он игрушкой детской был,
Ведь был солдат бумажный.*

Б. Окуджава

1.

Васильев сидел за столиком в купе поезда «Киев–Бухарест» и смотрел в окно, где в ночной темноте пролетали огни засыпающих населенных пунктов, сменяющихся темнотой полей и придорожных посадок. На столе стояла начатая бутылка болгарского сухого красного вина и остатки ужина из меню привокзального буфета.

Когда он учился в военно-исторической группе Академии Фрунзе, к ним на стажировку пришли проводить занятия «слушаки»-психологи из Академии имени Ленина. Занятия проходили без присутствия преподавателей и поэтому весело. «Ленинцы» учили «фрунзенцев» расслабляться по всем правилам психологической науки. Одним из заданий было закрыть глаза и увидеть картинку, вызывающую са-

мые позитивные эмоции. Васильев видел себя именно в купе вечернего поезда.

Сейчас же, глядя на спавшую на нижней полке купе рядом с супругой двухгодовалую дочку Машу и на старшую, забравшуюся на верхнюю полку третьеклассницу Милу, он испытывал смешанное чувство радости и большой тревоги.

Радость — от сбывшейся мечты стать военным дипломатом и тревоги — от того, как прожить этот период, сохраняя для всех видимость брачных уз. Он уже год фактически жил отдельно, а совместный выезд для службы в Посольство Украины в Румынии стал своеобразным компромиссным контрактом между ним и супругой.

Васильев медленно попивал вино и снова обращал свой взгляд в окно. Наблюдая смену ночных картин, он думал о чередке лет, минувших после Афганистана. Они проносились в памяти, словно в калейдоскопе, вырывая самые яркие моменты.

«Комарь» уехал раньше него по замене в Николаев в ДШБР и был этому несказанно рад. Женя Сиваков, как и он, получил назначение в Кутаисскую ДШБР. Но Васильеву, после его второго гепатита, врачи настоятельно рекомендовали отказаться от прыжков. Да он и сам понял, что романтика «голубых беретов» его больше не вдохновляет, поэтому решил проситься в родную пехоту.

В Тбилиси в управлении кадров штаба ЗАКВО Васильев нарвался на хамоватого жирного подполковника-кадровика. Тот, недовольный, что ему придется возиться с документами Васильева для перевода в мотострелковую часть, с видом знатока, пренебрежительно высказался о том, что пишут в характеристиках, прибывающих из ДРА.

В глазах у Васильева тогда потемнело. Оставшись один в пустом классе для занятий, куда завел его кадровик, он

вдруг почувствовал, что сейчас может заплакать, как тогда, в первую ночь на кабульской пересылке...

Назначение он получил в «мандариновую» дивизию. Так называли мотострелковую дивизию в Батуми. Довольно неплохо, учитывая, сколько общеизвестных «дыр» было в ЗАКВО.

В штабе дивизии его определили в 91-й полк, располагавшийся в пригороде Батуми с нежным названием Хелвачаури. А юмор состоял в том, что легендарный Швейк служил тоже в 91-м полку.

Поскольку это был единственный развернутый полк в дивизии, «бардака», говоря военным языком, в нем было не меньше, чем в полку Швейка.

Васильева вполне доброжелательно встретило командование, и тепло — женщины-военнослужащие полка. «Не так страшен черт, как его малюют», — подумал он, вспомнил строгие наставления тети Жени Генераловой, у которой перед тем побывал в гостях в Ереване. В это время ее муж, генерал Генералов, командовал 40-й армией в Кабуле, а курсантский друг Васильева, Генералов Серега, уже стал начальником штаба батальона. Васильеву даже удалось как-то побывать в Кабуле в кабинете командарма, что, впрочем, никак не отразилось на сроках его замены.

Пожив немного в офицерском общежитии в Батуми, Васильев снял комнату в частном доме в старой части города недалеко от порта. Его хозяйка, старая гречанка, прекрасно варила кофе по-восточному и гадала на кофейной гуще, суля всякий раз счастье в личной жизни.

Вообще к морю его тянуло больше, чем на службу в полк. Возле порта на пирсах кофе по-восточному варили в турках на песке, пенсионеры горячо спорили и обсуждали новости. В кафешках пекли очень вкусные хачапури. После двух лет

войны эта простая незамысловатая жизнь представлялась настоящим праздником. В субботу и воскресенье в Доме офицеров проводились танцевальные вечера. Кроме того, можно было поехать на Зеленый мыс, где по вечерам отдыхающие со всего Союза весело отплясывали на танцплощадках и в ресторанах.

Васильев, наконец, осуществил свое давнишнее желание: научиться играть в большой теннис. Корт располагался рядом с морем. Со сторожем Аликом у них завязалась дружба, и часто вечера после игры они проводили за стаканом вина, слушая морской прибой. Зимой Алик топил камин в комнате для VIP-ов и нагревал сауну.

Через полгода Васильева назначили командиром роты. Времени на личную жизнь стало гораздо меньше, а служба не приносила морального удовлетворения. Все выглядело показушным и прогнившим. Личный состав, по большей части, состоял из выходцев с Кавказа, родители которых просто заплатили «мзду» в военкоматах, дабы дети их служили рядом с домом. Неоднократно Васильев ловил себя на мысли, что уважает афганцев, воевавших против него, больше, чем всех этих «ар» и «хачиков».

Все усугубилось еще больше после смены командира полка и начальника штаба. Оба пришли после окончания Академии Фрунзе. Комполка окружил себя «носатой» челядью из тылового сословия прапорщиков всех мастей. По отношению к офицерам он проявлял откровенную грубость и неприкрытое хамство.

После того, как на построении полка он довел до слез майора пенсионного возраста, командира батальона, в котором Васильев командовал ротой, Васильев «закусил удила» и больше не сдерживал себя в общении с ним. А на партийном активе дивизии он выступил и со всей «пролетарской

ненавистью» высказал, что он думает о методах командования коммуниста Спиридонова.

Когда же началась методическая травля за такую «борзость», Васильев задумался о том, чтобы написать рапорт о направлении в Афганистан и уехать к дяде Лене Генералову, но в результате написал рапорт об увольнении из Вооруженных Сил. Это стало ударом для замполита и парторга, а командиру полка сулило неприятные разбирательства. Однако на последовавшее предложение ротации в Северную группу войск Васильев «сгоряча» ответил отказом, а через месяц решил уехать «к черту на кулички», а именно — в Монголию.

Потом были два года службы, должность командира роты, рождение дочки Милы, роспись в грузинском ЗАГСе во время дежурства по полку, почти как у «Комаря», и выезд в Забайкальский военный округ. «Курица — не птица, Монголия — не заграница», так тогда говорили в Советской Армии.

Назначение на должность командира разведроты в танковом полку, дислоцирующемся на севере Монголии в Булгане, обрадовало Васильева. Разведрота — это все же не пехота, а Булган, по словам офицеров штаба ЗАБВО, — это монгольская Швейцария. В приснопамятные времена там располагалась ставка хана Калмыкской орды, принявшего присягу на верность русскому царю.

Дорога от промышленного центра Эрденета, построенного советскими специалистами, до Булгана — это 4 часа «путешествия» по монгольскому бездорожью. Таким образом, первое отличие от Швейцарии было налицо.

Танковая дивизия размещена на широком плато, окаймленном рекой Орхон и невысокими горами, местами поросшими лесом.

Полки называют «городками». Они стоят вдоль асфальтированной дороги. В центре — штаб дивизии, неподалеку —

жилой городок, состоящий из двух частей: старой — с деревянными бараками и новой — из каменных ДОСов (домов офицерского состава), напоминающих «хрущевки». И еще два общежития: каменное — офицерское и деревянное — для прапорщиков, его в народе прозвали «чудильником».

Первое впечатление было самое благоприятное.

Полк, в который определили Васильева, назывался «третьим городком». Разведрота с ротой связи, комендантским взводом и оркестром находилась на 4-м этаже большой полковой казармы.

Внутренний порядок, вернее его полное отсутствие, и то, что увидел Васильев, зайдя в расположение, скорее напоминало пристанище читинских «бичей».

Начальник разведки полка майор Лысенко с энтузиазмом стал рассказывать, что разведрота на последней проверке получила двойку, чем немало удивил Васильева. Наряд по КПП, состоявший из воинов-разведчиков, в тот день проспал приезд начальника штаба полка и по его команде открывал ворота головами после переползания по-пластунски.

На следующей проверке разведрота уже под командованием Васильева получила хорошую оценку, а через два года считалась одной из лучших в дивизии и на прохождении по монгольской земле после строевых смотров залихватски пела, на радость командиру полка Дмитриенко, «Розпрягайте, хлопці, коней».

Васильева назначили начальником разведки соседнего полка.

Тем временем грянула перестройка, и пока замполиты составляли списки «перестроившихся», пришел приказ о выводе войск.

Васильев не получил назначения для дальнейшего прохождения службы, поскольку подал документы для поступ-

ления в Академию. «Или пан, или пропал» — так можно было охарактеризовать ситуацию. В случае непоступления ему, сто процентов, светил «забытый Богом» и не ставший родным ЗАБВО.

Всякий раз, когда он вспоминал свою поездку «во глубину сибирских руд» за сержантом, не вернувшимся из отпуска, его брала оторопь. Восемь часов езды на старом ПАЗе от Читы куда-то под Нерчинск. По дороге и на остановках не покидало ощущение, что сейчас появится колонна каторжников в кандалах. В райцентре Васильев подарил военному индийский чай в красивой коробке, купленный для презентов в военторге Булгана. Военком дал свой «Уазик», чтобы съездить в селение, где был прописан сержант. Он знал, что тот приехал в отпуск, а назад в часть его не отпустила мать, потому что семья была многодетная и не имела кормильца. По закону его вообще не должны были призывать в армию. Но Васильеву надо было убедиться, что его боец живой.

Когда Васильев зашел в почерневшую и покосившуюся хату, он увидел своего сержанта в каких-то грязных лохмотьях в окружении таких же детей, сидящих по лавкам. Сержант опустил глаза, его мать сидела за столом с опухшим лицом. Разговаривать было не с кем и не о чем. Васильев вернулся в военкомат и попросил военкома прислать в в/ч документы после увольнения сержанта. Ночевал Васильев в гостинице, напоминавшей постоялый двор, как его описывали в литературе дореволюционной России. Вечером под окнами пили, пели и ругались.

Добираться назад в Читу военком посоветовал самолетом. С маленького аэродрома в Читу летал «кукурузник».

— Дашь кассирше чай, она тебе продаст билет.

Васильев готов был отдать весь чай, остававшийся у него, лишь бы вырваться из этого исторического захолустья.

В качестве контраста ему запомнилась и другая поездка — с концертной агитбригадой дивизии по улусам, читай — селам, Булганского аймака или района.

После изнурительной пятичасовой поездки глава улуса угостил всех артистов кумысом у себя в кабинете. Усталость, как рукой сняло, так что концерт в клубе отработали хорошо. А после концерта были танцы. Настоящим потрясением для приезжих стало зрелище, когда в зале зазвучала мелодия «Амурские волны» и местные кавалеры и дамы в своих традиционных халатах закружились в вальсе.

От почти трехлетней службы в Булгане, в отличие от солнечного Батуми, остались самые приятные воспоминания. Кроме боевой подготовки, гарнизон жил активной культурной жизнью. КВНЫ, театр, смотры художественной самодеятельности. Одним словом, «...как молоды мы были»...

Тишина в купе нарушалась только привычным стуком колес на стыках рельс. Жена и дети безмятежно спали. В окно стал пробиваться рассвет. Бутылка красного болгарского уже давно была пуста. На душе по-прежнему тревожно. Скоро граница.

Хотя впервые в своей жизни советско-румынскую границу Васильев пересек с родителями в поезде «Москва–София», когда ему было всего восемь лет.

Бухарест

Не доверяли вы ему
Своих секретов важных.
А почему?
А потому,
Что был солдат бумажный.
Б. Окуджава

2.

Первым экзаменом должна была стать встреча с Послом, которая, как думалось тогда Васильеву, станет определяющей на всю дальнейшую службу в Посольстве.

Перед отъездом, на инструктаже у начальника 1-го управления Георгия Тимофеевича, тот эмоционально и в ярких выражениях наставил Васильева на путь истинный.

— Володя, посол, он и в Африке посол и не хер залу... ся.

Часто, особенно после эмоциональных «взбучек», Георгий Тимофеевич обращался к своим подчиненным по именам, что сразу снимало напряжение и вызывало к нему дополнительную симпатию.

Так было накануне, когда Васильев дежурил по управлению и в три часа

ночи по требованию назойливого шифровальщика, принесшего балканскую шифрограмму, позвонил начальнику домой и проинформировал о том, о чем можно было спокойно доложить утром.

Тимофеевич пришел на службу злой и невыспавшийся. Как оказалось, предыдущей ночью его тоже разбудил дежурный в два часа по такому же поводу, после чего он мучился бессонницей до утра.

— Ну, как вас можно за границу посылать? Детский сад с семью яйцами, — разразился он громом и молниями на построении управления.

В строю захихикали.

— Вы что, не можете с этим почтальоном разобраться? А что вы будете за кордоном без няньки делать?..

Судя по докладам ВАТ (военного атташе) из Румынии отношения с Послом носили довольно напряженный характер. Недоразумения возникали в основном из-за финансовых вопросов. Финансирование аппарата ВАТ осуществлялось через МИД, хотя и со своим утвержденным «кошторысом».

— Передай этому десантнику, что если ему так тяжела военно-дипломатическая служба, то он у меня поедет в бригаду «спецназ» бойцами командовать, такими же еб....ми, как и он.

Военный атташе в Румынии Анатолий Каценюк закончил в свое время Рязанское ВДВ, а потом Академию Советской Армии, хотя и не дипломатический, а оперативный факультет. Останься он служить в РФ, ему светил бы какой-нибудь РЦ (разведывательный центр) на необъятных просторах матушки-Рассеи, а поскольку в Украине ощущался дефицит кадров с профильным образованием, его ставки сразу выросли. С Васильевым он учил три месяца в Институте международных отношений во втором наборе по подготов-

ке будущих военных атташе. Анатолий был неразговорчив, строг и замкнут. Красноречие в нем просыпалось, только если он «садился на стакан».

Васильев не сдержал улыбки на яркую и убедительную речь начальника.

— И нечего улыбаться, а то поедешь вслед за ним в 24 часа.

— Мне в десант нельзя, у меня две желтухи было. Я лучше в институт — историю военного искусства преподавать.

— Никаких пререканий! Чтобы все, как в армии: «Есть!», «Так точно». Разворачиваешься и идешь делать свое дело. Все ясно?

— Так точно, Георгий Тимофеевич! Разрешите идти?

В первый день своей службы в Посольстве Васильев надел «парадный» костюм, купленный по талону для «афганцев» еще в московском ГУМе во время учебы в Академии. Перед тем, как войти к Послу, Анатолий с обреченным видом взглянул на список текущих вопросов, составленный им загодя, вздохнул, и они с Васильевым бодрым шагом направились в кабинет руководителя.

Посольство размещалось в арендованном старинном двухэтажном особняке в центре города. Небольшое, но уютное здание. У всех дипломатов были отдельные кабинеты. Аппарат ВАТ «дислоцировался» на первом этаже, рядом с кабинетом Посла и каминным залом с красивыми деревянными панелями, где за большим столом проводились совещания, утренние «читки» газет и торжественные мероприятия.

Посол, Альый Сергей Сергеевич, стремительно встал и вышел из-за стола навстречу вошедшим товарищам — военным дипломатам. Небрежно протянул руку для приветствия, не глядя в глаза, и также стремительно вернулся на свое рабочее место, указав жестом на стулья у приставного столика.

Васильев приготовился рассказать свою «героическую» биографию, как водится у военных при представлении начальству, но этого не потребовалось.

— У Вас какой язык? — спросил Посол.

— Английский.

— Хорошо, у нас есть ежедневная англоязычная газета, будете готовить по ней информацию на утреннюю читку.

Васильев кивнул в знак согласия, несколько озадаченный таким подходом.

— А сейчас — проблемы. — После этого Анатолий стал зачитывать пункты из списка.

Посол не дослушивал их до конца, перебивал и сразу же принимал решения, довольно расплывчатые, как для военных. Дипломатия, одним словом. И еще он говорит «ихние». Досадно. На одном из первых уроков русского языка в Суворовском училище, учительница устроила за эти «ихние» такой разнос, что запомнилось на всю жизнь.

— Как обустроились? — спросил он Васильева после доклада ВАТ.

Дипломаты Посольства жили в квартирах, арендуемых у румынского дипсервиса. Что-то из мебели там было, что-то покупалось Посольством, а что-то передавалось по наследству. Квартира Васильева была в том же доме, что и его начальника. Это были просторные трехкомнатные апартаменты с лоджией. Естественно, они не шли ни в какое сравнение с теми «халупами», в которых жили офицеры на родине. Правда, побелку там еще не закончили, поэтому первую ночь вновь прибывшие провели в квартире Анатолия.

— Спасибо, нормально.

— С мебелью мы разобрались с завхозом, надо только докупить детскую кроватку, — включился в беседу ВАТ.

— Пусть завхоз посмотрит на складе что-нибудь из внутренних резервов или поспрашивает у людей.

На этом беседа закончилась.

Вернувшись к себе, решили выпить кофе и обсудить планы на неделю.

В кабинете стоял кожаный уголок, состоящий из дивана и двух кресел с журнальным столиком, так что место для душевных бесед и встреч с коллегами из военно-дипломатического корпуса было оборудовано. По статье на протокольные мероприятия закупались алкогольные напитки в местном дипшопе и выдавались со склада Посольства.

— Какие внутренние резервы? — проворчал Анатолий и продолжил: — У завхоза на складе скрепки и водка. Во дворе под навесом старая рухлядь лежит. Ну да ничего, ничего, — задумчиво закончил он и сел за написание «службовой записки» на имя Посла с просьбой о разрешении покупки детской кровати.

«Службова» вернулась к вечеру с витиеватой резолюцией для завхоза, из которой ничего не было понятно.

А в конце недели Евгений Иванович с виноватым видом принес найденную неизвестно где разобранную детскую кровать. Когда ее попытались собрать, оказалось, что она поломана.

— Евгений Иванович, заберите ее нахрен себе в «закрома», будет чем камин растопить. — Толик был строг.

«Не вые... ся», — мысленно сказал себе Васильев, вспомнив мудрые наставления воинского начальника.

— Толик, может, мы как-то обойдемся, а с зарплаты я куплю.

Но ВАТ, обученный заботиться о личном составе, поступил решительно. Он взял из сейфа личные сбережения,

и они с Васильевым поехали в магазин. Новую «службовую» с чеком он отдал бухгалтеру.

Со временем Васильев узнал, почему «мебельный вопрос» вызывал у Посла такую болезненную реакцию.

При «оборудовании» квартиры ВАТ супруга ВАТ, как говорят в армии, боевая подруга, в «неравной борьбе» с завхозом, Послом (и с женой Посла) одержала победу. В гостиную был куплен дорогуший гарнитур VIP-класса. Обоснование было по-военному четкое и конкретное. Ее муж, Военный атташе, представляет Украину и ему надо будет проводить протокольные мероприятия для укрепления международного военного сотрудничества. Во все время «военно-дипломатического» конфликта Толик оставался с угрюмым видом над схваткой.

Между тем, по оценкам отдельных беспристрастных дипломатов, мебель оказалась лучше, чем в резиденции самого Посла.

На этом история с румынской мебелью для Васильева не закончилась. Спальная кровать, купленная экономным Евгением Ивановичем, не выдержала веса супруги и дочери, спавших на ней, и рухнула дней через десять после начала эксплуатации. К месту происшествия по тревоге был вызван завхоз. Он побожился, что все исправит, и тут же отправился с докладом к Послу.

На следующее утро на «читке» главной новостью стала рухнувшая кровать в спальне старшего помощника Военного атташе.

Посол, как бы сглаживая неприятный осадок от истории с детской кроваткой, с чувством начальственного юмора проинформировал дипсостав о том, с каким большим потенциалом приехал офицер аппарата ВАТ. При этом обращался он к единственной женщине, присутствовавшей на «утренних посиделках». Она была референтом и была разведена. Шутки

руководителя были по достоинству оценены подчиненными. Ему они тоже понравились.

Со временем, на своем первом приеме в Посольстве Индонезии, Васильев был представлен супруге Посла.

Он тогда почувствовал себя Кеем, к которому обратилась Снежная королева со словами: «Мальчик, подойди ко мне».

— Инга, ты представляешь, какой к нам приехал старший помощник ВАТ. У него в спальне новая кровать рухнула через неделю, — игриво сообщил ей понравившуюся историю Посол.

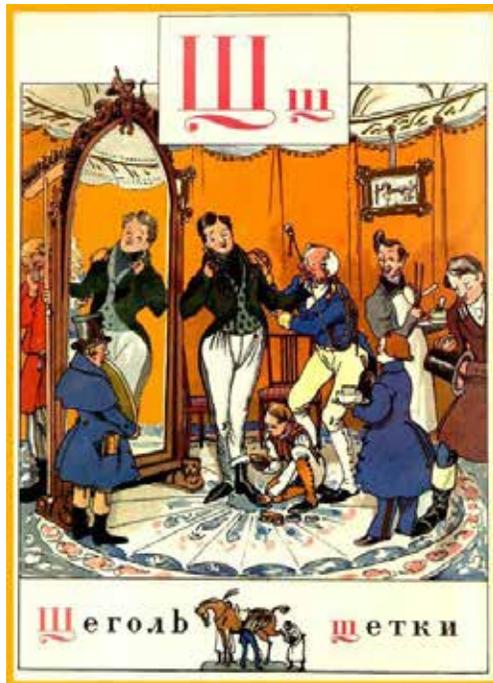
— Да, я недавно с Украины, сала там много ел, — как бы оправдываясь, заметил в ответ старший помощник ВАТ.

— Сережа, может и тебе съездить в Украину сала поесть? — величественно произнесла Снежная королева.

Посол ничего не ответил и в ускоренном темпе отошел, дабы поприветствовать своего американского коллегу.

*Ах, пане, панове, ах, пане, панове,
ах, пане, панове, тепла нет ни на грош.
Что было, то сплыло. Что было, то сплыло.
Что было, то сплыло. Того уж не вернешь.*

Б. Окуджава

3.

Следующим пунктом плана по «вхождению» в должность значилось знакомство с коллегами из аккредитованного военно-дипломатического корпуса.

В Бухаресте была создана Ассоциация военных атташе. Возглавлял ее ВАТ одного из государств на выборной основе (как правило, по сроку службы в Румынии).

Ассоциация организовывала встречи за бокалом вина для представления прибывших в Бухарест новых офицеров или для прощания с убывающими. Кроме того, проводились дружеские ужины. ВАТы встречались в своей компании, а помощники — в своей. Такой военной организации дела откровенно завидовали «цивильные» дипломаты.

Как и положено в армии, среди помощников ВАТ процветала своя «дедовщина», в хорошем смысле этого слова, выражавшаяся в шутках и подколках молодых коллег. Поэтому встреча со «старшими братьями» и вчерашними однополчанами обещала быть нескучной. Васильев мысленно настраивался «держатъ бой» с превосходящими силами вероятного союзника.

Российское воинство в Бухаресте было представлено на солидном уровне. ВАТ, полковник Емельянов, с опытом работы в Лондоне, на секундочку. В составе аппарата числились: личный переводчик-секретарь и три помощника ВАТ.

Кроме того, группа обеспечения из товарищей, нечасто появляющаяся на протокольных мероприятиях. В нее входили и выпускники Киевского военно-инженерного радиотехнического училища.

Старший в группе помощников Николаев Валерий (службу проходил в Киевском военном округе и в ДРА), Маковецкий Виктор (службу проходил в разведуправлении Киевского военного округа), Константин Варченко (морьяк-подводник, родом из Донецка). Все, — выпускники Академии Советской Армии. В ней готовили кадры для ГРУ, включая военно-дипломатические.

Васильев был тоже выпускником уважаемой Академии, но другой по профилю и им — неровня. Воспоминания об учебе были еще свежи и вызывали в нем теплые чувства.

Эпопея поступления началась с бодрого красного, почти первомайского транспаранта на КПП учебного центра Академии в подмосковном Нарофоминске — «Академия им. М. В. Фрунзе приветствует лучших офицеров Вооруженных Сил СССР».

И лучшие офицеры по ночам зубрили материалы к очередному экзамену, а в пять часов утра шли на стадион и нама-

тывали круги для подготовки к кроссу на 1000 м. Некоторые даже учились плавать, чтобы потом бесстрашно бухнуться в бассейн на сдаче зачета, а там — будь что будет. Кроме того, предстояло подтягивание на количество раз под ехидные ухмылки неопохмелившихся физруков, жестоко не засчитывающих подтягивание, если сдающий не дотягивался подбородком до перекладины или слишком дергал ногами. Двойка по физподготовке автоматически вела кандидатов к отчислению, к экзаменам же они даже не допускались. Но отступить было некуда, впереди — Москва, а позади у каждого — свой «ЗАБВО».

Васильеву повезло. В Академии к этому времени преподавал тактику его бывший замкомполка по Батуми. Они обнялись при встрече, и по законам кавказского гостеприимства Васильев выставил на стол в комнате общежития для преподавателей пять бутылок коньяку. И хотя «тактика» была последним и определяющим экзаменом, но до нее еще надо было дойти.

Уже тогда Васильев мечтал о продолжении карьеры на военно-дипломатическом поприще, поэтому написал рапорт и пошел на конкурс в военно-историческую группу.

Желание стать генералом после Афганистана отсутствовало напрочь. Там же и зародилась мечта о «тарелочке с голубой каемочкой», а именно — службе в аппарате ВАТ. Этому способствовало посещение Посольства Советского Союза в Кабуле, благодаря милейшему советнику МВД Николаю Дмитриевичу, у которого он гостил несколько дней. Оазис на территории Посольства, с голубым бассейном, не шел ни в какое сравнение с территорией пыльного Баракинского гарнизона. И это произвело тогда на Васильева неизгладимое впечатление.

Перед выпуском в Академию Фрунзе прибыли «покупатели» из Академии Советской Армии. Те, кого отбирали,

шли, как правило, на военно-дипломатический факультет. «Покупатели» поработали и в военно-исторической группе. Только теперь в зоне их пристального внимания находились слушатели с местом рождения и корнями в Российской Федерации, ну типа, Иванов, Петров, Сидоров.

Васильев особенно не расстроился, поскольку понимал — молодой независимой Украине тоже понадобится свой военно-дипломатический корпус.

Знакомство с русскими военными дипломатами состоялось на вечеринке помощников, устроенной индонезийским коллегой.

Первый прием тоже припелся на индонезийское Посольство. Гостей на входе встречали радушные хозяева в национальных костюмах. Васильев чуть было не попал в неловкую ситуацию. А все из-за румынской традиции целовать дамам ручки. Даже обращение к представительницам прекрасного пола звучало: «Целую ручки!»

И вот Васильев оказался в ситуации: «целовать или не целовать, вот в чем вопрос». Удержался и потом вздохнул с облегчением, потому как понял, что первыми гостей встречала многочисленная обслуга. Посол, его супруга и дипломаты в таких же костюмах стояли в шеренге, но в главном здании.

Вечеринка проходила в стиле *buffet-dîner*, до этого он теоретически знал об этом виде приема, но на практике это с ним происходило впервые. Есть можно стоя или сидя, где пристроишься. При подаче горячего — в очередь (после женщин). С напитками проще, все — в баре, пей — не хочу.

К подготовке он отнесся самым серьезным образом. В одном из центральных магазинов долго подбирал рубашку и галстук. По цене галстук оказался, как половина московского почти «неодеванного» костюма, купленного по талонам для

«афганцев». Туфли будущему военному дипломату подарил папа. В общем, он был горд собой.

Инструктаж начальника перед домом виновника торжества, куда он подвез Васильева, был по-военному краток.

— Хозяйке — цветы, хозяину — бутылку — все по-нашему, детей нет. Если что непонятно, смотри, как делают остальные. На подколки россиян реагируй спокойно, они никак не могут смириться с мыслью, что Украина отделилась.

— О'кей, мы псковские, мы прорвемся.

— Так. Вот пошли китайцы, ну все, теперь можно, ты — не первый.

Улыбчивый худенький капитан ВВС Бима Виджанарко (имя переводится как «мужественный») с женой, оба в яркой национальной одежде, встречают гостей и приглашают сразу к бару, где грациозно управляется с бутылками бармен. В кителе он напоминает лидеров компартии Китая. Две официантки, маленькие и кругленькие, в дивных нарядах сразу «атакуют» входящих с подносами, уставленными тарелочками и блюдами с экзотическими закусками.

Китайская пара в гостинной расположилась на диване. Васильев подходит к ним. Далее следует церемония целования дамской ручки и приветствие на румынском языке, обращенное к кавалеру. Китайский товарищ лучезарно улыбается и отвечает на хорошем русском языке. Ну, класс... Нет проблем.

Постепенно гостинная наполняется гостями.

Русские товарищи прибыли на вечеринку втроем и одновременно и... в числе последних.

«Ну, прямо — три танкиста, три веселых друга», — невольно подумалось Васильеву.

Далее следуют интересные наблюдения: несвежая рубашка, цыганский галстук, стоптанные каблук.

«Чему же вас в академиях дипломатических обучали, ребята?» — так и хочется спросить. А вот румынский язык у них хорош. Эх, говорил мне в детстве папа: «Учи румынский язык».

Вручив цветы и расцеловавшись с хозяйкой, они дружно двинулись на Васильева, как в лобовую атаку.

— Здравия желаю, — Валерий, как старший «тройки», первым поприветствовал его.

— Здравия желаю, — также кратко, по-военному, ответил тот.

— Ну, наконец-то, в украинском Посольстве появился человек, говорящий на русском языке, — продолжил старший группы полушутливым тоном.

— Ну, якщо ви не розумієте рідної мови, могу по-руски.

— Разумеет, разумеет! Константин Варченко, — представился следующий с легким наклоном головы и даже прищелкнул каблук при приставлении ноги, как при выполнении строевого приема «Подход к начальнику».

Васильеву тоже захотелось щелкнуть каблуками, но он сдержался.

— Привет, — Виктор приветствовал самым демократичным способом, словно старого знакомого. — Сала и горилки привез?

— Привет, — в тон ему ответил Васильев. — Ну, если хочешь сала, то напиши батьку, хай вишле.

Ответ пришелся «ко двору», все засмеялись.

— Ладно, идем к бару, посмотрим, чем земляк Виджанарко пригощает, а то в горле пересохло, — предложил Костя.

Взяв по бокалу вина, они отошли в сторонку, и тут «Остапа понесло».

— Скажи Толе, что я его уважаю, но вчера на приеме в китайском Посольстве его жена оскорбила мою жену. Она сказала: «Ну вот, пришла еще одна скотина». Ты передай ему, что я, помощник российского Военного атташе, оскорблен.

Васильев от неожиданности оказался в полном замешательстве. Он увидел испарину на лбу Константина и почувствовал стойкий алкогольный шлейф. Помощник российского Военного атташе был хорошо «подшофе». «И что дальше?», — подумалось ему. — «Вызов на дуэль по закону жанра?»

— Костя, мне кажется, это недоразумение, такого не может быть, — как можно мягче ответил он.

— Я, хотя и украинец, и фамилия у меня украинская, и мои родители живут на Донбассе, но они голодают, — продолжал тот с напором. Далее последовали «эпитеты» в адрес Кравчука, Кучмы и иже с ними...

Васильев, оправившись от первого «ушата холодной воды», постарался ввести разговор в спокойное русло. Закончили беседу, согласившись, что и российский и украинский народы пережили много страданий и в будущем страны должны стать процветающими. К глубокому удовлетворению Васильева к ним подошел польский помощник ВАТ Ежи, держа в руке бокал вина.

— Предлагаю тост за русских... — после небольшой паузы он добавил: — Женщин!

— Да, они самые красивые! — бодро ответил Костя.

— Конечно, после польских и украинских, — серьезно добавил майор Войска Польского Ежи Стоцки.

Несмотря на разницу во мнениях, разошлись вполне дружелюбно.

Прощание с хозяевами в конце вечера проходило бурно и уже менее протокольно. Костя начал переучивать хозяйку на трехкратное целование в щечку по славянской традиции,

вместо европейского двукратного неправильного. Затем, крепко обняв Биму, стал требовать, чтобы тот признался, какое оружие Индонезия закупила у Румынии. Бима только улыбался и говорил, что их главный начальник сидит в индонезийском Посольстве в Москве, а он лично ничего не знает.

Уже на улице Валера Николаев сказал Васильеву, что завтра их с Анатолием ждут в резиденции ВАТ. Приглашение прозвучало тоном, скорее подходящим для отдачи боевого распоряжения.

Анатолий ждал Васильева недалеко от дома в своей машине. О предстоящей завтра встрече он уже знал.

— Ну что ж, поедем пепси-колу пить.

— Почему пепси-колу?

— Это любимый напиток ВАТ России. Как встреча прошла? Что братья?

— Без нарушений воинской дисциплины, в теплой и дружеской обстановке. Братья в каких-то «затрапезных» галстуках однако.

— Все — фигня, кроме пчел, впрочем, пчелы — тоже фигня, — глубокомысленно заключил он. — Никуда не денешься, надо работать. У них здесь крепкие позиции, и знают они столько, что нам и не снилось.

Про пчел и фигню Васильев уже понял, что это любимая поговорка начальника, когда дело касалось оценки обстановки.

На дворе был 1995 год. В Украине наслаждались разговорами о независимости и дежурными мирными инициативами, а Румыния в едином порыве семимильными шагами маршировала в НАТО. Центр требовал массы информации на эту тему.

Толком не было понятно, устраивает ли это нас или нет. Особенно после того, как стала мусироваться тема военных баз на ее территории и возможность размещения ядерного оружия. С другой стороны, критерии для вступления в «агрессивный блок» требовали отсутствия проблем с соседними государствами, поэтому Румыния была очень заинтересована в скорейшем подписании базового договора с Украиной и юридическом закреплении границ. Но это — уже епархия дипломатов. Для военных же отсутствие «вероятного противника» — это как свадьба без невесты.

Рубрикатор задач для аппарата ВАР расписан был страниц на десять. Крутись, как хочешь, а в Центр пиши. В конце года там «всех посчитают», как говорилось в мультфильме о зверушках.

*Господа юнкера, кем вы были вчера,
Без лихой офицерской осанки.
Можно вспомнить опять,
ах, зачем вспоминать,
Как ходили гулять по Фонтанке.
Б. Окуджава*

4.

Резиденция ВАР России располагалась в красивой довоенной вилле недалеко от бывшего комплекса Советского посольства. Эта вилла использовалась Советской Армией после освобождения Бухареста от немцев.

В ходе Второй мировой войны Румыния сначала внесла серьезный вклад в победы вермахта на полях сражений. Но в августе 1944 года картины на этих полях претерпели существенные изменения, и Румыния умудрилась развернуть штыки, присоединившись к антигитлеровской коалиции.

Молодой король Румынии Михай I, прозванный в Москве «королем-комсомольцем», совершил государственный переворот. Без помощи коммунистов это, конечно, не обошлось. За вклад в раз-

гром фашистов он был награжден орденом «Победа» таким же, как и маршалы Победы и сам Сталин.

Но уже в 1947 году товарищи коммунисты вынудили «короля-комсомольца» эмигрировать. Страна «запахала в ногу», правда, ненадолго, со всем социалистическим лагерем.

Вся обстановка здесь дышала историей. Но чувствовалось, что новые хозяева вошли в чужой дом, оставленный внезапно, с его мебелью, старинными картинами, камином, хрусталем и фарфором. Настолько это все было нехарактерно для привычного советского стиля!

Военный атташе России полковник Емельянов встретил украинских военных дипломатов на пороге.

В гостиной, куда прошли Каценюк и Васильев в сопровождении гостеприимного хозяина, в центре на ковре стоял журнальный столик и вокруг него три стула. На столике — две бутылки виски, несколько литровых бутылок пепси, хрустальные стаканы и орешки в красивых резных блюдах тонкого фарфора.

Группа помощников ВАТ в полном составе находилась здесь же.

— Здоровенькі були! — лучезарно улыбался Костя, протягивая руку Каценюку.

— Здравия желаю, — строго ответил тот.

— «Шахтер» — чемпион! У тебя классный галстук. Подскажешь магазин, где купил, — тоже улыбаясь, приветствовал Костю Васильев.

На Косте был тот же галстук, что и на предыдущей вечеринке, с яркими узорами из «огурцов», узел был туго затянут, как на пионерском галстуке. «Наверное, он его и не развязывал», — подумалось Васильеву.

После взаимных приветствий и нескольких дежурных фраз хозяин предложил присесть. Вместе с гостями он уселся

за столик, а его помощники — на стульях вдоль стены. «Как на партсобрании, сейчас заслушивать начнут», — мысленно отметил Васильев.

Однако первым делом «докладчик» открыл бутылку виски и налил по полстакана сидевшим за столиком, включая себя, после чего дополнил стаканы до краев «пепси». «Шо, опять? Вот тебе, бабушка, и «пепси-кола», — сразу подумалось Васильеву.

На занятиях по протоколу в Институте международных отношений лектор — ветеран дипломатической службы долго убеждал будущих военных дипломатов в том, что пить спиртное на приемах вовсе не обязательно и что отношение к этому ритуалу дипломатического сообщества вполне толерантное.

На первом же приеме, когда к Васильеву приблизился ВАТ Венгрии, он приветствовал того поднятием стакана с яблочным соком.

— Ты что, меня не уважаешь? — с наигранным возмущением спросил его венгерский подполковник.

Эта знакомая до боли фраза из уст военного дипломата изумила Васильева. Он виновато стал оправдываться и сразу постарался исправиться, взяв в баре бокал с коньяком. Как оказалось, Роберт — так звали венгерского коллегу — учился в Академии в Москве, и этим все объяснялось.

Сейчас же и удивляться не приходилось, разве что необычности ингредиентов.

— Евгений Петрович, это лондонский рецепт? — с ухмылкой спросил Анатолий.

— Это мое «ноу хау» по опыту боевых действий в «аглицкой» столице. «Ихняя» содовая только портит виски, а вот «пепси» добавляет «красок в букет» и придает бодрости.

— Ну-ну, — Анатолий чокнулся с Емельяновым и «осушил» стакан.

Васильев, по долгу службы, последовал примеру начальника.

— Вот это по-нашему, по-славянски, — удовлетворенно отметил Емельянов. — И вообще, мы должны вместе держаться здесь, а то Румыния рвется на Запад, в НАТО, забывая, вообще, благодаря кому это государство появилось. А натовцы пользуются этим и совсем оборзели.

«Русские стреляют в русских», — эта фраза корреспондента ВВС во время обстрела танками «Белого дома» в Москве в 1993-м врезалась прочно в память Васильеву. Поэтому к лозунгам о славянском братстве Васильев относился скептически даже после стакана виски.

Во время тех драматических событий Васильев был командирован в Посольство Украины в Москве для усиления информационно-аналитической работы. Военный атташе при Посольстве, назначенный на эту должность с должности военкома Крыма, «достал» киевского «Керівника» не по-детски. На запросы Центра он присылал пачки газет со своими комментариями на полях, которые потом цитировали в курилке. А на одной статье, пересланной факсом, он изобразил смачную дулю, чем вызвал справедливый гнев начальников и здоровый смех подчиненных.

В Москве Васильев целыми днями пропадал под «Белым домом», пытаясь разобраться в перипетиях «русского бунта», а вечером писал информацию на Центр и отсылал ее после «нескучных» бесед с военным «любителем графики». «Атташе должен быть живым отблеском славы и военной мощи своей страны», — в своих мыслях Васильев невольно примерял этот эпиграф французского дипломата, взятый из статьи об истории военной дипломатической службы, на

своего временного начальника и первого Военного атташе Украины в Российской Федерации. Блеска оказалось более чем достаточно, что проявилось уже на второй день при отправке диппочты, когда пан Лазарюк стал посвящать своего помощника в таинства военно-дипломатической работы.

— Заклейте конверт та прошийте його ниткою, — прозвучал суровий приказ.

— Ви б не могли показати, як прошивати?

— Ви що, не вмієте? Требо було головою думати перед тим, як сюди їхати. Як ви працюєте у розвідці?

— Я працюю в «інформації», і ми конверти не прошиваємо.

— А чого вас у Академії навчали? Скільки вам років? Я вам покажу, і щоб цією х... й я більше не займався, — дипломатично завершил он беседу.

Васильев принял конверт и, чеканя шаг, как «адъютант его превосходительства», покинул кабинет.

Через полчаса он вернулся и вручил конверт начальнику с желанием произнести классическую фразу из военного анекдота «тобі пакет». Начальник сурово посмотрел сначала на конверт, потом на Васильева.

— Що ви заговняли конверт клеєм? Це говорить, що у вас немає «штабної культури», — в этот момент Васильев ощутил себя подмастерьем Ванькой Жуковым из рассказа А. П. Чехова.

— А чому у вас в донесенні написано «обстановка»? Треба писати «ситуація».

— Я пишу так, як прийнято в ГУР для доповіді міністру.

— Конкретна відповідь. Я вас не питаю, як прийнято в ГУР. Я питаю, як треба писати слово «обстановка» українською мовою. Подивіться у словнику.

— Слухаюсь, — с курсантским задором ответил Васильев, подумав: «Тебе бы полковника Скалозуба в Малом театре сыграть, успех был бы обеспечен».

Чувство глубокого удовлетворения охватило Васильева после углубления в толстый и увесистый фолиант толкового словаря. Перед уходом начальника он, как и положено, доложил о выполнении поставленной задачи:

— Я подивився у словнику. У военному значенні вживається слово «обстановка», — с каменным лицом отрапортовал он начальнику, смачно плюющему на железную печать для опечатывания кабинета, что делалось для качественного оттиска на пластине.

— Що??? У якому словнику ви дивилися?

— В русско-українском.

— Покажіть! Хм! У другому словнику було по-другому, — недовольно проворчал «отблеск славы и мощи».

«Получи, фашист, гранату!» — подумал Васильев, сохраняя при этом непроницаемое лицо дисциплинированного подчиненного...

— Первую до дна, хоть и не стоя, — Васильев солидарно поддержал, но после этого только прихлебывал напиток глотками, как чай. Главным на «линии алкогольного огня» остался Анатолий. Хозяин не жалел «укрепленного пепси».

Помощники тоже «потягивали» коктейль, правда, без трубочек, внимательно слушали говоривших, вежливо вставляя отдельные реплики, после высказываний своего начальника. В общем, беседа протекала бодро и местами весело, с анекдотами про москалей. К обеду, когда наступило время для культурных людей уходить, потому что хозяева не рассчитывали их кормить обедом, две бутылки виски были почти пусты, орешки тоже, видимо, закончились.

На улице Васильев с чувством некоторого беспокойства спросил у начальника:

— Ты как? — имея в виду вождение автомобиля в условиях города после изрядной дозы «пепси».

— Нормально, «Григорий», — решительно ответил ВАТ и крепко взялся за руль.

А Васильеву вспомнилось выражение старого румына, процитированное как-то опытным советником Посольства Астаховым: «Лучше с турками воевать, чем с русскими дружить».

Движение на улицах Бухареста было достаточно напряженное в связи с большим количеством автомобилей. Старожилы рассказывали, что во времена Чаушеску для того, чтобы «разгрузить» трафик, действовало интересное правило. По четным дням недели разрешался выезд автомобилям с четными номерными знаками, а по нечетным дням, соответственно, — с нечетными.

Васильев пока не имел служебного автомобиля, поэтому ездил с начальником.

— Мы сейчас куда, шеф?

— В Посольство, хочу на «свежую голову» записать все, что наговорил Емельянов, а то потом забуду.

Васильеву на память пришла еще одна цитата преподавателя протокола: «Чему меня научила дипломатическая жизнь, так это кушать стоя и работать пьяным».

В Посольстве работу начали с кофе с «протокольным» печеньем.

— Посол как-то предложил на совещании рассмотреть вопрос устройства в подвале особняка кафе для дипломатов. А что, интересная мысль! Сейчас бы пообедали с пельменями или варениками. Надо будет при случае ему напомнить про кафе-бар, — заметил Анатолий, хрустя соленым крекером.

— У меня орешки поперек горла стоят, — недовольно проворчал Васильев.

— Это с непривычки. Кто говорил, что будет легко? Я тоже вначале ел их немерянно, но потом сбил оскому.

— Ну, и шо ты думаешь о встрече?

— Все — фигня, кроме пчел... Поделятся чем-то — спасибо, нет — на нет и суда нет. К польскому ВАТу приехал новый помощник. «Контачь» с ним. У поляков тоже «особая любовь» к русским, вот и будем дружить с ними.

— Да, я уже познакомился с ним на вечеринке. Его зовут Ежи, он на Гуслика похож, а живет в нашем доме в соседнем парадном.

— У ВАТ Сухопутных войск США Шеридан, кстати, муж — ветеран Вьетнама. Поедем на грибы — познакомитесь, общий язык «афганцу» и «вьетнамцу», я думаю, долго искать не надо будет. Он в американском посольстве за кортами присматривает, а ты же играешь в теннис. Кстати, Посол хвалился на совещании, что он в дипклубе берет уроки тенниса — вот и здесь есть возможность для закрепления любви и дружбы.

— С женой Посла?

— Только после «дозволу» Центра.

— А что с машиной и остальной аппаратурой? Надо все закупать, а то у нас даже телевизора нет. Приемник нужен хороший коротковолновый. По нему «Алекс» «Юстасу» передавать будет сводки о состоянии шихты. Меня по этому вопросу инструктировали перед отъездом.

— Спроси что-нибудь полегче. Короче, составляй список всего, чего у нас нет. Будет визит НГШ через месяц. Он бортом МО прилетит, а назад в Киев можно махнуть с ним за компанию. В Центре подпишешь бамагу на закупку, а потом уже — бороться с Послом «за наше счастливое детство».

— Форте бунэ, как говорят у них, заодно и детские вещи заберу. Мы сумку с ними забыли.

В это время раздался звонок телефона. Звонил дежурный комендант. Посол вызывает Военного атташе.

Анатолий тяжело вздохнул. Накануне от Посла вернулась «службова» ВАТ с отчетом о проведении ужина в его резиденции и подтверждающими чеками на покупку продуктов. На «службовій» размашистым почерком стояла резолюция: «Прошу переговорити».

— И шо делать? — несколько обеспокоенно спросил Васильев.

— Ничего, ничего, прорвемся, — начальник нахмурил брови, взял свой ежедневник, ручку и «двинулся» к Послу с решительностью Александра Матросова.

*Спите себе, братцы, все придет опять:
новые рождаются командиры,
новые солдаты будут получать
вечные казенные квартиры.*

Б. Окуджава

5.

На перроне Бухарестского вокзала Васильев с интересом наблюдал за вечерней вокзальной суетой. Местный, как сейчас говорят, терминал отличался от киевского тем, что был меньше, и локомотивы прибывающих поездов «въезжали» прямо в здание вокзала. Металлический фигурный навес со стеклянным потолком над перронами придавал вокзалу своеобразный уют. Железнодорожная колея в Румынии была уже, от этого поезда с вагонами синего цвета казались миниатюрными. В местных поездах дальнего следования предусматривалось всего несколько «спальных» вагонов. Остальные вагоны 1-го и 2-го классов были оборудованы купе с местами для сидения.

Возле прибывших составов снова работали работники железной дороги в черной

форме и фуражках с красной тульей. То и дело раздавались разнообразные трели их свистков в качестве команд машинистам.

В раннем детстве Васильев с родителями уже побывал в румынском городке Кымпьлунг. Из детских воспоминаний прочно врезались в память и эти свистки, и еще то, что очень много людей, выходявших из местного поезда, на котором они приехали поздно ночью, были одеты в гуцульскую одежду и шляпы с перышками. В таких костюмах народный ансамбль танца, где он занимался, выступал когда-то на сцене.

По расписанию киевский поезд прибывал в Бухарест в 19.45. Васильев встречал папу. Время еще оставалось, и ему захотелось выпить кофе, но в вокзальных кафе, напоминавших наши столовые, стоял устойчивый тяжелый дух непроветренной кухни, люди обильно закусывали домашней снедью, разложенной на столах, запивая молоком из литровых стеклянных бутылок, или напитками, купленными здесь же в буфете.

Васильев вышел на привокзальную площадь проверить, а скорее, полюбоваться своей новенькой служебной машиной. Совсем недавно он освоил с помощью Евгения Ивановича вождение темно-синего фольксвагена «Венто». Евгений Иванович — водитель по жизни, «за баранкой» он отдыхал душой от мученической хозяйственно-дипломатической деятельности под руководством «Товарища Первого» и с удовольствием посвящал Васильева в таинство искусства вождения. Это кодовое имя Посла пришло на ум Васильеву легко после очередного «инфарктного» совещания по подготовке к приему по случаю Дня Независимости. Очень быстро оно закрепилось как в среде дипломатов, так и среди административно-технического состава. Главным вопросом того совещания была организация лепления вареников под пристальным

руководством «первой леди» Посольства. Кое-какой предыдущий опыт в этом деле уже имелся, переругались все основательно. Тогда вареники лепились для дипломатической благотворительной ярмарки. Новому автомобилю, как и военному кораблю, после обильного поливания шампанским было присвоено название «Карл» в память о его славном предке из романа Ремарка «Три товарища».

Ждать прибытия поезда оставалось еще с полчаса, поэтому Васильеву захотелось посидеть в машине. «Надо будет купить термос для кофе, — подумал он. — Тем более, что скоро предстоит первая самостоятельная командировка. Замначальника 1-го управления с “инспекторской” проверкой приезжает из Софии, и на нашу границу его необходимо будет доставить на машине». От этого предстоящего «500-километрового марша» было немного «стремно». Пользуясь технически предусмотренным комфортом немецкого авто, Васильев опустил удобную спинку сидения и закрыл глаза. Детские воспоминания о Румынии не отпускали...

Все началось с того, что, как-то придя домой из школы, а учился он тогда во втором классе, он застал дома много гостей. Из Днепропетровска приехали мамы братья. Папа в радостном возбуждении читал какие-то бумаги, его перебивали, тормошили и обнимали. Маленький Васильев тоже проникся всеобщей радостью и стал «палить» вверх из своего револьвера с бумажной лентой пистонов в барабане.

Гораздо позже он узнал значение этих «бумажек». Это была справка львовского Военного трибунала о папиной полной реабилитации и письмо от его адвоката.

А тогда, в далеком 1967-м, с этого момента в доме началась суетливая подготовка к поездке за границу, — в Румынию. Заполнялись бесконечные анкеты, мама собирала подарки. Васильев узнал, что увидит там своего дедушку, двоюрод-

ных сестер и братьев, о существовании которых он никогда до этого не слышал. Все они разговаривают на украинском языке. А его бабушка похоронена на кладбище, она умерла очень молодой. От таких новостей голова шла кругом.

Затем была долгая и интересная дорога. В Киеве сели в поезд «Москва–София». Ехали в купе с мягкими диванами и умывальной комнатой, в которую можно было войти прямо из их купе. Самым волнительным и торжественным моментом для Васильева-школьника стал переезд границы Советского Союза. Советских пограничников он видел раньше только в кино. Все они представлялись героями, бесстрашно ловащими шпионов, пытающихся проникнуть на советскую землю.

Когда на румынской пограничной станции вошли для проверки документов румынские пограничники, папа заговорил с ними на румынском языке, что для Васильева стало очередным потрясением.

В Яссах, румынском пограничном городе, они сделали пересадку и ехали до города Кымпылунга уже на местном поезде, очень отличающемся от советских поездов. Здесь не было верхних полок, куда можно было бы залезть и поспать.

Приехали поздно ночью. На перроне их встречал папин двоюродный брат. С папой они обнялись. Папа заплакал, и это было впервые, когда Васильев увидел его слезы. Потом с вокзала на горбатеньком автомобиле (народная машина «Дачия», сродни нашему «Запорожцу») приехали к красиво-му невысокому дому. Это была частная гостиница. Долго звонили в дверь. Заспанная, но улыбающаяся администратор проводила их в по-домашнему уютный, но прохладный номер. Мама сразу же положила его в кровать, укрыв толстым теплым и колючим одеялом.

В родном папином селе Изворы остановились перед узкой журчащей речкой, моста через нее не было. По кладке

перешли ее и стали подниматься по горе к хате. Навстречу им из близлежащих дворов выходили люди, обнимали папу, тискали в объятиях Васильева.

— Йой, пан Василько! — раздавалось со всех сторон.

— Йой, яка файна пані! — это говорили о маме и целовали, целовали, целовали.

— Йой, Вова дуже схожий на тата.

Хата, в которую они вошли, напоминала бабушкину в Житомирской области, куда Васильева-младшего возили каждое лето. Только крыша у нее была деревянная, а не соломенная и стены бревенчатые, непобеленные. Внутри вдоль стен стояли лавки, деревянные кровати, укрытые толстыми домотканными покрывалами, а в углу — стол, над ним — иконы. На столе стояли большие тарелки с пончиками, посыпанными белой пудрой.

Многочисленные папины родственники: братья, сестры, племянники, племянницы, дяди, тети, почти все были одеты в праздничную гуцульскую одежду, сидели на лавках и кроватях. Хозяйка периодически обходила всех с подносом, уставленным маленькими рюмочками с ароматным напитком, это был ром.

За столом папа с новообретенным дедушкой вели нелегкий разговор, как понял Васильев. Папа выпивал ром из рюмочки, вертел ее пальцами, глядя то в окошко, то на своего отца. Тот кивал, виновато улыбался и гладил его по плечу.

Впоследствии, взрослея, Васильев узнавал отрывочные факты из жизни отца, и они для него были словно кадры из фильмов о военных судьбах героев.

В 1944 году папе было 13 лет. Мама его умерла. От своего отца, женившегося к тому времени и привевшего в дом мачеху, он ничего не знал, кроме «бука». Бил отец его сильно, и ему казалось, что тот хочет сжить своего сына со свету.

У мамы был «грунт» — около 20 гектаров леса, а папа был наследником.

Зимой в тот год мимо их села проходили немецкие колонны, они шли на Венгрию. Папа с хлопцами приноровились на горных поворотах забираться в кузова притормазывавших машин и тащить из них все, что под руку попадет. Одна из таких вылазок закончилась для него разбитой головой. Всего в крови его подобрали и увезли в колонне. Так он оказался в школе абвера, готовившей диверсионные группы из «власовцев» и бывших военнопленных для заброски в тыл Красной армии. В школе он получил кличку «Котик».

Иногда папа, под настроение, вспоминал поучительные истории из своей службы ординарцем у инспектора школ «доктора» Крауза. Как-то тот увидел папу с сигаретой во рту. Не ругая, он отвел его на берег речки, вырезал тонкую тростинку из ивы и «отходил» курильщика по мягкому месту. С тех пор папа не курил больше никогда. Правда, на следующий день «доктор» Крауз обнаружил в своей корзине для белья связку гранат.

Воспитанием занимался не только «доктор», но и «школьные товарищи». В увольнении они шли сначала в церковь, а после этого — в местный публичный дом. Вечер завершали в кабачке. Об одном из таких вечеров папа вспоминал чаще за столом.

Как-то, повеселившись в компании с венгерскими солдатами, они уже собирались уходить. Но тут один из венгров «на дорожку» налил в стакан местной водки и обратился к папе:

— Пей, большевик!

Для папы это прозвучало обидно. Румыния тогда была королевской, страной правил верный сателлит Германии генерал Антонеску. Село, где жил папа, было украинским,

но по нему прошла граница с СССР, разделив его буквально по огородам.

Папа со злости выругался по-венгерски и залпом выпил водку... Спать его в доме оставила хозяйка. Утром она уговаривала его остаться, обещая надежно спрятать.

— И чего я не остался? — каждый раз мечтательно заключал он свой рассказ.

Летом 1945-го их абвер-команда стояла в небольшом городке Винер-Нойштадт под Веной. «Доктор» Крауз убыл в командировку в Германию, и папу включили в состав одной из групп на выброску. Район выброски — Черновицкая область. Программа обучения включала несколько «прыжков». «Бросали» их на местный аэродром.

Перед «заброской» папе из-за легкого веса в снаряжение добавили радиостанцию. Деньги на группу тоже были у него в вещьмешке. По его воспоминаниям, старший группы не хотел его брать, опасаясь, что он выдаст группу, — как чувствовал.

Накануне «заброски» в школе устраивали торжественный ужин.

— Ужинал я в актовом зале школы в Австрии, а завтракал в хлеву в Советском Союзе, — из папиных уст это звучало, как подтверждение известной истины — на войне, как на войне.

После ночного десантирования группу разбросало сильным ветром. Приземлившись, папа пошел искать пограничников и, сдавшись, рассказал все как на духу. Старший группы оказался прав.

Первую ночь продержали в хлеву. Затем последовала череда допросов и суд военного трибунала.

Статья 254 Уголовного Кодекса Украины — аналог знаменитой 258-й в РСФСР. Измена Родине в мыслимых и немыслимых интерпретациях. Приговор — 10 лет. Это в 13 лет, несовер-

шеннолетнему военнопленному другой страны, добровольно сдавшемуся властям. Чтоб знал, как советскую родину любить! Дальше — по этапу: колония для несовершеннолетних под Баку, перевод в колонию общего режима на Урале...

С 1921 по 1953 год по этой статье за контрреволюционные преступления было осуждено 3 777 380 человек, в том числе приговорены к высшей мере наказания 642 980 человек. Заключенные, приговоренные по статье 58, назывались «политическими», в отличие от обычных преступников: «уголовников» и «бытовиков». После освобождения заключенные не имели права селиться ближе чем в 100 км от крупных городов (в оговоренные судом сроки).

Обо всем этом Васильев узнал гораздо позже.

— Меня спасло то, что попал под опеку к политическим, а не уголовникам, — такой был папин вывод после 10 лет лагерей.

Когда Васильев в 7-м классе читал сохраненный родителями одного из товарищей затертый журнал «Роман-газета» с рассказом Александра Солженицина «Один день Ивана Денисовича», передававшийся из рук в руки «среди своих», многое из прочитанного напоминало отрывки из папиных рассказов. Вначале он даже не понял, что это советская колония, а не немецкий концлагерь.

Оторопь брала от прочитанного и непонимание: неужели такое могло быть в нашей советской стране.

По окончании срока папиного заключения неоплатную службу сослужил ему друг-писарь. Многое иногда и в армии, и в колонии зависит от писарей. В справке и в документах он изменил несколько букв и слов. Из фамилии выпала одна буква, а местом рождения стала не Черновицкая область, а Черниговская, чтоб подальше от «бандеровцев».

Так и началась у моего отца новая жизнь после переезда вместе с другом в Днепропетровскую область.

Устроился работать на стройку. Далее — призыв в армию, как достигшего призывного возраста законопослушного гражданина СССР. И надо же, назначение он получил во Внутренние войска. Снова за колючую проволоку, но теперь с другой стороны.

После «срочной» — положительная характеристика и рапорт на сверхсрочную службу. Должность — начальник отряда. У «эзков» получил прозвище «Кирияня». Они откровенно удивлялись, откуда у него такое знание «эзковской» жизни изнутри.

Получение первого офицерского звания младшего лейтенанта стало праздником в доме. Через год или два — присвоение очередного звания лейтенанта. Большое семейное фото, на котором папа в парадной форме с мамой в красивом платье, а посередине маленький Вова, стояло на полочке старого дивана с дерматиновым покрытием и с прикрепленными к его спинке вышитыми салфетками. Они жили тогда в двух комнатах служебного барака на прилегающей к колонии территории. Периодически младшего Васильева нянчили или солдаты в «караулке», или «расконвойники» — заключенные, которым разрешался выход из зоны.

«Потерять бдительность» — была такая фраза в обиходе советских людей. Именно это произошло и с папой. На кураже его потянуло проведать места весьма отдаленные, где за забором с колючей проволокой провел отрочество и раннюю молодость. В отпуск он поехал на Урал в офицерской форме... Бдительными оказались другие... В компетентные органы ушла «телега».

Увольнение со службы с «волчьим билетом» на руках последовало незамедлительно. Начальник колонии уважал папу, но ничего сделать в этой ситуации не мог.

— Был бы ты членом партии, может, они бы и спустили твое дело на тормозах. Теперь я понимаю, почему ты так упорно отказывался стать коммунистом, — сочувственно сказал он на прощание.

Папа уехал в Черновцы и, благодаря старым знакомствам, поступил в техникум связи. Жизнь снова надо было начинать сначала. Мама переезжать отказалась, поэтому, через какое-то время папа вернулся, и его взяли на работу в «родную» колонию по линии снабжения.

А по совету умных людей, поскольку «оттепель» еще не успела закончиться, он подал заявление в суд на пересмотр своего дела и обратился к опытному адвокату во Львове.

Адвокатом была женщина, должно быть, немало повидавшая на своем веку. Она очень сопереживала папиной истории. Позже Васильев с волнением читал ее письма. От пожелтевших листов с напечатанным на пишущей машинке текстом веяло теплом и вниманием.

*ДОБРЫЙ ДЕНЬ,
МНОГОУВАЖАЕМЫЙ ВАСИЛИЙ ПАВЛОВИЧ!*

Я получила копировальную бумагу и две ленты для пишущей машинки, большое Вам спасибо. Жалоба по Вашему делу увезена в Москву и как только будет ответ, я сейчас же извещу Вас.

Почему-то я уверена в том, что по делу будут хорошие результаты, а поэтому прошу ждать и надеяться.

Будьте здоровы.

Подпись *Н. Смирнова* была написана красивым почерком чернильной ручкой. Дата значилась: 12.02.67 г.

В следующем письме она писала:

**ЗДРАВСТВУЙТЕ, МНОГОУВАЖАЕМЫЙ
ВАСИЛИЙ ПАВЛОВИЧ!**

14 июня, т.е. сегодня, я возвратилась из Москвы и спешу сообщить Вам великую радость.

По Вашему делу принесен протест Военным Прокурором Главной Военной Прокуратурой /начальником отдела/ полковником юстиции Воробьевым, в котором ставится вопрос об отмене приговора Военного Трибунала Черновицкой области от 4 июня 1945 года И ВАШЕЙ РЕАБИЛИТАЦИИ ...

Ваше дело будет слушаться в Трибунале в конце июня месяца с.г. Надеюсь на Вашу реабилитацию, поэтому спешу сообщить Вам.

Желаю Вам и Вашей семье всего хорошего.

Уважающая Вас: Н. Смирнова

14.VI — 67 г.

И, наконец, пришло самое ожидаемое письмо.

**ЗДРАВСТВУЙТЕ, МНОГОУВАЖАЕМЫЙ
ВАСИЛИЙ ПАВЛОВИЧ!**

С большой радостью спешу Вам сообщить, что сегодня 20 июня 1967 года, Военный Трибунал ПРИКВО, рассмотрел в судебном заседании протест Главного Военного Прокурора на все судебные решения по Вашему делу и Определил: ВЫ РЕАБИЛИТИРОВАНЫ.

... Прошу мне верить, что я не меньше Вашего радуюсь Вашей РЕАБИЛИТАЦИЕЙ и еще радуюсь потому, что мои труды увенчались успехом.

Теперь Вы имеете право получить зарплату за два месяца с Вашего места последней работы до ареста и восстановиться в прежнем воинском звании.

Желаю вам и Вашей семье всего хорошего.

Уважающая Вас: Н. Смирнова.

20.VI — 67 г.

На военной службе папу не восстановили. Впоследствии он дослужился до должности начальника снабжения «учреждения почтовый ящик № ...», так мелодично называлась колония общего режима, ставшая для него в жизни, словно «alma mater», что в переводе означает «мать-кормилица»...

С момента вступления самого Васильева во взрослую жизнь, сначала перетянутую «суворовским кожаным ремнем», и дальше — как положено по военной карьерной лестнице, папа очень переживал, чтобы его история не отразилась на судьбе сына. Он скептически относился к цитате «великого вождя, товарища Сталина» о том, что будто бы сын за отца не отвечает... Всегда и везде во всевозможных анкетах приходилось отвечать на «конкретные» вопросы о судимости родственников, о наличии родственников за границей, о пребывании на оккупированной территории и т.д. Папино дело хранилось в архивах КГБ, его можно было поднять в любой момент и использовать, как кому заблагорассудится.

После поступления в СВУ Васильев больше ни разу не бывал в Румынии...

Папиной радости не было предела, когда он узнал о назначении сына в Посольство на свою историческую родину. А между тем, назначению Васильева предшествовала череда событий, менявших в приказе начальника ГУР дату и место выезда для дальнейшего прохождения службы им и другими офицерами.

На этапе подготовки отъезда в другую страну Васильева вызвали к начальнику отдела кадров, тоже выпускника КВОКУ, только постарше.

— Как у тебя с румынским языком? — строго спросил он.

— Никак, у меня — английский, — недоуменно ответил Васильев.

— Очень хорошо, выучишь и румынский. Руководство приняло решение направить тебя в Бухарест. Вопросы есть?

— Никак нет.

— Давай, удачи!

Позже он вспоминал о начальном периоде службы на «острове» как самом честном и романтическом. Руководители и начальники пользовались заслуженным авторитетом у подчиненных по своему сроку службы, пройденной на всех ступенях в самых непростых условиях различных округов и групп войск. В то же самое время первый начальник военной разведки Украины твердо отбросил солдафонские подходы и «бериевские» инструкции в управлении ГУРОм. Сама по себе измененная аббревиатура, чтобы не путать с ГРУ, внушала тогда наивный оптимизм и уверенность в перспективах службы...

* * *

Когда Васильев, отдохнув, вышел из машины, стал накрапывать мелкий осенний дождик. «И зонт надо будет тоже купить, чтобы был в машине», — подумалось ему. Подняв воротник пальто и, почувствовав себя разведчиком, пошел на перрон.

Папу он увидел стоящим у вагона и мило прощающимся с симпатичной проводницей, та хихикала. Он поцеловал ей

руку и, улыбаясь, пошел ему навстречу. В коричневом плаще и темно-синем берете, с одной сумкой в руке и другой на плече, он напоминал испанского добровольца.

— Сетреиц, домнул Колонел! — весело и громко он приветствовал Васильева, приложив ладонь к головному убору, как при отдании воинской чести, что означало в переводе: «Здравия желаю, господин полковник!». Васильев еще был подполковником.

— Рот фронт, — ответил Васильев, и они крепко обнялись.

Триумфальная арка. Бухарест

Отшумели песни нашего полка
Б. Окуджава

6.

Самым опытным дипломатом в Посольстве считали советника Геннадия Астахова. Еще при СССР после окончания Киевского университета ему «свезло» поработать в посольстве в Бухаресте. Румынский язык был для него как родной. Он стал свидетелем драматических революционных событий и свержения режима Чаушеску. Знал многих участников событий и дружил с ними.

В «молодом» украинском Посольстве, он был опорой первому Послу, милейшему человеку и ученому в области гистологии и эндокринологии. Его «докторская» касалась изучения роли эритроцитов как депо и универсальной транспортной системы биологически-активных веществ, в том числе гормонов в регуляции гомеостаза и адаптации.

Правда, Посол на протяжении всей своей дипломатической миссии называл Астахова Евгеном. Далее следовало дипломатическое: «Тьфу ти чорт, Геннадій». На следующий день все повторялось.

Приезд молодого и прогрессивного Посла, как характеризовали положительных героев в советской прозе и кино, воспринимался с большим энтузиазмом. К тому же Посол был юристом по образованию и за плечами имел опыт не легких переговоров с россиянами по поводу списания долгов Советского Союза.

Посол ценил опыт Геннадия и советовался с ним по всем вопросам жизни и деятельности Посольства.

Васильеву импонировал стиль Астахова, когда на холерические вспышки «Товарища Первого» на совещаниях он реагировал спокойной обстоятельной аргументацией. Такому еще надо было поучиться.

В армии это происходило по-другому. На вопросы и замечания начальника вроде: «Молчать, я вас спрашиваю», — следовали ответы в стиле: «Есть, так точно, разрешите бегом» или же: «Виноват дурак, исправлюсь». Эти же формулы существовали и в дипломатической службе, только в более мягких формулировках. Примером тому был безобидный, когда трезвый, и «гусар» после бутылки вина первый секретарь Любомир. На все предложения Посла он отвечал неизменным: «Прекрасно, прекрасно!»

— С Послом нам повезло — так говорил Астахов, когда они после партии тенниса сидели за столиком кафе в парке «Хэрэстрэу» за кружкой пива и полюбившимся Васильеву стаканом «Пригата», негазированного фруктового напитка. — Он всегда открыт для дискуссии. Энергичный и настроенный на достижение конечного результата, прежний Посол «пролежал на должности» два года.

Военное выражение Астахов употребил не просто так. После университета он «загремел» в армию на два года. В университете была военная кафедра. Поэтому со специальностью «военный переводчик» и в звании лейтенанта он проходил службу на должности начальника финансовой части отдельного батальона в Киевском военном округе. «Фиников» в армии любили и почти не обижали. Другим же его товарищам «двухгадюшникам», или «пиджакам», по выражению отдельных строгих командиров, иногда доставалось. Как-то, обидевшись на это, последние стали при встрече со старшими по званию вместо отдания воинской чести приподнимать фуражку с легким поклоном.

Его гарнизон находился недалеко от Конотопа, где служил Васильев в «крылатой пехоте», как называли в строевой песне их недавно созданный ДШБ. Таким образом, оказалось, что они почти однополчане и воспоминания об армейских буднях с их чудачествами «цвета хаки» вызывали приятные эмоции, а иногда и здоровый смех. Посол избежал по каким-то причинам службы в СА, но поработал в Африке преподавателем.

— Евгений Иванович привез мне в квартиру из «внутренних резервов» рабочий стол и небольшой книжный шкафчик. Сказал, что это — по поручению Посла и я должен это ценить.

— Забота о личном составе — налицо, — улыбаясь, заметил Астахов.

После нескольких бесед Васильева с Послом в неформальной обстановке о театре и литературе появилось ощущение, что Посол оттаял по отношению к аппарату ВАТ. Жена Посла тоже неожиданно обнаружила проблески КВНовского таланта у военного дипломата после экспромта на одном из «междусобойчиков» по поводу дня рождения кого-то из сотрудников. На вечеринке даже устроили танцы в каминном зале.

В перерывах вели «светские» беседы в комнате ВАТ. Супруга Посла сидела на краю дивана с ровной спиной, как сидят балерины, эффектно забросив ногу на ногу, и курила длинную тонкую сигарету. Васильеву сразу же пришла на ум фраза из бестселлера «Ледокол» Виктора Суворова, кстати, тоже выпускника Киевского ВОКУ. Звучала она примерно так: «Не люби никого, кроме членов Политбюро, не пожелай жены брата и сотрудницы аппарата». «Хотя Посол мне не брат», — ответил тут же на это внутренний голос.

Узнав, что Астахов с Васильевым играют в теннис, Посол сразу же вызвался дать бой обоим. Организовали выезд в дипломатический клуб с «завтраком на траве» и теннисом. Посол остался доволен собой после нескольких сыгранных сетов. Несмотря на легкую полноту, он резво «носился» по корту.

— Мне предстоит скоро первый «500-километровый марш» по маршруту Бухарест–Черновцы. Как вообще эта дорога? — Васильев испытывал легкий мандраж. — Ладно бы еще ехать самому, а тут надо везти заместителя руководителя.

— Дороги по Румынии нормальные, но только всего две полосы и при обгоне надо быть внимательным. Еще часто по дорогам едут крестьянские «каруцы», запряженные лошадами или осликами, и в темное время на скорости они представляют собой опасность. Мы как-то ехали со старым послом в Черновцы и возле Сучавы встретили такую цыганскую «каруцу», но самое интересное, что она была с голубым дипломатическим номерным знаком сзади.

— И чей был номер?

— Вы будете смеяться, это был номер Посольства Украины. Предыдущий завхоз его потерял.

— И шо вы сделали?

— Выкупили его за умеренную плату.

— А цыганские уроды на проезжей части в Бухаресте? Это шо за явление? — спросил Васильев, думая о румынских дорогах.

Картина эта была не для слабонервных. Калеки буквально ползали по осевой линии во многих местах города, выпрашивая милостыню. Их уродство было сродни тому, что он видел во французских фильмах о мрачном средневековье.

— Это род цыганского бизнеса, их калечат специально, чтобы сильнее давить на нервы. Конечно, цыганская проблема в стране существует, как и в других Балканских странах. В Румынии цыгане составляют от 3 до 9 процентов населения, в Болгарии — чуть меньше. При этом болгары в представлении значительной части украинцев — это славянские братушки, а румыны — цыгане, — Астахов, немного занервничав, достал очередную сигарету.

К столику подошел официант и с улыбкой заменил пепельницу. Кафешки в сквериках, улыбающиеся продавцы и официанты, говорящие «Буна зиуа» всем входящим, это приятно удивляло Васильева вначале.

— Румынская дипломатия имеет уникальный опыт противостояния с сильными мира сего. После Первой мировой была создана «Великая Румыния» с новыми, отошедшими к ней территориями. После Второй мировой они вовремя оказались в лагере победителей и тоже кое-что прихватили. А впечатление такое, что в нашем МИДе не воспринимают всерьез ситуацию и за это можно сильно поплатиться.

— Кстати, о Болгарии. Мне говорили, что наши туда на «шопинг» ездят, — поинтересовался Васильев.

— Да, в Русу, раньше чаще ездили, теперь реже. Это рядом с границей. У консула там угнали машину, у послицы вытащили кошелек в супермаркете. Цыганские барышни там

работают с вдохновением. У дверей на выходе из магазина они втроем блокируют покупателя и за считанные секунды освобождают от кошелька или наличности в кармане.

— А машину нашли?

— Да, повезло, полиция сработала оперативно. В Румынии, кстати, отсутствует проблема рэкета. Сюда попыталась зайти интернациональная русско-украинская братва, и «поработать» на дорогах. Полиция расстреляла ребят и фамилию не спросила. На этом заезжий рэкет прекратился. Остался только свой, полицейский.

— Знакомый метод, где-то это уже было...

— В отличие от «братанов», наши «ночные бабочки» завоевали себе здесь «место под солнцем»...

— Так, так, а поподробнее для знания оперативной обстановки в городе.

— А посетите вечером дискотеку в парке «Хэрэстрэу», там все и будет «проистекать».

— Да, надо будет организовать культпоход ассоциации ВАТ.

В машине по дороге домой Астахов включил сборник песен Кашина, о котором Васильев никогда до этого не слышал.

— Песня китайских цыган, — назвал он зазвучавшую композицию. Цыганской в ней была разве что партия скрипки, ноющая и зовущая. Текст же напоминал фантазии в стиле Гребенщикова.

— Да, актуально. А что в Китае тоже есть цыгане?

— Их есть везде. Приехали... «К машине!»

Возле подъезда, куда они подъехали, стояла машина Ежи. Они с Астаховым были почти соседями. Ежи жил этажом выше. Сейчас он доставал вещи из багажника своего «Полонеза», а его сын заносил их в дом. «Полонез» — чудо польского

автомобилестроения, похож на наш «Москвич-412», только габаритами побольше и в движении ревел, как трактор. Ежи часто возил его на станцию техобслуживания и ругал румынских слесарей «на чем свет стоит».

— Дзень добрый, пан майор! Вы с сервиса приехали? — Астахов спросил его, улыбаясь, с легкой иронией.

— Добрый день, господин советник! Дзеньки богу, не. Курва то, а не сервис.

«Теплые чувства» Ежи испытывал не только к автослесарям, но и к сантехникам дипломатического сервиса. На одном из недавних приемов, проводившемся в дипклубе на лужайке, Ежи взял в баре кружку пива и направился к «военному кружку». По пути он наступил на крышку канализационного люка, как оказалось, не совсем плотно закрытую. В результате почти все пиво оказалось на парадном мундире польского офицера. Картина была не для слабонервных. Дамы — в легких декольтированных платьях, мужчины — в светлых костюмах и Ежи весь в пиве. При всем желании соблности дипломатической протокол, военным дипломатам трудно было скрыть всхлипывания от смеха, который они «давили» в себе. Когда Ежи — подошел к Васильеву с почти пустой кружкой пива и лицом, исполненным ненависти к врагу, как на плакатах времен войны, тот предложил ему выругаться по-польски, чтобы полегчало. В ответ сквозь зубы прозвучало: «Еб твою...» и далее по тексту на великом и могучем.

— Привет, Володя! Ты видишь, как меня сосед подкалывает?

— Честь, пан подполковник! Еще Полска нэ згинела! — Васильев отдал честь по-американски без наличия головного убора.

— Так, идете до меня сейчас! Эльжбета сделала шарлотки.

— Это украинский творожник?

— Да, но сделанный по-польски. «Пригата» у меня для тебя нет, будешь коньяк пить. Или ты только «пепси» пьешь с русскими братьями?

— А ты откуда знаешь?

— Твой шеф моему рассказал. Геннадий, вы еще у меня не были, то не по-соседски.

— Ежи, не могу обидеть тебя отказом, я только переоденусь.

Васильев уже привык, что военные дипломаты в Бухаресте ходят друг к другу в гости по протоколу. Этому предшествует целый ритуал: согласование по телефону возможности, уточнении даты, присылка приглашения. Но с Ежи все было по-другому, по-нашему. Как-то они приехали с приема домой одновременно и Ежи буквально «затащил» его к себе. До полуночи они сидели на мягком уголке за столиком в гостиной, что называется «без галстуков». Эльжбета накормила их польским капустняком, который после бутербродов на приеме пошел «на ура», запивали его польской холодной «Зубровкой». Поговорили обо всем, начиная с битв между казаками и шляхтой под Желтыми Водами и Берестечком, заканчивая судьбой героев любимого фильма «Четыре танкиста и собака».

«Независимая Украина — это залог независимости Польши» — это был коронный и любимый тезис Ежи во всех политических дискуссиях.

После этого дружеского вечера они работали, что называется, «плечом к плечу», встречаясь то в офисе ВАТ польского Посольства, то украинского для обмена мнениями и информацией.

Замок Бран — «логово графа Дракулы»

*Играйте, оркестры, звучите и песни, и смех.
Минутной печали не стоит, друзья, предаваться.
Ведь грустным солдатам нет смысла
в живых оставаться,
И пряников, кстати, всегда не хватает на всех.*
Б. Окуджава

7.

«Исторически сложилось так» (фраза Астахова), что даты визита в Бухарест Главного руководителя (Начальника ГУР) и Министра иностранных дел совпали. А по сему, к подготовке совместной культурной программы подключилось Посольство. Ну а офицеры «атташаата», как витиевато выражался Посол об аппарате ВАТ, этому были только рады. Должно быть, Послу такое название ласкало слух.

Дело в том, что атташе — это самый нижний дипломатический ранг в иерархии гражданских дипломатов. В то же время военный атташе, а позже — атташе по вопросам обороны может быть и генералом, а помощник военного атташе — полковником.

Предложения дипломатического состава творчески развивал Посол на «летучих» совещаниях по подготовке визита, длившихся по часу и более.

— Прекрасно, прекрасно, — звучало с противоположного края стола.

«Прием в Посольстве с варениками» был обязательным пунктом программы, не подлежащим обсуждению. Мобилизация для лепки вареников всего «женского личного состава» обычно напоминала переход воинской части в повышенную степень боевой готовности.

На субботний день после всех официальных мероприятий запланировали выезд к озеру Снагов, недалеко от Бухареста, где на небольшом острове находилась старинная церковь, а возле нее — могила Господаря Валахии в XV столетии графа Влада III Цепеша, в народе известного под демоническим именем Дракула.

Прозвище «Дракул» (в переводе с румынского «дьявол») он унаследовал от своего отца, который был рыцарем ордена Дракона, созданного Королем Венгрии. Впоследствии, в ходе междоусобиц, венгры отрубили голову отцу Дракулы, а старшего брата закопали в землю живьем. Сам же Дракула провел много лет в походах и войнах в борьбе за трон. По историческим сведениям после сражения с одним из своих противников он приказал посадить на кол уже убитых в бою воинов и всех женщин, следовавших в обозе, а грудных младенцев привязали к посаженным на кол матерям.

Также он поступал, воюя с турками, уже будучи правителем, но на кол сажал теперь пленных. Эта казнь тогда была очень «популярна» в Турции. И прозвище «Цепеш», в смысле «колосажатель», т.к. в переводе с румынского «цапэ», означает «кол», Дракула получил от турок. Вампиром он стал позже у литераторов.

О времена, о нравы...

Живописать холодящую ужасом историю поручено было Астахову. В нагрузку он должен был также рассказать историю из недалекого румынского социалистического прошлого. «Памятник социализму и его вождю» представлял собой запущенный полуразрушенный городок по типу советских совхозов, находящийся на пути в Снагов.

Сюда планировалось заселить в добровольно-принудительном порядке крестьян и немного пролетариев, чтобы под руководством коммунистической партии Румынии создать образцово-показательное хозяйство. С падением режима крестьяне разбежались по своим родным селам так же, как и пролетарии с коммунистами.

На берегу озера Снагов советским Посольством была построена дача для отдыха дипломатов, перешедшая по наследству российскому Посольству. Военные российского Посольства тоже часто выезжали туда на шашлыки, о чем не забывали похвастаться при встречах. Наверное, там бывало «весело», потому что, как стало известно из достоверных источников, в течение полутора лет в озере утонуло два шифровальщика.

Завершающей стадией подготовки к приему высоких гостей стала генеральная уборка Посольства силами штатной уборщицы и админтехсостава женского пола. Ну, а в финале на парадном входе появилась Первая леди Посольства с белым платком в руке. С грациозностью балерины и суровостью боцмана она протерла им мраморные панели, поднялась по лестнице и повторила операцию в холле, после чего проследовала в кабинет Посла.

Команда «Свистать всех наверх!» из кабинета последовала через несколько минут.

«Танцуют все!». Только и можно было сказать по результатам общего сбора. Далее последовало, как говорят в армии, устранение указанных недостатков, закончившееся «девичником» с чаем и слезами в подвальном помещении Посольства.

И вот тот день настал. Маленький прием для начальников из МИДа и Минобороны, гостей и приглашенных провели в каминный зал с выходом на широкий балкон.

Стояла теплая, как для октября, погода, поэтому постепенно все переместились для общения на балкон. В общем, мероприятие получилось камерным. Гости хвалили вареники, обращаясь к жене Посла (как-будто это она их делала). Все остались довольны, особенно посольские дипломаты и офицеры, потому что в памяти еще свежи были воспоминания о недавнем «ураганном» приеме по случаю Дня Независимости Украины, проведенным тоже на территории Посольства.

Дворик Посольства с ухоженной лужайкой и клумбой с розами вполне подходил для проведения приема. Каменный забор был увит диким виноградом. У одной из стен под металлическим навесом, выкрашенным в зеленый цвет, обычно стояли служебные автомобили. Но на время мероприятия их переместили на близлежащие улицы.

Во время подготовки сценария обсудили все детали, включая цвет салфеток и воздушных шариков для декора. Кто-то даже намекнул, на изменчивость погоды, из чего следовало, что не помешали бы легкие палатки. У завхоза это вызвало кислую гримасу. А поскольку идея не принадлежала Послу, то она и не нашла широкой поддержки. На том и порешили. Вроде: такого не может быть, потому что не может быть никогда.

Буря, в прямом и переносном смысле слова, грянула через пять минут после речи Посла, когда приглашенные «потянулись» к накрытым столам.

Шквал ветра, сопровождаемый ливнем, обрушился с невиданной силой на столы и гостей, бросившихся под спасительный навес. Тем, кто стоял ближе к балкону, на который можно было подняться по ступенькам и с него попасть в каминный зал, повезло больше. Они быстро оказались в безопасности и тепле. Этим же путем Посол ретировался в свой кабинет.

Спасавшиеся под навесом, ежась от сырости, грустно наблюдали за разгулом водной стихии на белых скатертях и в тарелках с закусками. Особенно страдали женщины в легких праздничных платьях. А дождь все не утихал.

Первыми нашли выход из положения военные. Ежи короткими перебежками приблизился к бару и, прихватив бутылочку и пару стаканов, ускоренным шагом вернулся под навес, где был встречен одобрительными возгласами коллег. Его пример вдохновил других. Дождь перестали замечать, а потом он и сам постепенно стал утихать. На горизонте показались официанты и под командованием завхоза начали ретиво убирать последствия стихии, сервируя столы в каминном зале. В общем, «праздничек блыснул».

У окна в кабинете иногда появлялся силуэт Посла. «Ватерлоо» на дипломатическом фронте, какая боль! Горечь поражения с ним делил, как сказали бы в романтические времена Сервантеса, верный оруженосец, помощник Посла по всем нерешенным вопросам, третий секретарь Перчик. «Молодое дарование», по оценке уважаемого «старого» полковника представителя МВД в посольстве. Юрист по образованию, Перчик имел свою позицию по всем вопросам, но готов был, как пионер, мгновенно принять позицию начальника и обосновать ее

правильность с юридической точки зрения. Глаза и уши Посла, а иногда и его голосок. К военным он относился уважительно, не упуская случая информировать босса обо всех нарушениях воинской дисциплины ВАТом и его старшим помощником в части неуставного распития спиртных напитков первым и ведения аморального образа жизни вторым. А в остальном — добрый малый, пропагандирующий позитивный подход к жизни.

Вообще, если нарисовать «генеалогическое древо» руководства МИДа за годы независимости, то много там окажется помощников, сделавших стремительные карьеры, в отличие от простых карьерных дипломатов, кровью и потом добывающих «свой хлеб насущный». «Зри в босса», как говорил Козьма Прутков.

* * *

Главный руководитель провожал начальника румынской разведки к машине. Они еще минут пятнадцать рассказывали друг другу о национальных традициях при прощании под веселый смех сопровождающих, многое было схоже. Переводила их непринужденный разговор капитан управления внешних связей МО Румынии по имени Анка, конечно, не пулеметчица. Она говорила на прекрасном русском языке, до этого четыре года поработав в Москве.

Проводив гостей, военные вернулись в кабинет ВАТ. Главный руководитель обошел и пристально осмотрел ВАТовское хозяйство и расположился на кожаном диване.

— Сідайте, хлопці, в ногах правди нема. Та ви тут, як на долоні, у румунських контррозвідників, не сховаєшся. Ну, то — їхня робота, закривайте жалюзі, вмикай, Анатолію, радіо, телевізор поголосніше, трохи поговоримо.

— Шо робити, ви знаєте, повторюватися не будемо. Тепер кажіть, які є проблемні питання?

— Пане генерале, було б краще, якби ми були на окремому фінансуванні, — ВАТ озвучил перший, найбільш болезненний, вопрос из тех, что они написали, когда готовились к встрече с начальством.

— Проблему знаю, ми над цим працюємо. Шо, посол грошей не дає? — Главный руководитель улыбнулся.

— Дає, але спокійніше було б якби давав Центр.

— Розумію, потерпіть. Ми зараз працюємо і над законом про розвідку. Там має бути усе враховано. Де плануєте проводити прийняття до дня Дня Збройних Сил?

— У Будинку офіцерів.

— Гарне місце.

Дом офицеров в Бухаресте размещался в одном из красивейших зданий, построенном в XIX столетии. Вообще, все, что касалось представительских функций в румынской армии, было продумано до мельчайших подробностей и вызывало уважение. После родной военно-бытовой аскетичности Васильев был приятно поражен, когда впервые пришел получать почту в румынское управление внешних связей Разведуправления. В комнате для гостей ему предложили кофе и печенье. Их с представителем управления обслуживал официант «в бабочке», а кофейный сервис был, как говорили в СССР, типа «Мадонна».

Невольно вспомнились наши бедные «направленцы» в Управлении внешних связей МОУ, бегающие по кабинетам в поисках чая или кофе, чтобы предложить пришедшему военному дипломату. У нас почему-то считалось, что только в кабинетах высоких начальников позволительна «такая роскошь».

Почти конфуз произошел и на военном аэродроме по прибытию из Киева делегации Генштаба. Наши полковники и подполковники привели в растерянность и очень смутили

групу «стюардов» Министерства обороны Румынии, когда ускоренным передвижением со своими чемоданами двинулись к стоящим на отдалении автомобилям, предназначенным для перевозки багажа. Стюарды здесь и находились с целью погрузки личных вещей офицеров Генерального штаба ЗСУ...

— Шо брати московські? Дошкуляють? Їх тут багато, — продолжил беседу Главный руководитель.

— Закликають до слов'янського братерства.

— Вони ніколи від нас не відчепляться. Події з Мешковим в Криму — це тільки початок. Нам вдалося втримати Крим зараз, але без мудрої державної політики все може повторитися.

Весной 1995-го Васильев в составе большой группы офицеров ГУРа был отправлен в Крым для отслеживания ситуации и информирования Центра. Он неделю провел в Феодосии. Обстановка там была спокойная, но ощущался вакуум украинской государственности. На дачах на краю города, владельцами которых в основной своей массе были военные отставники, реяли флаги ВМФ СССР. В их разговорах ощущалась ностальгия по утраченному величию и безразличие ко всему украинскому, как к чему-то временному.

— Ну, що? Збирайся у відрядження до Чернівців, — генерал обратился теперь лично к Васильеву, — зустрінеш там голову Комітету, він має попрацювати на кордоні.

Первое, что пришло в голову Васильеву после услышанного, это кадры из «Семнадцати мгнової весни», когда Штирлиц выехал на границу готовить «окно» для пастора Шлага.

Комитет по разведке создан был совсем недавно и возглавил его бывший ВАТ Украины в США. Что это такое, толком еще никто не знал.

— Зрозуміло, — ответил Васильев автоматически, хотя ничего не было ему «зрозуміло».

— Ну, що ще?

Васильев и Каценюк переглянулись, оставался личный вопрос Васильева. Он написал рапорт на отпуск с местом проведения его в Париже. Это было ново для «молодого» ГУРа. Керівник в Центре Георгий Тимофеевич в своем эмоциональном стиле побурчал на ВАТа за «борзость» подчиненного, но не отказал, а дипломатично предложил подписать рапорт у Головного керівника во время его визита в Бухарест.

— Це рапорт старшого помічника на відпустку, — Каценюк протянул листок генералу.

Тот прочитал его и ухмыльнулся:

— А чому в Париж?

Простота вопроса смутила Васильева. Как объяснить, что это была мечта его жизни. Еще в училище на занятиях по научному коммунизму юного курсанта мучил вопрос: при всем согласии с марксистско-ленинской теорией непонятно было, неужели, будучи членом партии и офицером Советской Армии, он не сможет поехать в город, оваянный мушкетерской славой.

Ответ Васильева последовал самый, что ни есть нелепый.

— Побачити, де жили мушкетери.

— Ну, добре. Ми, слава богу, почали відходити від берієвсько-ежовських інструкцій. Їдь дивись, — генерал написав желанную резолюцию на рапорте и отдал его Васильеву.

Через две недели Васильев встречал на КПШ «Порубное» Голову Комітету. Широкий лимузин «Форд» вишневого цвета з затемненными стеклами на большой скорости лихо подкатил к терминалу пограничного контроля.

Из машины с переднего сидения вышел товарищ в кожаном пальто. Они пожали друг другу руки.

— Едем на ту сторону. На мебельной фабрике будем смотреть мебель начальнику, — четко по-военному доложил он.

— Зрозуміло, — кивнул в ответ Васильев.

— Мы с оружием, — сказал человек в кожаном пальто.

— Вы шо, ковбой? — вырвалось у него от удивления. —
Надо сдать его пограницам.

Замок Пелеш

8.

Из 1996 года дипломаты гражданские и военные «выходили с боями». Перефразируя название романа Ремарка «На Западном фронте без перемен», можно было с уверенностью сказать про тот период: «На Румынском фронте сплошные перемены».

После успешного (особенно на фоне посольского) проведения военными приема по случаю Дня Збройных Сил Украины в парадном зале столичного Дома офицеров Посол принял решение о проведении следующего приема ко Дню Незалежности во Дворце Елизаветы. Это был один из национализированных королевских дворцов в Бухаресте. Впоследствии его вернули в собственность королевской семье.

Контроль подготовки к приему взяла на себя Первая леди Посольства и этим был обеспечен успех мероприятия.

Для «закрепления победы» Посол настоятельно порекомендовал провести следующий военный прием в Посольстве, исключительно с целью экономии государственных средств, выделенных на содержание аппарата ВАТ. Благо, на дворе стоял декабрь, поэтому использовали только каминный зал и холл.

Больше чем за месяц до знаменательной даты ВАТ направил в Центр запрос на проведение приема и выделение денег. Центр прислал «вказівку» провести прием, а деньги должен был выделить МИД, поскольку финансирование осуществлялось через его валютно-финансовое управление.

Недели летели, ВАТ безрезультатно названивал в Центр. Без понимания, сколько выделено денег на прием, невозможно было начинать организационную работу. Центр повторял, как мантру, что соответствующее письмо направлено в МИД. ВФД молчал, а без его письма «вказівки» нашего руководства были Послу не указ.

Когда дошли до рубикона, дальше которого «отступить было некуда», Посол на совещании поинтересовался, как идут дела с подготовкой к приему.

— Никак, — просто ответил ВАТ.

— Что же будем делать? — почти классический «русский» вопрос, прямо по Чернышевскому повис в воздухе.

Далее последовало выяснение дипломатических отношений между Послом и аппаратом ВАТ при Посольстве.

В «ихнем» понимании — праздник военный, вот пусть «Атташаат» и проводит.

В понимании ВАТ — праздник государственный, Посольство проводит прием в ознаменование Дня Збройних Сил Украины. Далее следовала легкая пикировка.

- Начинайте подготовку.
- Дайте нам деньги, и мы все организуем и проведем.
- Пишите заявки, все получите со склада.
- На складе, кроме ящика водки, ничего нет.
- Забудьте про это, это не ваши проблемы.

И так по кругу. На том и разошлись.

Дальнейшая подготовка прошла под девизом: «Спасибо товарищу Послу за то, что нам так весело».

В Наказі по Посольству «Про проведення прийняття з нагоди 5-ї річницї ЗС України» на Васильева была возложена ну, «очень серьезная задача» по обеспечению работы гардероба. Кроме того, он был включен в группу по уборке помещений, в которую также вошли сотрудник, отвечающий за эксплуатацию помещения Посольства (по-народному — разнорабочий), водитель, рабочие Дунайского пароходства. Следуя тексту Наказу, старший помощник ВАТ поступал в распоряжение «завгоспа». А для самого гардероба выделялась комната аппарата ВАТ.

«Ответный огонь» старпомом был открыт при первой же возможности. На «междусобойчике» после мероприятия с участием всего личного состава Посольства Васильев по всей форме, рапортом «доложил завгоспу» о выполнении поставленной задачи, количестве изготовленных номерков, закупленных «плечиков», а также о «порядке работы» гардероба во время приема.

Выдержав дипломатическую паузу, Посол с каменным лицом удалился к себе в кабинет, через несколько минут туда проследовал юрист Перчик. В лагере «фанов» Посла царило замешательство и только Первая леди Посольства пристально и многозначительно посмотрела на демонстративно отрапортовавшего старшего помощника ВАТ.

Сам ВАТ, из-за своего пристрастия к Бахусу стал робок и весьма уязвим в общении с Послом. Поскольку оперативная работа нередко начала переходить в пьянство, и жалобы от техсостава систематически поступали Послу, «крыть ему было нечем». В самых критических моментах для удержания позиций аппарата использовалась «тяжелая артиллерия» в виде супруги ВАТ, «дочери генерала», как говорил про нее посольский люд.

Когда на встречу к ВАТу приходили коллеги, а особенно новый российский ВАТ, Васильев уходил «работать» в город, потому что заканчивались такие встречи иногда с наступлением темного времени суток.

В отношениях Васильева с ВАТом к этому времени тоже образовалась трещина. Жизнь показала, что портит людей не только квартирный вопрос, но и гаражный. Гараж числился за квартирой старшего помощника, но пользовался им ВАТ. После покупки автомобиля для старпома, они договорились, что с наступлением зимнего периода он будет им пользоваться ввиду того, что денег на его страховку не выделили. Застрахован был только автомобиль ВАТа. Так и поступили. Но картина, когда подчиненный выезжал из гаража, а начальник грел машину и чистил снег, оказалась неприемлемой для супруги ВАТ. И тогда ВАТ командирским решением приказал вернуть гараж «взад». Васильев согласился, но после согласования «гаражного вопроса» с Центром.

Согласования не последовало, супруга ВАТ разобралась в ситуации, извинилась, к ее чести, но осадок остался. Слава богу, на работе это не сказалось, потому что каждый работал автономно по определенным задачам и работу оценивал Центр.

Однако самая большая трещина образовалась в трудовом коллективе. Посольство оказалось разделенным «баррикадами», как Испания 1936 года, политическими проблемами.

Причиной тому стало разное видение относительно базового политического Договора между Украиной и Румынией.

Уже прошло восемь раундов переговоров между сторонами. «Копья» ломались во время каждого раунда нешуточные. Градус поднимался до температуры «кипения». А в довершение, Астахов и Посол вошли в «дипломатический клинч». Виной тому — «особенности перевода» и положения, заложенные в письмах, прилагавшихся к Договору, которые касались делимитации континентального шельфа и исключительных экономических зон в Черном море.

Послу, как в песне, нужна была «одна победа, одна на всех, мы за ценой не постоим». У Астахова же было «особое мнение» по поводу трактовки отдельных положений Договора и их влияние на двухсторонние отношения в будущем.

Васильев же, не вдаваясь в дипломатическую эквилибристику, оказался, естественно, в стане Астахова. Соглашаясь с исторической формулировкой неизвестного авторства о том, что дьявол кроется в деталях, каковыми ему представлялись будущие письма, он хотел в этом разобраться. Но, как говорили большевики, «кто не с нами, тот против нас».

Своим выбором он был поставлен Послом в положение «*persona non grata*». Этим и объяснялись все «воспитательно-профилактические» мероприятия по отношению к аппарату ВАТ и к нему персонально. Причем санкции иногда доходили до «анекдотов». Чего только стоил запрет «завгоспу» выдавать чай и кофе аппарату при встрече с гостями. Из той же серии был строгий запрет механику-водителю оказывать содействие в обслуживании автомобилей военных. Отдельной забавой стала «игра» — «Переселить Старшего помощника ВАТ в другую квартиру». Над воплощением идеи в жизнь тщетно бился юрист Перчик, высчитывая лишние метры жилплощади и предлагая альтернативные варианты.

Ну, а символом мятежа стал «островок оппозиционеров». Небольшой треугольный зеленый скверик с кафе невдалеке от дома, где квартировали Астахов и Васильев. За беседами Астахов пил свое любимое пиво, Васильев — свой ананасный «Пригат». Периодически к ним присоединялись за компанию «вольные люди» посольства: офицер «безпеки» Витя Сидоров, Серега Петушков — дипломат «из лесу» и Микола Шевченко — «чистый» дипломат.

«Нехорошее место» было хорошо известно Послу, спасибо Перчику и К°. Появление здесь рассматривалось наравне с «изменой Родине, т.е. Послу». «Меня сюда направил Президент», как любил он часто повторять, чтобы ни у кого не было сомнений по поводу принимаемых им решений в части обеспечения аппарата ВАТ представительской продукцией или «улучшения» жилищных условий.

Забавно было иногда наблюдать «совершенно случайное» появление возле «островка» представителей «посольского» лагеря. Один из них, второй секретарь по культуре, милейший человек, журналист из Закарпатья с мелодичным местным диалектом, как-то оказался на опасно близком расстоянии от оппозиционеров и был приглашен на кружку пива. Вообще, симпатизируя «честной компании», он не смог переступить черту и, сославшись на большую занятость, быстро удалился.

Все эти обстоятельства не могли не оказывать на Васильева неприятного морального давления. Но, как любила повторять его старинная, еще со времен службы в Монголии, приятельница Стелла Ломинская — талантливый кинокритик, телеведущая с невероятным чувством юмора: «Если Бог в одном месте закрывает дверь, то он в другом месте открывает форточку». Такой форточкой для Васильева стали командировки в Киев для работы в Центре. Это проис-

ходило раз в два-три месяца. ВАТ всячески избегал поездок в Киев из-за большой нелюбви общаться с начальством. Но общение с начальством занимало не так уж много времени. «Разгоны» Георгия Тимофеевича давали позитивный заряд, заканчивались на мажорной ноте и потом становились темой приятных воспоминаний. Во время этих посиделок фуражка генерала, если оказывалась рядом, могла совершать замысловатые «полеты» в воздушном пространстве кабинета.

Ну а после этого были встречи с товарищами «по цеху», оценившими букет хороших румынских вин и ждавших их «поставки» с нетерпением. После чего «командировочному» предоставлялось «личное» время. И, словно в увольнении, он гулял по любимым улицам, бродил в Мариинском парке, а вечером отправлялся в театр.

Перед одной из таких командировок случился у Васильева забавный «карамболь», как выражались некоторые герои в литературе XIX столетия, не имея в виду бильярд.

Распоряжение на командировку сроком на пять суток пришло из Центра, согласно установленному порядку. На основании его делался «Наказ» по Посольству. Все как всегда. «Наказ» уже был подписан Послом. За два дня до отлета, когда Васильев в кабинете разбирался с бумагами для доклада в Центре, ВАТ пришел от Посла в некотором недоумении:

— Посол говорит, что тебе нечего делать пять дней в Киеве, хватит и трех.

Вводная, как говорят военные на учениях при получении новой задачи от руководителя учений, была совершенно неожиданной при всей привычке к резким изменениям настроения и импровизациям Посла.

— Я так думаю, что не ему решать, сколько мне работать в Центре.

— Ладно, как-то оно будет. Утро вечера мудренее.

И таки да, утром обстановка прояснилась. Астахов поведал Васильеву, что жена Посла тоже летит в Киев на неделю и сроки их вылета совпадают.

— А я здесь причем?

— Хороший вопрос.

В аэропорт на киевский рейс Васильева подвозил Астахов. В зале отлета они увидели американского посла и подошли к нему. Астахов завел с ним вежливую протокольную беседу. Тот летел в Киев на консультации, которые должны были пройти в американском Посольстве.

В момент объявления регистрации в зал стремительно вошел наш Посол, за ним на некотором отдалении следовала супруга и водитель, несший ее вещи.

Увидев своих, Посол резко изменил направление движения и подошел вплотную к американскому коллеге. Супруга же вместе с водителем остановились напротив табло с расписанием рейсов. Не глядя на Астахова и Васильева, он, поздоровавшись с американским послом, опарашил того тирадой:

— Вот, старший помощник военного атташе с моей женой улетает в Киев, а я с его женой остаюсь здесь.

Гнетущая тишина повисла в воздухе.

«Лучше бы я сел в другой самолет», — на ум Васильеву пришел фрагмент из «Иронии судьбы».

Снова объявили о начале регистрации, можно было дипломатично удалиться.

Слава богу, возвращался он на день раньше супруги посла.

Железнодорожный вокзал. Синая

*Ликуй, мой друг сердечный,
Сдаваться не спеши,
Пускай течет он, грешный,
Неспешный пир души.*

Б. Окуджава

9.

В рамках культурной программы, организованной для него Стеллой в один из первых приездов в Киев из Бухареста, стал культпоход в Национальный драматический театр им. И. Франко.

Любовь к театру Васильеву привила милейшая учительница по русскому языку и литературе еще в Суворовском училище. Софья Самойловна водила суворовцев на лучшие спектакли Театра русской драмы им. Леси.Украинки. Одной из первых на прославленной сцене будущие офицеры смотрели пьесу Н. Островского «На всякого мудреца довольно простоты» с блистающим в роли Глумова молодым Валерием Сивачем, колоритными Николаем Рушковским и Юрием Мажугой. Спектакли, увиденные тогда, казались самыми лучшими.

Уже позже, продолжая учебу в Киевском ВОКУ, будучи в увольнении он часто посещал полюбившийся театр, по-гусарски одаривая контролерш шоколадками, дабы проникнуть на спектакли без билетика. А в театре Франко он побывал всего несколько раз, когда там гастролировали «вахтанговцы».

Поэтому посещение этого театра в компании кинокритика Ломинской стало для него фактически открытием. И если по Станиславскому театр начинался с вешалки, то, по Ломинской, театр начинался с закулисного буфета. Там царил атмосфера пресловутого «Кабачка 13 стульев» — популярной телепрограммы далекого детства.

Импровизация и юмор, помноженные на драматический талант посетителей буфета, создавали «действие», которое иногда превосходило то, что могли видеть зрители на сцене.

Вхождение в буфет очередного актера, участвующего в спектакле, а потому в костюме и гриме, превращалось в маленький личный бенефис. Громогласные приветствия, смачные целования, причем, актеры-мужчины целовали не только актрис, но и других мужчин-актеров.

Перлы сыпались со всех сторон.

— Танечко, душечко, — зычным баритоном диктовал Заслуженный артист, — запиши на мій рахуночок у свою тетрадочку лангет. І дай мені, будь ласочка, румочку чайку із тієї коричньової пляшечки із зірочками, Сашко мене пригощає.

Сашко, молодой артист, только что узнавший, что угощает Заслуженного, быстро кивает головой в знак согласия.

— Треба горло промочити.

— Ты что петь будешь? — буфетчица Таня, невозмутимо реагирует на всякого рода шуточки и ловко управляет с выполнением заказов со всех сторон. Записывает в долг небольшие

суммы на буфетные яства «испанским вельможам» в ярких дорогих костюмах, глядя на них, как на больших детей.

К столику, за которым только девушки, с видом Дон Жуана на пенсии подходит Народный артист.

— Любушка, девочка моя, я тебе не бачив на прем'ері, я був неперевержений, ну як завше, ти ж знаєш. — Он склоняется в поклоне и укладывает голову на большие груди партнерше, с которой они служат в театре уже лет тридцать, та берет его за седую шевелюру и нежно отталкивает:

— Йди геть, срамнику.

Он, польщенный, подмигивает барышням за столиком и направляется к буфетной стойке.

— Ти розумієш, сила є, — звучит за столиком в углу, в доказательство демонстрируются накачанные бицепсы. — Воля є, — крепко сжимается кулак. — А сили волі нема, — и рюмка коньяка лихо опрокидывается в рот, обрамленный приклеенными усами.

— Друзі, хочеться грати, як голодному срати, — слышится трагичная реплика сзади.

— Может, мне бросить пить? — Это фраза из свежего анекдота о посещении восьмидесятилетним помещиком доктора Боткина в Москве.

— Ни в коем случае, — дружно отвечают товарищи за доктора Боткина.

Стеллу здесь знали буквально все. Ее тоже приветствовали, кто громко и почтительно, кто интимно, нежно обнимая и целуя. Васильев сидел как замороженный.

— Мой друг, настоящий полковник, — гордо представляла она его своим наиболее близким друзьям, хотя Васильев был еще подполковником.

— Ну, ты здесь пользуешься невероятным успехом, — искренне заметил он.

— Еще бы, — я жэнщина чертовски привлекательная. И еще могу пригласить голодных артистов в арт казино.

В это время Стелла вместе с Лесем Задунайским, зіркою театру, на чей спектакль они пришли, вела телевизионную программу «Арт казино» на канале «УТ-1». Программу для саморекламы спонсировал некий лотерейный аферист по фамилии Бурда, впоследствии сбежавший в Израиль. Участвующие в программе актеры за демонстрацию своих талантов получали скромные гонорары и могли поесть.

Между тем, ближе к началу спектакля, в театральном буфете становится все оживленнее. Многие пришли после репетиции. Васильев видит входящего, лучезарно улыбающегося старенького, как ему кажется, актера. Его голова кругла и лыса, как бильярдный шар или колобок. Что-то неуловимо знакомое есть в его улыбке.

— Михайло Поликарпович Крамар, — говорит Стелла, ловя взгляд Васильева, — и добавляет, как бы читая его мысли: «Сватання на Гончарівці».

— Стецько! — восхищенно шепчет он ей.

Милый, добрый, придурковатый Стецько... В детстве часто во время каникул они с друзьями смотрели этот фильм, и сцены с его участием были самые любимые.

— Он одинок и почти живет в театре. Дома у него начинают «манечки», что его хотят обворовать. Самые счастливые его мгновения, по-моему, это когда он выходит на сцену. В «Мастере» он классно играет Берлиоза.

Раздается третий звонок. Васильев со Стеллой выходят из буфета. На лестничной площадке в курилке — не продохнуть. За кулисами на сцене последние суетливые приготовления.

Зал почти полон, хотя ложи и не «блещут», но атмосфера неповторимая. Их места в третьем ряду, в центре. Спасибо,

милейшему, но не всегда и не со всеми, администратору Ивану Николаевичу. Работа у него такая. Но к заявке на два места от Задунайского вопросов не возникает. Стеллу он тоже знает и предлагает места в директорской ложе.

— Дякую, Ванечка, — кокетливо отвечает та. — Нам поближе, полковник хочет артисточек разглядеть.

— Ну тогда пусть бинокль возьмет.

Сегодня в театре «давали» пьесу «плаща и шпаги» «3 коханьям не жартують». Пьеса принадлежит перу испанского воина, а впоследствии священника, Педро Кальдерону, ученик Лопе де Вега. Лучше и придумать нельзя было. Премьера состоялась совсем недавно. Актеры играли с наслаждением. Дона Алонсо (Задунайского) окружали прекрасные донья Ленор (Инна Карпатос) и донья Беатрис (Людмила Земляникина), именно они вызвали жгучий интерес Васильева.

Уже будучи старшим офицером, Васильев сохранил курсантскую восторженность по отношению к служительницам сцены, покорявшим сердца зрителей своей игрой, за что получил от Стеллы прозвище «Лариосик». Так у него появился второй псевдоним. Первый в Центре для оперативной работы он выбирал сам, поэтому псевдоним звучал более мужественно: «Рудольф», как дань уважения к знаменитому советскому разведчику Аббелю. Уже на склоне его жизни этого легендарного человека даже в Киевское ВОКУ приглашали на встречу с курсантами и офицерами разведфака.

А вот актрисы до сих пор казались Васильеву необыкновенными и недостижимыми женщинами. Поэтому достаточно было малейшей искры, чтобы увлечься до потери головы. Причем эта готовность по ходу спектакля относилась как к лирической Ленор, так и к ученой и жеманной Беатрис, в зависимости от сцен, в которых они блистательно использовали свои «краски» для исполнения роли.

В антракте Васильев быстренько спустился на майдан Незалежності и в подземном переходе купил букет роз. Как же без них в финале?! Иногда на спектаклях он замечал, что на поклоне никто из зрителей не дарил цветов, и в глазах актеров, отдававших порой немало душевных сил в течение этих трех часов, читалось едва уловимое огорчение. И как же они радовались даже самым незатейливым букетикам, как признанию их таланта и честного служения делу, которому они посвятили жизнь!

Зал с восторгом аплодировал в конце спектакля, отдавая каждому исполнителю свою долю оваций. И самые громкие аплодисменты — исполнителям главных ролей, выходявшим на авансцену последними, утомленными, но счастливыми. Сегодня ими были Задунайский и Земляникина. Элегантный поклон, реверанс, аплодисменты и, на бис... спектакль продолжается.

У Васильева был только один букет. Пришлось делать выбор.

— Смелее, полковник, — подбодрила его Стелла.

— Смелости нам не занимать и не такие дела заваливали, — решительно ответил он и достал из пакета, принесенного для встречи, бутылку румынского сухого красного вина. Так с букетом и бутылкой он вышел на сцену. Дождавшись окончания очередного поклона главных исполнителей на бис, когда они после порхающей пробежки из глубины сцены остановились на авансцене, он подошел к ним и вручил цветы Беатрис.

Дон Алонсо ревниво «сверкул» очами и театрально взялся за эфес шпаги. В зале послышалось оживление. Спектакль продолжался. Васильев сделал легкий поклон «гишпанско-му» идальго и преподнес ему бутылку вина.

Дон Алонсо подобрел, заулыбался и поднял ее, перед собой, как кубок Дэвиса. Зал отреагировал новой волной

аплодисментов. Стоящие полукругом актеры тоже зааплодировали. Под эти аплодисменты Васильев покинул сцену.

— Ну, мы могём, — встретила его улыбающаяся Стелла.

— И зачем меня отдали в Суворовское училище? Надо было идти в артисты.

— Ладно, пошли на встречу с прекрасным.

— В закулисный буфет?

— Это они — артисты, и их место в буфете, а ты — офицер, и твое место в дамской гримерной.

По служебной лестнице мимо строгой вахтерши они поднялись на второй этаж. Здесь, «в крыле», располагались женские гримерки. В коридоре царило оживление. Гости с цветами и друзья участниц спектакля дожидались у дверей. Из гримерок слышался смех. Актрисы, словно бабочки, выпархивали из дверей, некоторые еще в гриме, но с костюмами в руках и передавали их озабоченной костюмерше.

— Уже можно? — Стелла постучала в матовое стекло гримерки № 9. И чуть-чуть приоткрыла дверь.

— Входите, входите, — послышался оттуда звонкий голос.

— Люся, девочка моя, ты все хорошеешь, креста на тебе нет! — Стелла и Земляникина обнялись и расцеловались, словно после долгой разлуки.

— Привет, Стелла, — улыбаясь приветствовала ее Инна Карпатос, протирая лицо перед зеркалом. Они с Земляникиной делили одну гримерку.

— Иннусик — ты прелесть, как всегда, — проворковала Стелла.

«Согласен», — мысленно подтвердил Васильев, чувствуя себя несколько смущенным.

— Мой друг, полковник, — торжественно, как на майской демонстрации, объявила она.

— Людмила, — Земляникина протянула руку.
— Целую ручки, — церемониально произнес он и поцеловал даме руку.

— А? Каков? — залихватски произнесла Стелла.

— Инна, — дуэнья Ленор помахала ему рукой, продолжая священнодействовать у зеркала.

— Ну, настоящий полковник, — игриво произнесла дуэнья Беатрис и смерила его оценивающим взглядом.

— А где же, где, краса и гордость труппы всей? — нараспев, как строку стихотворения произнесла Стелла.

— Лесь Михайлович макияж делают, сейчас подойдут, — ответила с ироничной улыбкой «Беатрис», ставя розы «от настоящего полковника» в вазу у себя на столике.

В этот момент дверь открылась, и в гримерку тожественно вошел дон Алонсо, он же гетьман Дорошенко, он же Командор, он же адмирал Нельсон... Славный продолжатель рода знаменитой актерской династии.

Гренадерского роста, пиджак сидит как с иголки, «стрелки» на брюках — порезаться можно, как говорили в армии, светлая рубашка и яркий галстук. Хоть сейчас в «аглицкий» парламент.

Вальяжно, с немного усталой улыбкой на лице и большой коробкой конфет в руках, он проследовал к столику своей Беатрис, успев по пути бросить взгляд в большое зеркало. Подойдя, он положил конфеты на стол, обнял ее, прижав к своей богатырской груди, и нежно поцеловал в обе щечки.

«Да, она для него Дульсинья не только на сцене», — понял сразу же Васильев.

— Beautiful, — озорно отреагировала кинокритик.

— О, Стеллочко, вітаю тебе, дорогенька! — Он тоже одарил ее улыбкой.

— Знакомься: мой друг, полковник.

— Пане полковнику, маю честь. — Он протянул Васильеву руку и слегка наклонил голову: — Дякую за вино. Я віднесу його мамочке. — С этим пояснением он обратился уже к Людмиле, та понимающе кивнула.

— Не переживай, полковник артиста не обидит, у него еще две бутылки красненького и бутылочка беленького. Где ваши хрустальные бокалы? — почти командным голосом начала руководить процессом Стелла.

— Я буду беленькое, — весело заявила Инна и улыбнулась полковнику.

— И я беленькое, а потом красненькое, — хихикнула Людмила.

Хрустальных бокалов в наличии не оказалось. На стол из тумбочек были извлечены одноразовые пластмассовые стаканчики, чашки для чая и несколько яблок.

— Жизнь в гримерке начинается, когда в нее входят военные, — Стелла выложила из принесенного пакета привезенные Васильевым румынские деликатесы: копченые охотничьи колбаски, брынзу и маслины (греческие).

— Що це за вино? — Лэсь взял в руки бутылку и стал с интересом рассматривать этикетку.

— Это «Мурфатлар», из региона около Черного моря. Считается одним из лучших в Румынии.

Васильев только начал постигать азы винной культуры Румынии и при выборе вина пользовался советами знатоков. А при посещении Констанцы, форпоста Румынии на Черном море, собственными глазами увидел огромные виноградники на живописных холмах.

— Цікаво, цікаво, а то ми раніше пили здебільшого болгарське.

— Ага, и «Плиску» тоже, — добавила Стелла со знанием дела. — Ну, давайте уже дегустировать, наконец.

— Ну что, с премьерой вас, дорогие мои! Сколько вы играете спектакль? — Стелла зашуршала пластиковым стаканчиком, выпив до дна.

— Другий місяць пішов. — Лэсь пил вино небольшими глотками, как на дегустации.

— Ой, какое интересное вино, — восхитилась Люся. — Я еще хочу.

— И мне тоже, такой дивный букет, — поддержала ее Инна.

Васильеву стало приятно и оттого, что вино понравилось, и оттого, что он оказался в такой милой компании, и оттого, что Инна ему улыбается.

— Гарний глядач був сьогодні.

— I ми були гарні, — Люся засмеялась. — Стелла видела бы ты прошлый спектакль, это было нечто...

— Так, Лесю Михайловичу, не запросили ж, — Стелла обратила вопросительный взгляд на Лесю.

— Гарне, вино. Що ти кажеш, Стеллочко?

— Наливай, кажу.

— Так вот, в конце первого акта, когда Беатрис выясняет отношения с Ленор, Люся запрокидывает голову назад, обхватывает ее руками и трагическим тоном произносит реплику: «Горе мені!» — и тут я понимаю, что напрочь забыла слова, ничего не помню, хоть убей, — Инна хохочет и продолжает историю: — Я вижу, что у Люси расширяются глаза от ужаса, она молчит и идет ко мне, берет мою руку и сжимает до боли.

— И тут Остапа понесло на тему Кальдерона, — теперь хохочет Люся. — Що я тільки не верзла: «Я направляю ваше ухо до вашого голосу. Не захоплюй мене лібідозна сестро з інтересів моєї честі. Моя прихильність до нечесного голо-

су, не те що мати, я не можу... Чути ззовні, це буде таємний мій секрет, і я не можу так помилитися, щоб вчинити...»

— А я жду, когда Люся остановится, не знаю, когда начинать мою реплику, а она ломает мне руку.

Теперь хохочут все.

— Ну, слава богу, вырулили.

Как часто бывает, от услышанной истории в памяти Васильева всплыли события его курсантских лет, но тоже связанные с актерской забывчивостью. Поэтому он «взял слово».

— Дело было в Доме военной книги. Нас привезли для массовой на какую-то военно-патриотическую передачу. Помещение небольшое, душно, горят софиты. Курсанты, как и положено, начинают клевать носом и мужественно борются со сном, чтобы не попасть в камеру оператора. Ведущий что-то бубнит про войну и объявляет, что военные стихи прочтет актер Театра имени Леси Украинки... К микрофону выходит статный красавец с пышной прической и гордо поднятым подбородком...

Васильев выразительно смотрит на Лэся. К нему же обращаются любопытные взоры присутствующих дам.

— На четвертом куплете актер драматично замолкает. Пауза затягивается. Курсанты просыпаются и оживляются. Слышится издевательское хихикание, типа: «Ну, что, влип, патлатый». Оператор наводит камеру на книги. Ведущий «берет огонь на себя» и тоже как-то выруливает. После актера стихи читает суворовец. Текст он «строчит» как из пулемета. На что ведущий замечает глубокомысленно: «Наші суворовці читають вірші краще, ніж деякі актори».

— Лэсь Михайлович, колитесь, народ требует разоблачения, — подает реплику Стелла.

Лесь поправляє седую копну волос и голосом Дона Алонсо произносить признание в стиле реплик своего героя.

— Яка зухвалість! Так, то був я! Але не зітхати. Зітханя — це дія, негідна благородної пристрасі.

Дамы начинают хлопать. Лесь раскланивается и продолжает уже обычным своим голосом.

— Друзі мої, то була лише «проба пера». Палац Україна, урядовий концерт до якоїсь там годовщини Великої Октябрьської революції. За день вияснюється, що актер, котрий повинен був читати стихи в фіналі, заболів. Предложили мені, молодому и подаючому надії. Спитали: «Сможеш вивчити за сутки?» Ха! Партия сказала — надо... В общем, почти поэма про дружбу народів, Родину и партию. Шо називається — ЛЕГКО, но в ній, по ходу, змінюється и ритм, и рифма. Короче, еще те «ямби и хорей»...

Лесь смакує вино, одобрительно киває и продовжує пафосно читати:

— Вся земля от края и до края
Дружбою народів сплочена!
Борється, мужає и дерзає

В битвах закаленная страна... — протягиваю руку в зал, ну, как Владимир Ильич и все...стена... — нічого не пам'ятаю, спитай ім'я батька — не скажу... А в залі — члени ЦК КПУ, ветерани, генерали... і якого лиш дідька ще там нема...

Стелла починає потихоньку сползати со стула, давясь от смеха. У Земляникіної розширюються очі от представленого...

— І тоді я продовжую жестикулювати і розкриваю рота, немов читаю, але звуку нема, ну, мікрофон «зламався». (Так вчили великі майстри!) За кулісами і в оркестровій ямі — паніка. Режисер матюками жене танцюристів у костюмах народів СРСР на фінальний танок. Диригент махає палич-

кою, наче шаблею. А я «дочитую» поему і гордо залишаю сцену...

— Тебя из партии не исключили? — спрашивает Васильев, смеясь.

— Я був комсомольцем. Наступного дня іду по Хрещатику, і таке враження, ніби на мене усі дивляться: хто з посмішкою, хто із засудженням...

— И как пережил такой «успех»? — спрашивает Инна, вытирая выступившие от смеха слезы.

— Батько, мудра людина, заспокоїв. Сказав, щоб я не брав у голову, бо ніхто те гівно не дивився. А мене півроку не запрошували на урядові концерти...

— Ну что, ребята, у Рабиновичей тоже бывали гости, но в это время они уже уходили домой, — подводит итог Стелла.

— Так, збираємося. Добре вино, Володю, привозь іще.

— Да, все было вкусно, — Инна улыбается Васильеву, и ему эта улыбка кажется особенной.

— Ой, хорошо посидели, а у меня дома пустой холодильник, — Земляникина вынимает розы из вазы и вытирает мокрые стебли салфеткой.

Они выходят из гримерки и оказываются в полной темноте. На лестнице чуть светлее. В окна просачивается свет от уличных фонарей. Ключи принимает на вахте ночной страж театра, полусонная тетя Клава.

— А можно заглянуть на сцену? — спрашивает Васильев у Лэся.

— Так, безумовно, ходімо.

Пройдя через служебный вход, они оказываются за кулисами.

— Дивна тут аура. Начебто душі тих, хто грав на цій сцені і пішов назавжди, повертаються сюди іноді.

Темнота и пустота не давят, а обволакивают каким-то добрым маревом. Васильев вспоминает ощущения, что испытывал ночью, находясь в штабе полка во время дежурств. Тревожность и напряжение. Стены, с инструкциями и агит-плакатами, казалось, впитали в себя дух военной казенщины и безысходности.

— Театр — это храм, — замечает Земляникина голосом Беатрис, как будто, услышав мысли Васильева.

— Да! «Храм», «храм» и — нет человека, — замечает иронично Стелла.

На улице свежо. В ожидании такси они рассматривают афиши и большие фотографии под стеклом из спектаклей. Артисты наперебой комментируют запечатленные ракурсы друг друга, а публика в составе Васильева и Стеллы внимает, кто иронично-снисходительно, а кто с придыханием.

— Ребята, а может, поедем поиграем в бильярд? — весело предлагает Инна.

— Нет, я — баиньки. Завтра зранку — на репетицію. Ле-сику, ти мене проведеш? — Земляникина сладко зевает.

— Так, безумовно.

— А меня Славулечка дома заждался. Вот полковник у нас в увольнении, ему можно.

— Володя, ты играешь в бильярд? — Инна обращается к Васильеву.

— Немного играл в лейтенантские годы, — отвечает почему-то смущенно он.

— Так едем?

— Едем.

К ним подъезжает первая машина с зеленым огоньком.

— Ну, тогда мы поехали, — Инна целуется со всеми.

Васильев открывает заднюю дверь.

— Полковник, приезжайте к нам еще, — Земляникина машет ему рукой.

— Та куда он денется, — строго замечает Стелла.

— Пане полковнику, честь! — Лэсь салютует ему на польский манер, приложив два пальца к виску.

*Всяк неправедный урок впрок затвержен и заучен,
Ибо праведных уроков не бывает. Прах и тлен.
Руку на сердце кладя, разве был я невезучим?*

Б. Окуджава

10.

Вот уже неделю телефон в аппарате ВАТ раскален, как в Смольном в 1917 году. Похоже, справочное бюро Бухареста получило распоряжение давать их номер всем, кому нужен номер Посольства, дабы отвлечь украинских разведчиков от работы.

В течение дня ВАТ и Васильеву приходится несчетное количество раз повторять, что абонент позвонил в бюро военного атташе и оно не занимается оформлением виз, организацией фольклорных фестивалей и подписанием контрактов на поставку румынской мебели.

И хотя для Васильева в этом была определенная польза — развитие разговорной практики, однако хорошего понемногу. В конце дня, когда в очеред-

ной раз зазвонил телефон, ему стало не по себе. Звонивший представился жителем села Капу-Луску на Тисе и сказал, что хочет говорить с военным атташе по серьезному вопросу. Васильеву даже стало интересно от такого поворота.

«Это о чем же?» — подумалось ему, но он не стал уточнять и попросил перезвонить через полчаса.

Через полчаса «дежурным по связи» работал ВАТ. Васильев устроился в уголке и просматривал журналы. По репликам начальника, говорившего с абонентом, он понял, что звонит снова житель села на Тисе.

Положив трубку, ВАТ заметил риторически:

— Товарищи хотят игр, ну, что ж, будем играть. — И продолжил уже конкретно: — Этого румына из украинского села на Тисе зовут Михай. Он предлагает встретиться по серьезному вопросу, в посольство идти не хочет. Я сказал, чтобы позвонил завтра в 10 утра.

— Что будем делать? — спросил Васильев.

— Будем встречаться. От Центра, наверняка, получим «по шапке», но до этого мы получали за отсутствие активности в работе.

Для Васильева в этой ситуации армейский принцип единоначалия играл решающую роль. К тому же, у него не было иллюзий относительно отсутствия собственной основательной школы оперативной работы. В Академии Фрунзе этому не обучали, а приобретенные практические навыки во время командировки в Москву были довольно скромными. По большому счету, надо было, конечно, сообщить в Центр, но решение начальником принято...

На следующее утро в 10.10 позвонил Михай. ВАТ подтвердил, что готов встретиться недалеко от Посольства возле магазина «Электроника» через час.

— Я сказал, что подъеду на машине, он не уточнил номер, наверное, нет необходимости.

— И как будем разговаривать?

— В машине. Покатаем земляка по городу. Ты сзади. Он пусть садится на переднее сидение. Я закрою все двери. Наблюдай за ним, а там разберемся. Я попрошу Сидорова подъехать к месту встречи, погулять там и предупредить, если заметит что-то неладное.

В назначенное время они подъехали и остановились недалеко от магазина. Погода была, как по заказу, пасмурная. Моросил мелкий дождь со снегом. Почти по Богомилу Райнову: «Что может быть лучше плохой погоды?» Этой повестью о болгарском разведчике Васильев зачитывался еще в училище. По ней даже фильм был снят.

Прошло десять минут.

— Если еще пару минут не будет, уезжаем, — заметил ВАТ, поглядывая на часы.

У Васильева появилось давно забытое ощущение тревожного волнения и легкого азарта, как когда-то в Афганистане при организации засады. Только здесь все по-другому. Тепло и уют машины, никакой стрельбы, но результат может быть самым непредсказуемым и очень даже драматичным.

Михай подошел сразу же к передней двери, открыл ее, и виновато улыбаясь, спросил: «Домнул Кацэнюк?».

— Да, садитесь, — ВАТ поздоровался с ним за руку.

В левой руке у Михая был целлофановый пакет.

— Я хочу помогать вам и Украине, — произнес тот, как только машина тронулась с места.

«С места в карьер», — подумал Васильев и стал внимательно изучать портрет «добровольного помощника».

— До революции я служил в 4-м управлении контрразведки, воинское звание — капитан. У меня проблемы из-за

моего прошлого. Я готов работать с гарантиями, что потом в Украине мне дадут квартиру и работу.

— Что вы имеете в виду под «работой»?

— У меня в Бухаресте много знакомых из «органов», в том числе генералов, они владеют важной информацией. С понедельника я иду работать юристом на завод ВПК.

«Юристом с такими мозолистыми руками и в драной дубленке. Сомневаюсь я, однако», — Васильев слушал с определенной долей скепсиса и старался запомнить портрет говорящего. Тот говорил, повернувшись к ВАТ, время от времени оборачиваясь назад.

— У меня есть магнитофонные записи высокопоставленного генерала.

— Нас не интересуют записи с разглаговольствованиями пьяного генерала.

— Я знаю, что в Румынии есть спецподразделение, которое готовят для Змеинового.

— Такие подразделения есть в каждой армии.

— Я буду доставлять вам серьезную информацию, вы увидите потом. — Он достает клочок бумаги из кармана. — Это номер телефона квартиры, где я временно остановился и номер телефона завода.

Через двадцать минут езды по центральным улицам ВАТ останавливает машину возле университета.

— Вы мне позвоните? — в голосе Михая звучит настойчивость.

— До свидания, — ВАТ кивает ему и протягивает руку.

Михай выходит из машины, оставив бумажку с номерами телефона на сидении. До посольства — совсем рядом. Они едут молча, каждый анализирует встречу.

— Ну, что ты понял? — невесело спрашивает ВАТ, когда они входят в кабинет.

— Как-то все топорно... А смысл? На кой он принес с собой этот пакет?

— Не по сценарию, наверное, все пошло. Может, хотели его «всучить» нам и зафиксировать передачу, а может, и повязать с Михаем на месте.

— Ох, и достанется нам от Центра. — Васильев представил себе ярость Георгия Тимофеевича и будущие яркие эпитеты в оценке их «шпионской» операции.

— Ничего, ничего, все фигня, кроме пчел. Я сажусь писать отчет.

Вечером дома Васильев с недобрый предчувствием засел за изучение «матчасти». Ксерокопию учебника по оперативной психологии Академии Советской Армии он привез с собой для самообразования. В главе, посвященной встрече с ЛПУР (лицо, предлагающее услуги разведке), все было расписано как по нотам. Называлось это мероприятие «ввод агента в оперативную игру под видом доброжелателя».

«Информация к размышлению, как в любимом кинофильме», — Васильев даже представил, как бы этот текст озвучивал Копелян.

На роль «доброжелателя» подбираются наиболее напористые и опытные агенты или сотрудники КРО (контрразведывательных органов). И, судя по всему, «напористости» этому Михаю было не занимать — это раз.

Перед агентами-провокаторами ставятся следующие задачи:

- организация провокаций в нужный момент;
- дискредитация разведчика.

«Не для того ли у тебя, родной, был пакетик? SRI (Румынская служба информации) сотрясают скандалы, заслушивания в Парламенте. А тут: вот такой удобный случай «отрапорто-

вать», да еще на фоне румынско-украинских переговоров» — это два. И опять грустно.

«Провокатор, не имея при себе секретных материалов, чаще всего стремится убедить разведчика в наличии у него реальных возможностей по их добыванию, обещает передавать такие материалы или важные сведения в будущем».

«Ну, что и здесь сходится, правда, можно было пообещать что-нибудь посерьезнее, чем захват Змеинового. Разбор полетов у Георгия Тимофеевича обещает быть нескучным», — почти резюмировал он.

«Наличие трудностей с выяснением и проверкой установочных данных на ЛПУР является также одним из важных признаков агента-провокатора»...

«А это на десерт. И заключение: Штирлиц был на грани провала. Ну и когда там у меня очередная командировка в Киев?» — Васильеву захотелось пойти погулять по вечернему Бухаресту и подумать «за жизнь». Тем более, что на повестке дня, как говорили коммунисты, стоял не только вопрос «Михая», но и «Кристи». Псевдоним «Кристи» образовался от имени Кристина. Второе представлялось куда более сложным и важным для него.

Выйдя из дома, он решил не гулять, а посидеть в испанском ресторанчике. Это был семейный ресторан. Его владельцем был испанец по имени Доминго. Казалось, всю свою любовь к родине он выразил в интерьере. Здесь было приятно и уютно по-домашнему.

Показал Васильеву это место русский шпион Вася Арбеков. После окончания школы в Киеве он поступил в пограничное училище в Москве и теперь трудился корреспондентом одной из московских газет в Бухаресте. Васильев привез ему «привет» от его школьного друга, выпускника КВОКУ, а теперь сотрудника СБУ.

Вася выказал себя ценителем «Бакарди» и предложил пить его с колой. «То виски с пепси, то «Бакарди» с колой, то пиво с водкой. Все у вас, русских, мешать надо», — подумал Васильев и решительно заявил, что будет пить ром в натуральном виде.

Выпив за родной Киев, дружбу между народами, ну и за содружество родов войск, они договорились обмениваться румынскими новостями, что было полезно для обоих.

Прозвучало это приблизительно так: «Я думаю, мы можем помогать друг другу. Если сюда прилетит Примаков, то почему я не могу рассказать тебе про детали визита».

И алаверды: «Вот это другое дело, а то — корреспондент... А если сюда прилетит Тарасюк, я тоже тебе расскажу про это. Кстати, а кабачок не под колпаком у Мюллера?»

И, как водится, на посошок:

— В Бухарест приезжает на гастроли Санкт-Петербургский малый драматический театр, могу в посольстве взять тебе приглашение.

— У нас фирма молодая, мы не скованы инструкциями. Мне не надо спрашивать разрешение у Центра.

— Отлично, Григорий!

— Прекрасно, Константин!

С тех пор периодически Васильев заезжал к Доминго. Иногда со своими военными коллегами, иногда сам выпить кофе и почитать прессу.

— Ола! — дружелюбно приветствовал Васильева Доминго.

— Нопасаран, товарищ — ответил ему традиционно, используя этим весь свой словарный запас испанских слов.

Доминго одобрительно закивал:

— Что будешь? «Бакарди Голд» без колы?

— Точно, можно со льдом.

— И еще лайм за счет заведения.

— А с чем Хемингуэй его пил?

— Не знаю, по-моему, он пил все, что было.

В свой отпуск Васильев побывал в Париже и даже погулял по Латинскому кварталу, в надежде найти любимое место писателя, но без посторонней помощи это оказалось невозможно. Безумное количество кафе и ресторанов, в которые тебя буквально за руки тащат зазывалы, гарантируя, что именно тут и напивался папа Хэм...

Усевшись за столик, Васильев взял в руки «Evenimentul zilei» («Событие дня»), ежедневную газету, лежащую здесь же. Эта газета имела свою историю. Она появилась после революции и стала одной из самых популярных в стране. Дипломаты-старожилы рассказывали о забавных историях, печатавшихся в начале ее существования, как то: о контрабанде безголовых кошек или рождении в Молдове у курицы живого цыпленка. Это происходило потому, что редактор требовал от репортеров писать по три статьи в день, вот они и изоцрялись в фантазиях.

Сегодняшним событием дня назывался громкий скандал с закупкой Румынией вертолетов «Пума» у ЮАР. Замешанными в скандале оказались чиновники самого высокого ранга.

«Надо будет у Васи спросить, что он об этом знает. Тема горячая, и об этом надо будет писать в Центр». Но не это его сейчас волновало и даже не Михай. По нему писать будет ВАТ, а получать — он сам, в Киеве, как было с выездом в Кишинев.

Тогда они с ВАТом находились в командировке в районе проведения румынских военных учений. «Наразведывали» и, для оперативности передачи данных, ВАТ принял решение отправить Васильева в Кишинев, благо, туда было рукой подать, и оттуда, из аппарата ВАТ, передать все в Центр. В общем,

хотели, как лучше, а получилось, как всегда. Вначале идея показалась привлекательной. Остыв же от эмоций, Васильев склонялся к тому, чтобы возвратиться в Бухарест и переслать все в установленном порядке. Но принцип «приказ начальника — закон для подчиненного» никто не отменял.

В результате, через несколько дней «керівник» разразился в письме громом и молниями, аки Зевс. Написал, как отрезал: «Вважаю зазначений випадок грубим порушенням оперативної дисципліни, про що востанне (іменно так) попереджаю особисто підполковника В. ... В подальшому при подібних порушеннях...буду приймати більш суворі заходи, у т. ч. організаційні».

В Киеве при личной беседе Георгий Тимофеевич, подобрев, уже интеллигентно рассказал все, что думает об их инициативе. Промашка вышла в том, что в аппарате ВАТ в Кишиневе не было канала закрытой связи. Но самым умилительным в этой ситуации для Васильева оказалась «скромность» непосредственного начальника в лице ВАТ. Все «лавры победы» он оставил подчиненному. А душежке Георгию Тимофеевичу так и хотелось заметить: «Вопрос не по окладу, товарищ генерал». Но прислушался к мудрому совету генерала: «Не вые... ся» и промолчал...

Что же касается «Кристи», то тут ситуация начинала выходить из-под контроля.

В памяти всплыло прочитанное у Суворова (не у того, который стоит перед зданием Киевского СВУ): «Запомни, будет момент, когда ты окажешься в компании и там будет интересная особа. Заметь, она будет одна... Она тебя очарует, и ты вдруг поймешь, что это та единственная, которую ты ждал всю жизнь. Дальше — конец».

*Горьких слов от него услышать не боюсь.
Он воспитан на самый изысканный вкус.
Он руки моей нежно коснется,
И, конечно, уже не вернется.*

Б. Окуджава

11.

Знакомство с «Кристи» произошло на вечере памяти Т. Г. Шевченко. Зал для проведения мероприятия выделило министерство культуры. Сам же вечер проходил традиционно, как это ни ужасно, в до боли знакомом партийном стиле. Президиум с почетными гостями, трибуна для докладчика. Официальная часть с длинными речами и политическими лозунгами. Потом концерт хора СУР (Спілки українців Румунії). В хоре — старенькие люди, некоторые на сцену поднимались с трудом.

На мероприятии присутствовали сотрудники Посольства почти в полном составе и украинская громада Бухареста, разделенная семидесятилетними вождями СУР, поэтому враждующая между собой. Буквально единицы молодых лиц.

Начало вечера назначено на 17.00, в 17.30 зал был еще полупустой.

К Васильеву подошел советник Посольства, отвечающий за мероприятие с встревоженным видом.

— Там Посол у першому ряду один сидить. Військового аташе нема, ти повинен бути поруч, як помічник ВАТ.

«Шоб я так жил. Во-первых, не помощник, а старший помощник, сколько можно этим гражданским объяснять, во-вторых, бесполезно возражать», — подумал Васильев, кивнул и пошел к сцене.

В проходе, у четвертого ряда стоял Перчик с супругой и бухгалтершей. Превозмогая боль, после перенесенной операции по удалению аппендицита, он не мог не прийти на такое мероприятие.

Васильев в нескольких словах выразил восхищение его мужеством и свое беспокойство тем, что Посол один в первом ряду. Перчик с пониманием отнесся к сказанному и, оставив свою компанию, направился к первому ряду. Васильев поговорил пару минут с дамами и пошел на галерку. «Боже, когда же это закончится, а ведь еще и не началось», — подумалось ему.

В это время в зал вошли киевские гости Посольства. Врач «ухогорлонос» и одновременно исполнитель оперных арий и украинских народных песен в компании с Любочкой, солисткой Киевского детского оперного театра. Они порадовали украинских дипломатов своим искусством накануне в Посольстве во время празднования 8 марта. В свою очередь, военные дипломаты порадовали Леонида Андреевича в своем кабинете хорошим виски. Артисту оно пришлось по душе больше, чем шампанское, выставленное Посольством во время праздничного «утренника».

Они сели рядом. После десяти минут комментариев Леонида Андреевича Васильев понял, что вечер, а потом и мир «спасет юмор практикующего артиста». Своим шепотом, местами превосходящим по силе звучания голос докладчика, маэстро хохмил, стараясь не выйти за рамки приличий. Но через полтора часа и Леонид Андреевич погрустнел.

— Любочка, а не пойти ли нам немного распеться?

— А что Вы будете исполнять? — любопытствовал Васильев.

— Да, мы еще не решили. Там что-нибудь придумаем. Володя, а как бы тут коньячком для распевки разжиться?

Васильев указал ему на скучающего Ивана Ивановича, на нем лежала вся ответственность за организацию бокала шампанского после торжественной части.

— Завгосп артиста не обидит.

— Любочка, я решительно настроен на распевку.

Они потихоньку выходят из зала вместе с Иваном Ивановичем. Васильев остается один и сосредоточивается на наблюдении «объекта» — это молодая кампания, сидящая в ряду перед ним. Парубок, лет двадцати пяти со стрижкой американского сержанта, и две дамы. Одна, помоложе, судя по всему, его подруга. А вот вторая — «дама, приятная во всех отношениях». Она красива, причем ее внешность очень не типична для Румынии: русые волосы, светлая кожа и тонкие черты лица.

В зал заходит Астахов. Васильев ему машет, и тот присаживается рядом.

— Вы много пропустили, было так интересно, аж жуть.

— Оставался в «присутствии», «срачное» завдання Центра.

Начинается концерт. На сцене несравненный Леонид Андреевич с Любочкой.

— Он для распевки выпил полбутылки коньяка, я как раз пришел, когда они репетировали. Сейчас Остапа понесет.

— Вы думаете?

— Я знаю. У вокалистов это диагноз, их не остановишь.

И Леонида Андреевича «понесло». Он лихо исполнил три украинские народные песни, затем перешел на итальянские арии и, «шкандаль», русские романсы.

Несколько раз он срывал голос.

— По соседям, — прокомментировал Астахов, когда певец не попал очередной раз в ноты.

В заключение Леонид Андреевич предложил всем вместе спеть «Рече та стогне Дніпр широкий».

— Это апофеоз, — замечает Васильев.

— Это «грандо пиздецо», — отвечает Астахов.

Концерт окончен. Всех, наконец, приглашают в холл на бокал шампанского. В зале — вздох облегчения. Действо длилось почти четыре часа.

В холле народ дружно направляется к столам с напитками и закусками. Общество разбивается на кружки и оживленно общается.

В компании с «таинственной незнакомкой» ведущая концерта и первый секретарь по культуре Любомир. Он блещет красноречием. Васильев подходит к ним и приветствует поднятием бумажного стаканчика с шампанским. Любомир представляет Васильева.

Парубка зовут Штефан, он студент, говорит на прекрасном английском и еще может общаться на французском и итальянском.

Ее зовут Кристина. Она с интересом изучает визитку Васильева, а Васильев ее. Красивые длинные пальцы, безукоризненный маникюр, изящные кольца, обручального нет.

— Это служебный телефон или домашний? — вопрос звучит иронично.

— Это служебный телефон, — серьезно отвечает он.

— А это ваша супруга пела на сцене? — она имеет ввиду Любочку.

— Нет, это гостья нашего Посольства. А ваша профессия связана с искусством?

Она улыбается. Штефан хихикает и отвечает за нее:

— Кристина работает в военной академии.

— Это плохо для вас? — снова ирония в голосе.

— Нет, почему же? Очень даже интересно. — И снова неуместная серьезность в ответе и жар на лице.

— Ля мульцань, — бодро восклицает Любомир.

Все чокаются бумажными стаканчиками.

«Теперь можно дипломатично удалиться», — почему-то с облегчением думает Васильев.

Мероприятие он покидает с Астаховым. Возле машины тот предлагает покурить.

— Очень интересное у меня получилось знакомство.

— С девушкой?

— Да, со всей компанией.

— Одна из барышень — Аница, она активистка СУР. Штефан ее брат, толковый парень. Они всегда бывают на мероприятиях Посольства. Вторая, наверное, ее подруга.

— Да, ее зовут Кристина. Вы будете смеяться, она преподаватель в военной академии.

— Как интересно, а не выпить ли нам пива на «островке»?

— Не хочу образити вас відмовою, як казав Тев'є-Тевель.

* * *

Через неделю в Посольстве проходила встреча с активистами СУР по обсуждению каких-то совместных культурных проек-

тов. Васильєв увидел Аницю после окончання мероприятия в холле. Она разговаривала с Любомиром.

— О, а це наш помічник Військового аташе, полковник Васильєв, ви ж знайомі, — Любомир в обществe женщин, как всегда, излучает молодецкий задор.

— Так, — Аница улыбнулась. — Добрый день, пане полковнику.

— Пан Любомир підвищив мене у військовому званні, оскільки я поки що підполковник і водночас понизив у посаді, я ще старший помічник Військового аташе, — Васильєв тоже улыбнулся Анице.

Любомир захохотал и похлопал дружески Васильєва по плечу:

— Пане полковнику, ви проводите пані Аницю, я маю йти до Посла.

— Авжеж, із задоволенням.

Они вышли вместе к центральному входу.

— Пане Володимире, можна я буду до вас так звертатися? Мені це ліпше.

— Звичайно. Як вам вечір? Сподобався?

— Так, але задовго. Вам передавала вітання Крістіна.

— Дякую, і ви перекажіть їй вітання.

— Вона ще просила запитати, якщо я вас побачу, чи не могли б ви з нею зустрітис'я. Вона хоче дещо запитати про іспанське Посольство.

— Безумовно, вона може будь-коли прийти у наше Посольство.

— Так, я їй казала, але оскільки вона працює у військовій системі, то краще зустрітис'я поза межами Посольства.

— О'кей, я готовий, скажіть, де буде краще і коли.

— Гарязд, тоді я вам зателефоную завтра.

— Домовились. Передавайте вітання Штефану.

— Дякую! До побачення.

Аница перебежала дорогу, повернулася и помахала Васильеву рукой. Он тоже помахал ей и вздохнул облегченно. Как только речь зашла о Кристине, он сделал непроницаемое лицо и старался держаться, как «железный Феликс», чтобы не выдать ни одним мускулом волнение или не покраснеть. Он замечал этот признак беспокойства в общении с некоторыми людьми.

За прошедшую неделю после встречи он не раз думал о ней. Знаменитая фраза из «Крестного отца»: «Ничего личного, только бизнес» в данном случае не работала.

В кабинете он кратко изложил обстановку начальнику. Тот, нахмурившись, дал санкцию на встречу.

— Готовься. Пиши цель, задачи и т.д., потом — звіт. Надо быть осторожным. Ничего здесь случайного не бывает. Думаешь, они не знают, как ты дома с женой разговариваешь. Наши все квартиры обслуживает дипсервис. Никто их не проверял.

Васильев устроился на диване и начал набрасывать на черновике вопросы на встречу. Псевдоним — «Кристи» — так зовут мужеподобную американскую атташе сухопутных войск.

Вопросы: з'ясувати причину інтересу «К» до Рудольфа; з'ясувати сімейний стан та окремі біографічні дані; з'ясувати вірогідність «підстави» в особі «К».

«Бог любит троицу», — хватит для начала, — решил Васильев.

Он вышел из кабинета и поднялся на второй этаж. Это, по сути, была мансарда. Там были оборудованы несколько кабинетов, в том числе Астахова. В кабинете тоже был уголок психологической разгрузки, состоящий из двух старых кресел и журнального столика. В течение дня Васильев обычно пару

раз поднимался туда «на поговорить за жизнь» за чаем или кофе. Красный ароматный чай из каркадэ Астахову, как советнику, любезно готовила секретарь посольства Маргарита.

Васильев зашел в кабинет.

— Паяете? — сочувственно спросил он пишущего Астахова, затем устроился поудобнее в кресле и, откинув голову на спинку, продолжил: — Штирлиц встал спозаранку и отодвинул занавеску. Он еще не знал, что Позаранку и Занавеску были румынскими шпионками.

— Что это вас потянуло на старые анекдоты?

— Кризис жанра. Я снова хочу в Париж. Я гулял там в районе Мулен Ружа. Приятное место. Навстречу идут милые дамы улыбаются тебе и говорят всего два слова: «Бон жур!» А сколько за этим романтики.

Астахов только хмыкнул иронично. Васильев же налил из заварника в маленький стаканчик уже остывший чай, полюбовался его рубиновым цветом и продолжил свои размышления:

— Вот румыны говорят, что Бухарест — это маленький Париж, а почему тогда здесь нет Мулен Ружа? Триумфальная арка есть, а Красной мельницы нет.

— Это тяжелое наследие режима Чаушеску. Кстати, а вы знаете, что отцом-основателем румынской разведслужбы, по одной из версий, был потомок запорожских козаков, переселившихся в район дельты Дуная после расформирования Сечи в 1775 году.

— Нет, в первый раз слышу.

— Михаил Морозов. В 1920-х годах служба называлась SSI, Секретная информационная служба.

— Понятно. Теперь — SRI, похоже и звучит мелодично, не то, что КГБ.

— Он погорел во многом из-за женщины, Елены Лупеску, любовницы румынского короля. Его убили в 1940 году.

— Москали?

— Нет. Антонеску. За то, что он, якобы, работал на британскую и советскую разведки.

— То есть, за связь с москалями... Да, поучительная история. Ну что, пора начинать заканчивать рабочий день. Пойду-ка я домой пешком через Париж, а завтра подкинете меня на службу.

— Ниче проблемэ.

Выйдя из Посольства, Васильев пошел домой по длинному маршруту: по улице Дорабанцилор, на которой находилось Посольство, и дальше — через очень симпатичный маленький район, где все улицы носили названия европейских столиц. Там была и улица Париж. Почти все дома на улочках были довоенной постройки. Много красивых вилл. В одной из них размещалось Дунайское пароходство.

Во время визита Главного керівника они с ВАТом показали ему этот район. А позже Васильев сфотографировал с десяток этих вилл, причем без разборов с полицией не обошлось, потому что там были и Посольства. Перед отъездом высокого гостя они подарили ему альбом с фотографиями (Главный керівник мечтал построить когда-нибудь дачу).

Как правило, в субботние дни Васильев ходил по этому маршруту в Посольство, заходя в немецкий хлебный магазин с аппетитной выпечкой и луковым хлебом, необычайно вкусным.

Теперь он шел и обдумывал завтрашнюю встречу с «Кристи».

*Ah! Que j'aime les militaires!
Leur air vainqueur, leurs manières,
En eux, tout me plait!*

Jacques Offenbach
La Grande-Duchesse
de Gérolstein*

* *Ах! Как я люблю военных!
Их победный дух, их манеры,
В них мне все нравится!*

Жак Оффенбах
Оперетта «Великая Герцогиня Герольштейнская»

12.

Около часа дня раздался звонок, которого Васильев ждал с самого утра.

— Доброго дня. Чи можу я говорити з паном Володимиром?

— Так. Я вас слухаю.

— Це Аниця зі Спілки українців, вітаю вас, пане Володимире!

— Доброго дня!

После этого он услышал голос Кристины.

— Если вам удобно, мы могли бы встретиться сегодня около двух часов дня где-то в центре. Аница живет недалеко от гостиницы «Интерконтиненталь», я у нее сейчас.

— Да, конечно, можно возле «Интерконтиненталь» в два часа.

— Хорошо. До свидания.

Васильев находился в кабинете один. ВАТ десять минут назад уехал на ланч с венгерским коллегой. У него еще оставалось полчаса. Он решил не ехать, машиной, а пойти пешком. Часто в обеденный перерыв или когда у ВАТа были гости, он выходил из Посольства на прогулку, и в этом не было ничего необычного. Как ни крути, а дежурный полицейский у входа в Посольство получает свою зарплату не только за охрану Посольства, но и за своевременное информирование о действиях дипломатов и военных дипломатов, не в последнюю очередь.

* * *

По опыту и проверкам на выявление «наружки» они с ВАТом убедились, что в Бухаресте она практически не велась, может, только в каких-то исключительных случаях. Наблюдение точно велось при выездах по служебным делам за пределы Бухареста, когда они оповещали об этом управление внешних связей разведуправления в порядке, установленном для военных дипломатов. Причем выявление ее порой случалось при забавных обстоятельствах, а не при следовании методике для ее обнаружения.

Так было, когда Васильев вез заместителя «Керівника» из Бухареста, куда он приехал из Софии в Черновцы. Васильев тогда первый раз ехал по этому маршруту и несколько раз уже перед Сучавой заблудился. «Дав гаку», они разворачивались и ехали в обратном направлении. Когда во второй раз при этом маневре ему попала навстречу одна и та же черная «Дачия», сомнений уже не возникло. Это был «хвост», как говорили в фильмах про шпионов.

В Сучаве они планировали переночевать и рано утром выехать на границу. Там же произошел еще один казус, связанный, правда, не с румынской контрразведкой. В отеле, где

были забронированы для них места, администратор сразу же попросила Васильева перезвонить в Посольство. Ее настойчивость его удивила и даже несколько возмутила. Он все же набрал номер их офиса с телефона администратора.

Голос ВАТа был не на шутку взволнован:

— Вы в гостинице?

— Ну, да.

— У Александра Ивановича не его паспорт. Вы еще можете успеть на вокзал. Киевский поезд приходит туда через двадцать пять минут.

«Заступника Керівника» в поездке сопровождал офицер Центра. В Бухарест они приехали вместе. А затем было принято решение, что Женя, так звали офицера, едет в Киев самостоятельно, а «второго» Васильев везет в Черновцы.

В результате Женя ехал в поезде с паспортом начальника, а у того, в свою очередь, на руках был паспорт подчиненного. Промашка вышла, однако.

Васильев подошел к Александру Ивановичу, сидевшему в кресле в холле, и бодрым голосом отрапортовал.

— Все пропало. Клиент уезжает, гипс снимают, — он говорил так, потому что тот был тоже афганцем и у них установились доверительные отношения без излишнего официоза.

— Не понял, — начальник удивленно посмотрел на него.

— Где ваш паспорт?

— Вот, — он достал паспорт из нагрудного кармана пиджака и протянул его Васильеву.

Тот открыл его и протянул обратно.

— Твою мать... — Александр Иванович изменился в лице.

— Семен Семеныч!

— Что делаем?

— На вокзал — пулей!

— Поехали.

Через несколько минут их машина, с визгом тормозов на повороте, выехала со стоянки гостиницы, еще через минуту со стоянки тоже на большой скорости «рванула» серая «Дачия».

Когда они вошли в здание вокзала, прозвучало объявление о прибытии поезда. Вагон, в котором ехал Женя, находился в «хвосте».

— Рота, бегом, — скомандовал Александр Иванович.

Когда проводник открыл дверь, они увидели грустного Женю, стоявшего в тамбуре с чемоданом. «Все хорошо, что хорошо кончается», — с облегчением подумал Васильев.

В гостинице они предупредили администратора, что уезжают в 6 утра. Когда в 5.00, по решению начальника, они вышли из номера для совершения марша по маршруту Сучава–Черновцы, то обнаружили у дверей спящего «часового». Он сидел на стуле, головой прислонившись к стене.

— Не спи, замерзнешь, — буркнул Александр Иванович.

— Лареведере, — вежливо попрощался Васильев со смутившимся «ангелом-хранителем» румынской контрразведки...

* * *

Выйдя из Посольства в 13.30, Васильев кивнул полицейскому и пошел в сторону одного из центральных проспектов — Магеру, всего в пяти минутах ходьбы.

Отель «Интерконтиненталь» находился в конце проспекта. Перед высотным зданием, похожим на здание СЭВ в Москве, находилась небольшая площадь со стоянкой для машин и фонтан.

На этой площади Васильев и увидел «Кристи» в элегантном розовом костюме и ботинках «а ля лисичка-сестричка». «Прямо сцена у фонтана», — подумал он, идя ей навстречу.

— А где цветы? — озорно спросила она, протянув руку.

Немного оторопев от неожиданности, он пожал ей руку, хотя сначала намеревался поцеловать по румынской традиции. И, тем не менее, сказал:

— Целую ручки! — И далее, уже сориентировавшись в обстановке, в тон «Кристи»: — Так 8 марта уже прошло.

— И праздник Мэрцишор тоже. Куда идем?

— В обменный пункт, мне надо деньги поменять.

— На той стороне есть.

Они пошли к подземному переходу и в переходе столкнулись лицом к лицу с Аницей.

— Добрый день, пане Володимире!

— Добрый день, Аниця! Шо робите? — он приветствовал ее так, как к нему обращались в украинских селах в Румынии, что означало: «Как дела?»

— Господин полковник пригласил меня в обменный пункт, это так романтично, — весело заметила «Кристи».

Васильев почувствовал, что краснеет.

— Ну, гаразд. Я маю йти на роботу. Крістіно, зателефонуй мені увечері.

Они попрощались.

Обменный пункт находился рядом с переходом. Васильев извинился и пошел туда, а «Кристи» осталась и стала рассматривать изодранные театральные афиши на старой афишной тумбе.

Возле «обменника» ошивались «менялы», и Васильев поменял доллары у них, чтобы не терять времени. Он вернулся к «Кристи», продолжавшей рассматривать афиши.

— Обожаю Оффенбаха. Вам нравится «Герцогиня Герольштейнская»? — обратилась она к нему.

Он понятия не имел, о чем идет речь. Посмотрев на афишу после нескольких секунд размышления, философски заметил:

— Мне больше нравится «Летучая мышь». Можем идти на кофе. Возле университета есть симпатичные кафе на воздухе.

— Хорошо, пойдёмте.

Когда Васильев совершал свои прогулки, он всегда приходил в этот университетский квартал, где в арках домов на асфальте располагались продавцы книг. Это, конечно, не набережная Сены, но все же. Он купил там несколько интересных книг, изданных в 1950-е годы в СССР.

И теперь, проходя мимо раскладок, он не удержался и приостановился возле одного из продавцов старых карт и атласов.

— Вам интересно? Давайте посмотрим, — Кристи легко угадала его желание.

Некоторые карты были французские, а географические атласы – румынские.

— Вы знаете французский?

— Пытаюсь учить, записался даже на курсы во французском институте. Но пока без особого успеха.

— Я знаю место, где можно недорого купить французские книги и даже XIX столетия.

— Правда? И где же это?

— У моих знакомых старушек. Можем как-нибудь к ним съездить.

— Звучит загадочно... А зачем откладывать? Если это удобно, можем сейчас поехать.

— Ah! Que j'aime les militaires! — И после паузы добавила: — К ним всегда удобно и это недалеко.

— Вон. Давайте возьмем такси.

Васильев быстро поймал такси. Поухаживал за дамой, а сам сел на переднее сидение. «Не Париж, здесь можно», — он вспомнил, высокомерие парижского таксиста, указавшего

ему на заднее сидение, когда он первый раз решил проехаться по городу мечты в автомобиле.

«Кристи» назвала улицу водителю, а ему сказала, что это находится в районе вокзала. Они подъехали к двухэтажному дому, фасад которого был полностью обвит диким виноградом.

— Частный сектор, так у нас называют такие районы, — сказал он, оглядываясь вокруг.

— Это старый Бухарест.

Они поднялись на второй этаж по деревянной лестнице, не видевшей краски, наверное, с прошлого века. Кристина постучала в дверь. Им открыла сухонькая старая женщина. Она улыбнулась Кристине и пригласила войти. В квартире пахло сыростью и ощущалась ветхость. Они прошли в гостиную, там за столом сидела вторая обитательница жилища, перед ней лежала закрытая Библия. Она выглядела намного старше первой, и взгляд у нее был какой-то отсутствующий. Она равнодушно смотрела на гостей, а Кристине только слегка кивнула. Кристина сказала, что господин хочет купить у них несколько книг. Та снова кивнула и указала взглядом на книжный шкаф.

Васильев, почувствовал, что ему хочется побыстрее уйти отсюда. Он подошел к массивному, вишневого цвета, но сильно потемневшему от времени шкафу, и осторожно открыл дверцу. На полках стояли старые книги с потрескавшимися коричневыми корешками. Он взял первую, это была беллетристика какого-то французского автора, 1910 года издания.

— Выберите себе что-нибудь, они этим живут, — Кристине, казалось, почувствовала неловкость, которую он испытывал.

— Хорошо, — он просмотрел еще несколько книг. Взял учебник истории, изданный во Франции до Второй мировой

войны, и румынскую книгу с фотографиями королевского Бухареста.

— Этого хватит? — Он протянул Кристине книги и деньги, что-то около двадцати долларов в пересчете.

— Да, конечно. — Она подошла к сидящей за столом старушке, показала книги и протянула деньги. Та кивнула и взяла деньги.

Когда они вышли на улицу, Васильев вздохнул с облегчением.

— Это сестры, жалко их. Я их знаю давно, мой папа им все время помогает. Он рассказывал, что у них тяжелая судьба. Сейчас он на пенсии.

— А кто он по профессии?

— Он был суб офицером «секуритате» во времена Чаушеску, возил важного начальника, — Кристина улыбнулась и внимательно посмотрела на Васильева.

В который раз за сегодня он оказался «выбитым из колеи».

— Вы пошли по его стопам? — он тоже улыбнулся и также внимательно посмотрел на нее.

— А кофе мы будем пить сегодня?

— Да, конечно! А где это лучше сделать?

— В этом районе можно поесть вкусные гогоши. Вы их любите?

— Они вкусные, как наши пончики. Но я их объелся в детстве у бабушки в украинском селе в Карпатах. Слишком много в них жареного растительного масла. Поэтому с тех пор я не ем ни пончики, ни гогоши.

— Говорят, что они вошли в нашу кухню, когда Румыния была еще провинцией Римской империи. Но если вы хотите хороший кофе, то лучше вернуться ближе к центру. Мы недалеко, кстати, от площади Виктория. А на улице Викто-

рии есть много уютных кафе. Пожалуй, это самая красивая улица в Бухаресте.

— Да, согласен. Так что, в кафе Дома офицеров на улице Виктории?

Кристина рассмеялась:

— Не сегодня.

Вернувшись в Посольство около 17.00, Васильев сел за «звіт». ВАТ еще не вернулся, поэтому он решил набросать черновик, а утром после резолюции начальника готовить его на диппочту.

Для первой встречи интересной информации было более чем достаточно. Выводы будут предварительные, а предложение, по сути, одно — закрепить знакомство. Why not?

Васильев старался общаться с «Кристи» на румынском, а когда становилось совсем сложно, переходил на английский.

Инициатива встречи исходила от «Кристи», мотивы еще предстоит выяснить. Возможные варианты: «подстава», некрасивое слово для характеристики такой очаровательной дамы; «простая человеческая симпатия», в пору вспоминать Голохвастого и его крылатое «кому ж я не пондравлюсь».

Поводом для встречи было желание «Кристи» узнать, имеет ли он контакты в испанском Посольстве, чтобы посодействовать в получении визы для ее брата, он художник.

«Кристи» — преподаватель военной академии. В детали Васильев вдаваться не стал. Она, конечно, не носитель военных секретов, но общаясь с ней, можно было бы иметь хоть приблизительное представление о том, «чем живут румынские офицеры». Аппарат ВАТ был совершенно изолирован от общения с представителями румынской армии (кроме официального и строго регламентированного).

Когда он был в Центре, у него даже возникла перепалка с начальниками. Чего только не требовали от аппарата:

и знания настроений в армии, и выяснения отношения к возможному вступлению в НАТО, и размеры денежного довольствия и т.д. Ему в пример поставили румынского военного атташе в Киеве, организовавшего для них рыбалку. Типа, вот так работать надо.

Это больше всего вывело его из равновесия. Чтобы офицер аппарата ВАТ встречался с оперативными офицерами разведуправления, подобное в Румынии было просто невыполнимым. С полгода ассоциация ВАТ боролась с МНО, чтобы иметь возможность посещать спортивно-оздоровительный комплекс министерства. Если бы не настойчивость американских и немецких коллег, ничего бы из этого так и не вышло. В результате, военным дипломатам для его посещения был выделен один день в неделю с 14.00 до 21.00. Надо ли говорить, что в это время на его территории не было ни одного румынского военного, кроме представителя управления внешних связей.

Так что разведчики играли в теннис, пили пиво и обсуждали новости и слухи между собой. И на том спасибо. Васильев с удовольствием играл в теннис «на пиво» с русскими товарищами.

«Слабаки, — его вывод был однозначный. — И чему их только в академии учили?»

Семейное положение «Кристи» — разведена. Бывший муж — подполковник, подал рапорт на увольнение. Показала его фотографию.

«Зачем?»

Повод для будущей встречи тоже исходил от «Кристи». Когда они в кафе рассматривали купленную книгу с фотографиями королевской четы, она обратила внимание на снимки королевского дворца в Синае. И заинтересовалась, бывал ли Васильев там. Васильев посетил дворец-музей один

раз и то «наскоком» с делегацией. Расположенный на холме в лесу, он восхищал с первого взгляда, а коллекция картин и оружия была поистине королевская.

«Кристи» рассказала, что ее брат живет в Синае и она часто проводит выходные в этом городке. Поэтому, если он захочет, они могли бы там встретиться и она составит ему компанию для посещения дворца. Договариваться о встрече она предложила через Аницу.

Закончив свой опус, он положил его на столе начальника и вышел из кабинета.

— Пяете? — традиционно обратился он к сидящему не за столом, а в кресле Астахову. Перед ним на столике лежала пачка документов с резолюциями Посла.

— Как вы догадались?

Василев почти улегся во второе кресло и задумчиво спросил, глядя на пыльную люстру.

— А правда, что Оффенбах великий композитор?

— Сказки Гофмана — это венец, правда, незаконченный. В трех сюжетах оперы участвует одна и та же певица в трех лицах. Спеть все три сопрановые партии удавалось лишь редким оперным дивам.

— Надо же. А нам в Суворовском училище преподавали только барабанную музыку. Я был в роте барабанщиков. Наш командир роты, майор Пырч, редкий Аракчеев, как-то перед парадной тренировкой зачитал цитату: «Нужно, господа офицеры, любить барабан больше, чем всякую другую музыку. Не стыдитесь, если его божественные звуки вызовут у вас слезы. Это значит, что вы настоящие воины».

— И как, привил любовь?

— Не успел, его отправили в войска за то, что в воспитательском порыве надорвал суворовцу ухо. Пошел я, наверное, домой по известному маршруту, а завтра — с вами.

— Ноптэ бунэ!

Утром, придя на свое рабочее место, Васильев увидел на журнальном столике в беспорядке лежащие листы своего «звіта». На обратной стороне последней страницы была резолюция начальника, написанная мелким почерком. В ней нумерация пунктов умозаключений начиналась дважды. Вначале от 1-го до 2-го. И ниже от 1-го до 3-го (было два третьих пункта). Некоторые строчки «уходили» ввысь, а буквы выпрямлялись и превращались в линию, как кардиограмма умирающего сердца.

Такие абзацы иногда встречались в училищных конспектах Васильева по общественным дисциплинам, когда борьба со сном становилась нестерпимой.

Тем не менее, записи почти поддавались «расшифровке», а выводы и предложения совпадали.

«Караул устал. Все — фигня, кроме пчел», — подумал Васильев.

Гостиница «Интерконтиненталь». Бухарест

*Аты-баты, шли солдаты,
аты-баты, в дальний путь.
Не сказать, чтоб очень святы,
но и не в чем упрекнуть.*

Б. Окуджава

Рисунок французской миниатюры, автором которой считается Жан-Пьер де Монсе, 177.

13.

Каждый новый начальник хуже предыдущего — эта непреложная армейская истина воочию подтвердилась в аппарате ВАТ «вероятного союзника».

На щеках бравых российских офицеров потух румянец. Теперь на приемах они появлялись хмурые и задумчивые. Причем нередко отсутствовали, хотя приглашения рассылались всему военно-дипломатическому корпусу. Как выяснилось, чтобы служба медом не казалась, новый ВАТ стал сам решать, куда им идти, а куда нет. Он просто не раздавал полученные приглашения.

Досталось им и после приема в украинском Посольстве, когда отмечали день Збройних Сил України. Тогда офицеры российского аппарата ВАТ непозволительно долго задержались на приеме

после ухода начальника. А после того, как почти все гости разошлись, вместе с украинской диаспорой распевали «Розпрятайте хлопці коней».

По словам Варченко, начальник — выпускник танкового училища, решил всех их «поставить в строй». Так выражались в «несокрушимой и легендарной», когда речь шла об укреплении воинской дисциплины.

Если же говорить об отношении представителей различных родов войск друг к другу, оно всегда отличалось своеобразием.

Во время учебы в Киеве антагонизм между общевоинским и танковым училищами был общеизвестным в пределах гарнизона. «Вокеры» называли танкистов «траками», а те их «петухами». В этой «войне» комендантские патрули из «вокеров» в выходные дни охотились за танкистами и наоборот. Из проезжающей мимо танкового училища машины КВОКУ мог быть выброшен «трак». Чем ближе к воротам, тем это считалось эффективнее. В этом заключался ответ на распространенное танкистское выражение: «Не пыли, пехота». А вот курсанты Киевского военно-морского политического училища и тех, и других считали «сапогами».

С благословения старого Костиного шефа Васильев периодически встречался с ним в украинском посольстве или в российской военной резиденции. Иногда в каком-нибудь кафе. Во время таких встреч они обменивались военными новостями, и в беседах каждый старался «вытянуть» друг у друга побольше нужной информации. А во время военно-морских учений Константин проводил для него ликбез, когда посещали военные корабли.

На этот раз встречались на «гостеприимной украинской земле». Костя пришел совсем грустный. Разговаривали в основном о внутренней дипломатической кухне.

«Поприкалывались» над итальянским помощником ВАТа, пришедшим на возложение венков на немецком кладбище при сабле и в шляпе с плюмажем. Вспомнили ВАТа Северной Кореи, раздающего при каждом удобном случае самую правильную коммунистическую литературу с портретами солнцеликого вождя. Пожалели индонезийского «земляка» Виджанарко, хранящего, как Мальчиш-Кибальчиш, тайну о продаже оружия Румынии.

Гость пожаловался, что российские офицеры не могут провести ответное протокольное мероприятие для помощников военных атташе — нет денег, даже зарплату задержали. И новый начальник против его проведения на территории резиденции, хотя раньше жарили шашлыки на полянке и не было никаких проблем.

Во время встречи Васильев хотел проверить достоверность циркулирующих слухов о провальном визите в Бухарест не так давно назначенного министром иностранных дел РФ Е. Примакова.

Ежи ему рассказал, что румынам удалось организовать этот визит в своих пропагандистских целях. Якобы они пообещали в ходе визита согласовать все для подписания российско-румынского договора о дружбе. Работа над ним продолжалась уже четыре года. Результат визита оказался нулевым, а в российском Посольстве начался поиск «стрелочников».

«Ай да румыны, ай да молодцы! Ладно, поговорю с журналистом Васей», — решил для себя Васильев.

Но Константин сам затронул эту тему и высказался в том ключе, что досталось не только дипломатам. Как-никак, Примаков в свое время был руководителем Службы внешней разведки...

«Подшефное хазяйство» ПГУ в Бухаресте было представлено не хуже, а может даже лучше, чем ГРУ. Три советника, два вице-консула, два сотрудника торгово-экономической миссии, парочка референтов и отряд журналистов. Почти все эти ребята работали еще в советском посольстве. «Их знали только в лицо» — так назывался советский фильм Киностудии им. А. Довженко о действиях доблестных советских разведчиков-водолазов в Одессе во время Второй мировой войны. Астахов же знал их не только в лицо. И он же, за кружкой, и подарил идею проинформировать Центр о силе и мощи ПГУ в стране пребывания.

В свою очередь Костя поинтересовался, как продвигаются украинско-румынские переговоры. Румынские СМИ периодически освещали ход переговоров, допуская при этом нужные им «сливы» информации. И в дополнение появлялись статьи с антиукраинской риторикой.

Недавно прошел очередной раунд в Киеве. Вроде, все идет по плану, — такой ответ дал Васильев.

Понятно, что россияне были не заинтересованы в подписании договора между Украиной и Румынией, поскольку это открывало последнюю дверь в НАТО.

Из Посольства они вышли вместе. Васильев решил проводить гостя.

Уже возле машины Костя сказал то, что, похоже, откладывал во время разговора.

— Ты знаешь, я у тебя в Посольстве был последний раз.

— Почему? — удивился Васильев.

— Начальник запретил. Он сказал, что аппарат ВАТ Украины начал мою «разработку».

— Выпускник исторической группы Академии Фрунзе «разрабатывает» выпускника дипломатической Академии! Сейчас расплачусь. Для меня это просто комплимент.

— Вот-вот. Будешь теперь меня вербовать только на при-
емах.

— Хм. Броня крепка, и танки наши быстры. Значит, бухать
танкисту с десантником можно, а нам встречаться нельзя?

Один раз Васильев стал свидетелем трогательной сцены
проводов из украинского Посольства российского военно-
го атташе. Расставались они с украинским коллегой после
окончания светлого времени суток. Шли к входной калитке
под руку, и напоминали раненых советских бойцов, подняв-
шихся из окопа навстречу вражескому «тигру».

— Ладно, неприятность эту мы переживем. Вам разре-
шил начальник пойти сегодня в польское Посольство на
«колбаски»?

Ежи устраивал вечер по случаю избрания его вице-пре-
зидентом ассоциации ВАТ.

— Да, мы будем.

— Значит, увидимся. Не унывай! «Шахтер» — чемпион!

— Да, все будет хорошо, а если нет, то все будет хреново.

Вернувшись в здание Посольства, Васильев поднялся
к Астахову.

— Не спрашиваю, вижу — паяете.

— Вы, как всегда, угадали.

— Ваше политическое кредо после судьбоносного 9-го
раунда переговоров?

Накануне Посол провел совещание для дипсостава, на
котором в бравурных тонах рассказал о результатах пере-
говоров, прошедших в Киеве. В общем, по мнению Посла,
победа не за горами.

— Придется писать «особливу думку» на МЗС.

— И шо?

— Ее там похоронят, возможно, даже вместе со мной.

— Я могу послать вашу «особливу думку» нашим.

— И шо это даст?

— Не знаю, может, похоронят с воинскими почестями, а может и нет. В «информации» у нас сидят «доки», сделают военно-политический анализ по всем правилам военного искусства.

— Есть два способа обращения в Международный Суд ООН. Можно заключить специальное соглашение, оно является двусторонним по своему характеру. А можно путем подачи одностороннего заявления, но такая возможность должна быть заложена в тексте договора.

— И шо мы выбираем?

— Догадайтесь с двух раз.

— Я таки слышал это бодрое «не надо бояться обращаться в суд». Юрист сказал.

— Ладно, поживем — увидим.

— Ну, хорошо. Я могу понять все трудности нашего переговорного процесса, а что с русскими? Какие проблемы? Общей границы нет. Переговоры идут с 1992 года, однако уже четыре года.

— Приднестровский конфликт, незатянутые исторические раны: Бессарабия, золотой запас Румынии, оказавшийся в кладовых Кремля, да мало ли еще.

— Ну, с этим золотом вообще туманная история.

Эвакуация золотого запаса Румынии в связи с тяжелой обстановкой на фронте началась еще при царском правительстве в декабре 1916 года. Существовала альтернатива его отправки в Англию, но роковой выбор пал на Россию. Второй эшелон был отправлен в июле 1917 года. Кроме золота, там были драгоценности, картины, архивы королевской семьи, депозиты национального банка.

Когда Васильев, для общего развития, искал информацию об этом деле в разных источниках, первая мысль, которая

возникла: «Почему до сих пор не сняли фильм об этом событии, произошедшем на стыке исторических эпох, со всеми коллизиями детективного жанра». Арест большевиками румынского посланника, разрыв дипломатических отношений с Румынией, передача ключей от кладовых с золотом французскому консулу — эти события происходили по дипломатической линии. Далее на сцене появляются английские разведчики. Капитан Джон Хил участвует в перевозке части золота обратно на румынскую территорию. Эту операцию он описал в своей книге воспоминаний «Моя шпионская жизнь». Еще какая-то часть золота его попала Колчаку.

Во время инвентаризации 1923–1924 годов Особая комиссия ВКП(б) по разборке румынских ценностей констатировала, что проникновений в кладовые не было, печати на ящиках не повреждены.

Тот, кто переупаковывал ящики, должно быть, обладал чувством юмора. В них находились алюминиевые ложки и порох, наверное, предназначенные для революционных солдат, а также старая обувь и одежда — подойдет для московских пролетариев. Там было и вино, судьбу его тоже предстояло решить комиссии.

В конце концов, Совет Народных Комиссаров объявил золотой фонд Румынии неприкосновенным для румынской олигархии и торжественно пообещал передать его в руки румынскому народу.

— Этот вопрос у румын, по-моему, уже находится на генном уровне. Я думаю, они и не будут торопиться с подписанием договора с Россией, а сделают это, когда будет выгодно.

— Гаразд, нам свое робить. Кстати, сегодня вечером я встречаю музыкантов из Киева.

Несколько дней назад Васильеву позвонил музыкальный руководитель Театра Франко и передал привет от Леся

Задунайского. Сын музрука с аккомпаниатором ехал на свой первый международный музыкальный конкурс в Бухарест. Владимир Иванович, так звали папу, попросил забронировать недорогой отель и помочь, если что. Васильев пообещал все сделать. Это были приятные хлопоты.

— Каких музыкантов?

— Друзья попросили присмотреть за парнем. Он едет на конкурс.

— А на чем играет?

— Кажется, на флейте.

— Духовик, значит.

— Поручик, вы играете на рояле? Конечно, играю. А на арфе? Нет, на арфе — нет: карты сквозь струны проскальзывают.

Астахов понимающе кивает и продолжает музыкальную тему:

— Жена новóго руського видит на улице афишу и говорит мужу: «Давай сходим на концерт Моцарта». — «Зачем? Моцарт же ясно написал, что этот концерт не для нас, а для флейты с оркестром!».

— Я думаю Любомира подключить, он же у нас самый культурный по должности и диаспору может пригласить на конкурс для моральной поддержки.

Вечером Васильев выехал на вокзал. Киевский поезд почему-то в последнее время прибывал не на главный вокзал, а на другой — в предместье города. Вокзал назывался «Баняса», недалеко от него находился и городской аэропорт. От посольства это было в двадцати минутах езды.

Поезд прибыл практически по расписанию. Из нужного вагона вслед за проводником вышел молодой парень, а за ним девушка постарше. В руках он держал чемодан, кожа-

ный чехол с музыкальным инструментом и целлофановый пакет с видом Киева. Ошибиться было трудно.

— Вы Сергей? — обратился Васильев к прибывшему музыканту.

— Да, — обрадованно ответил тот.

В это время из вагона высыпала ватага детей, за ними сошли мамы. Они обступили Васильева и засыпали вопросами: «А где мы будем жить?», «А это далеко от зала для выступлений?», «Вы нас туда будете возить?» Сказать, что Васильев опешил от всего этого внимания и града вопросов, — это не сказать ничего.

— Так, давайте-ка разберемся, — постарался он ввести разговор в спокойное русло. — Я встречаю Сергея Ганского и его аккомпаниатора. Это же вы? — Васильев еще раз обратился к молодому человеку, чтобы удостовериться, что нет ошибки.

— Да, — уже несколько смущенно ответил он. — А это Лена, аккомпаниатор. — Он указал на девушку, стоящую рядом.

— А мы тоже приехали на конкурс, — к беседе бодро подключились две мамы. — Вы же из Посольства, вы нам должны помочь.

«Здравствуйте, я ваша тетя, я приехала из Киева, я буду у вас жить», — захотелось ему процитировать классику, но здесь были дети.

— Да, конечно, я помогу, не волнуйтесь.

— Вот, папа вам передал горилку с перцем, — сказал Сергей, должно быть, чтобы разрядить обстановку и протянул целлофановый пакет, в тот же момент упавший на перрон с характерным звуком разбитого стекла.

«Ну, и кто тут Лариосик?» — мелькнуло в голове у Васильева.

— Значит так, — строго сказал он, беря ситуацию под контроль, — все шагом марш за мной, можно с песней.

Возле машины он продолжил отдавать распоряжения.

— Со мной едут Сергей Ганский с помощницей и еще пара конкурсантов похудее. Дорогие мамочки, вы берете такси. Я скажу водителю, чтобы ехал за моей машиной. Едем в отель, а там разберемся.

Слава богу, в отеле, где он накануне забронировал номера для своих артистов, нашлись свободные места и для остальных. Мамаши на время успокоились, и он с чистой совестью, пожелав им творческих успехов, поехал в Посольство Польши.

Здание польского Посольства было уникально тем, что приобретено было в собственность еще до Второй мировой войны. Именно в нем польские дипломаты встретили войну.

«Пати» проходило в огромном холле, отделанном деревом, шкафы с книгами были сделаны под потолок, тоже деревянный. На стенах висели старые картины, на комодах стояли огромные подсвечники.

Ежи радушно встретил Васильева, выйдя из здания к воротам.

— Я оставил для тебя колбаски, их привезли из Варшавы.

— Бардзо дзенькую, пане подполковнику.

— Еще нет, но надеюсь, скоро им стану.

— Как вечер?

— Хорошо, уже включили музыку, будем танцевать.

В холле было оживленно, слышался смех.

— Иди, подкрепись закусками. Я принесу горячие колбаски.

Васильев не успел подойти к накрытым столам. К нему с бокалом в руке подошел Николаев. Они поздоровались.

— Я хочу, чтобы ты знал. Мы не будем выполнять маршматические целеуказания начальника. Считаю, что нам надо нормально общаться. От этого будет взаимная польза. Это мое личное мнение.

Все было сказано тем же решительным тоном, каким он оповестил Васильева о первой встрече в российской резиденции.

— Валера, у матросов нет вопросов.

— И теперь личное, — продолжил он. — Я — чернобылец, и до сих пор не могу справку получить. Ты можешь помочь?

— Да, конечно, я постараюсь.

— Ладно, война войной, а ужин по распоряжку. Мы уже насладились польской кухней. Тебе тоже оставили. Потом еще поговорим.

Васильев наконец подошел к столу с напитками и налил в бокал белого вина. В это время заиграла мелодия, похожая на вальс. В холле, как на танцплощадке, образовалось два кружка — мужской и женский.

«Пришли девчонки, стоят в сторонке. А что же шпионы? Бокалы в руках теребят. Да, у ребят с вальсом, как и с теннисом», — решение он принял тут же. Поставил бокал и направился к дамам.

На вальс он пригласил супругу Константина. Она сделала легкий реверанс и протянула ему руку. Они попали в такт почти сразу. После большого круга вальса под аплодисменты общества, Васильев поклоном поблагодарил даму и проводил ее к кавалеру. Все, как учили в кружке бальных танцев в родном Доме пионеров.

Возле стола к нему с тарелкой колбасок подошел Ежи и приглушенным голосом сказал:

— Поешь и потом пригласишь на вальс Эльжбету. Надо показать, что польские женщины тоже танцуют вальс.

— Так, пане пулковнику. Давай я сразу приглашу, а потом буду кушать.

В это время народ начал танцевать, как говорили, медленный танец.

Васильев пригласил Эльжбету, и они покружились в вальсе в стороне от танцующих, чтобы не сталкиваться с ними.

После танца Васильев, наконец, добрался до колбасок. Они действительно были — «пальчики оближешь». Во время трапезы к нему подошел улыбающийся Константин.

— Вы красиво станцевали, мне было приятно смотреть. Теперь наши бабы все перемоют по косточкам.

— А что, моряков-подводников не учили вальсировать?

— Мы кадетских корпусов не заканчивали. А в училище нас учили поражать корабли супостата. Ты на «Си Бриз» поедешь?

— Да, надеюсь. Наш корвет «Луцк» должен прийти в Констанцу. Правильно я сказал?

— Так точно, пехота.

Они подошли к столу с напитками. Васильев взял бокал с белым вином, Костя — рюмку с «Зубровкой».

— Хай живе вільна Україна! — Он поднял рюмку.

— Будем жить!

Памятник королю Каролю I в замке Пелеш

*Но маячит уже карнавала конец,
лист осенний летит, как разлуки гонец,
и в природе всё как-то тревожно...
и мой милый глядит осторожно...*

Б. Окуджава

14.

На следующий день в Посольстве после утреннего «намаза» (читка газет) Васильев слегка напугал Любомира.

— Любомир, а ты знаешь, что на тебя будут жаловаться в Министерство культуры?

— Кто? Почему? — удивился он.

— Ну, ты же за «культур-мультиур» отвечаешь?

— Да, и что?

— А почему ты вчера не встретил украинскую группу музыкантов, прибывших для участия в международном конкурсе

— Так я ж не знал.

— Ладно, не отчаивайся, я встретил их. Они тебя ждут в «Атенеуле», там будет проходить конкурс. Мобилизуй диаспору для поддержки.

— Хорошо, я прямо сейчас туда поеду.

— В делегации есть очень даже симпатичные мамыши, а Сергей Ганский — племянник министра культуры, так что ему надо уделить особое внимание.

— Дякую, пане полковнику, — со всей серьезностью ответил он.

— Я тоже туда подъеду чуть позже.

«Атенеул» с конца XIX столетия стал главным концертным залом Бухареста. Снаружи здание очень напоминало Исаакиевский собор в Ленинграде.

Строился он по проекту французского архитектора на средства знатного румынского рода Вакареску и на народные деньги. Тогда в стране говорили: «Пожертвуйте один лей на “Атенеул”!». Но знаменитым «Атенеул» стал не только как место служения искусству, но и как «исторический свидетель» ратификации договора о присоединении Бессарабии, Трансильвании и Буковины к Королевству Румыния. Это произошло 29 декабря 1919 года.

Между тем, выступления конкурсантов проходили в зрительном зале, в виде амфитеатра, очень уютном и одновременно торжественном, благодаря историческим фрескам на стенах и богато украшенному куполу.

Васильев пришел как раз вовремя. Сергей должен был выступать через несколько минут.

В зале не очень мало зрителей. Наши расположились группой на галерке. Мамаши, преисполненные серьезности, приветствовали Васильева очень сдержанно. Чувствовалось, что они чем-то неудовлетворены.

«Звиняйте, бананів у нас нема», — вертелось у него на языке. — «Ладно, все проходяще, а музыка — вечна».

Во время выступления Сергей очень волновался, это все, что смог понять Васильев. Когда тот закончил играть, группа

поддержки начала неистово хлопать и скандировать: «Ганский, Ганский, Ганский!!!»

«Молодцы», — подумал Васильев и потихоньку вышел из зрительного зала.

В конференц-зале он увидел Любомира, беседующего с Аницей, и подошел к ним.

— Пане полковнику, выполняем ваше задание, оповестили активистов, они должны скоро быть здесь, — бодро отрапортовал Любомир.

— Отлично, проведи душевную беседу с мамами, а то такое впечатление, что они кислых яблок объелись. Я бы с удовольствием кофе выпил.

— Ходімо, я вас проведу до кафе, пане Володимире, — обрратилась к нему Аница.

— Дякую, пані Аниця.

— Да, вы идите, а я с организаторами еще пообщаюсь, узнаю, что и как. Надо потом будет Послу доложить.

— И о мамах не забудь.

Любомир кивнул и направился на поиск руководителей конкурса.

— Що робите, пане Володимире? — спросила его Аница, когда они встали в очередь к барной стойке.

— Музику слухаємо. Яку каву ви будете?

— З молоком, будь ласка.

— Добре, тоді і я з молоком, за компанію.

— Кристина переказала мені передати вітання, якщо я вас побачу.

— Файно дякую, і ви передавайте їй привіт.

— Вона сказала, що на вихідні буде в Синаї, і якщо ви схочете відвідати королівський палац, то вона може скласти вам компанію.

— Цікава ідея, а як я її зможу там побачити?

— Вона чекатиме на вас у суботу близько 14-ї години на вокзальній площі.

— Гарзд, якщо я зможу, то приїду в Синаю, я давно туди збирався.

Выпив кофе, они вернулись в конференц-зал. Там было уже больше народу. Любомир стоял в окружении нашей группы и что-то эмоционально вещал.

Сергей тоже был там. Увидев Васильева, он помахал рукой и пошел навстречу.

— Добре, я під зустріну нашу діаспору.

— Цілую ручки.

— До побачення, пане Володимире.

Сергей, весь взъерошенный, с испариной на лбу и горящими щеками, казалось, был счастлив. Они поздоровались.

— Ну что, с почином! Поздравляю!

— Спасибо вам за поддержку, — он немного заикался, когда волновался.

— Все нормально. Доволен своим выступлением?

— Налажал, конечно, как пионер! Но все равно, кайф.

— И до сколько вы тут кайфовать будете?

— До вечера, я думаю.

— Хорошо, ждите меня здесь с Леной. Я приеду и поедем поужинаем у меня дома. Папе я твоему позвоню из Посольства. Что передать?

— Да скажите кик-ксанул пару раз, а так все нормально.

Васильев вышел из «Агенеула», раздумывая, куда бы пойти прогуляться. Меньше всего ему хотелось сейчас ехать в Посольство.

Новая встреча по инициативе «Кристи» требовала анализа, доклада в Центр и получения «вказівок». Но до субботы всего два дня. Перебирая в уме возможные варианты своих действий, он дошел до Дома офицеров.

Прямо перед зданием на тротуаре под яркими зонтиками стояли столики, разделенные клумбами с цветами. Он сел и заказал подошедшему официанту апельсиновый «Пригат».

После отправленных «звітів про зустрічі» с «Кристи» Центр согласился с предложением продолжить закрепление знакомства. Акцент в беседах предлагалось сделать на вопросах реформирования системы военного образования в Румынии.

«Очень было бы полезно изучить этот опыт доморощенным украинским реформаторам, “пустившим под нож” лучшие военные училища. Мол, не надо столько военных училищ для Украины. Здесь такой фигней никто не страдает», — думал он.

Впервые Васильев оказался в этом месте через несколько дней после приезда в Бухарест. Он приехал сюда вместе с начальником и, пока тот был на приеме в Доме офицеров, он «с открытым ртом» бродил по близлежащим улочкам.

Здание Дома офицеров больше напоминало театр: перед входом — летнее кафе, справа — казино, и здесь же рядом — антикварный магазинчик с военной коллекцией наград и холодного оружия.

«Как же оно все не “по-советски” и приятно глазу», — невольно подумалось тогда.

Постояв несколько минут перед яркими, в иллюминации, витражами казино, он решительно вошел внутрь.

«Теперь я имею право и возможность увидеть это явление жизни воочию, а не только в кино. На партком не вызовут, и я уже не коммунист, слава тебе господи».

В зале к нему грациозно подошла одетая по-пляжному чернокожая официантка и предложила кофе.

— Сколько я должен?

— За счет казино, сэр.

«Прекрасно, кофе выпью на халяву. Гулять, так гулять». Васильев подошел к застекленной стойке и протянул 10 долларов. «Конторщик» выдал ему две фишки. Подойдя к столу с рулеткой, он поглазел на происходящее «тайнство» и сел через некоторое время на освободившийся стул. Через пару минут он уже встал с места.

«Ну, вот и выпил кофе за десять долларов из полученных “подъемных”», — подумал он, направляясь к выходу, нисколько не жалея о потраченных валютных средствах. Больше в казино его не тянуло.

Ухмыльнувшись воспоминаниям о «расточительности» годичной давности, Васильев вернулся к обдумыванию «текущего момента». Термины из бессмертного наследия марксизма-ленинизма крепко сидели в голове. Ему вдруг захотелось представить, что посоветовали бы начальники и товарищи в сложившейся обстановке, если бы он к ним обратился.

Непосредственный начальник — ВАТ. Немногословен, бережлив, любит пчел. Уверенно водит автомобиль в любой степени опьянения.

Вот к кому он вообще не стал бы обращаться за советом, так это к нему. Уже с полгода они работали каждый по своему разумению, стараясь не вмешиваться в дела друг друга. Последнее время начальник направил свою кипучую энергию на проведение 2–3 ужинов в месяц с коллегами у себя дома и составление бухгалтерских отчетов после них. Продуктов закупалось столько, что можно было накормить взвод. Както Астахов, оставаясь за Посла и подписывая отчет, заметил ему очень культурно:

— Анатолий, вы решили «столоваться» за счет представительских средств?

Тем самым была нанесена кровная обида воинскому начальнику, а равно и его супруге. Супруга стала здороваться с Астаховым очень сухо. А когда произошло чудо и на аппарат ВАТ были выделены деньги для приобретения представительской одежды, супруга начальника решила, что это исключительно о ее муже позаботилась Родина.

Так что Васильев исключил ВАТ из своей игры, как Штирлиц Геринга.

«Керівник». Строг, но отходчив, обладает чувством начальственного юмора. Не исключено, что Георгий Тимофеевич, дай бог ему здоровья, выразился бы словами из анекдота о разведчиках: «Володя! Не надо путать оперативную работу с бл...вом».

Во время последнего визита в Центр после традиционной душевной беседы он поинтересовался у Васильева, где тот проведет свободный вечер. И заметил, как бы между прочим:

— Небось, опять в театр?

— А вы откуда знаете, Георгий Тимофеевич? — не скрывая удивления, спросил Васильев.

— Хм, предложил бы генералу что ли ...

— Шо, к актрисам поехать?

— Ну, ты там, парень, совсем «оборзел» в своей Румынии. Контрмарку на хороший спектакль, чтобы жену порадовать...

— На 8 марта?

— Так, свободен.

Вот такой у них произошел театральный разговор. Позже Васильев передал ему приглашение на двоих и даже самостоятельно проводил генерала с супругой в закулисный буфет.

Куратор в Центре. Серега Тушков — настоящий мужик. Всегда по-братски заботится и переживает за своих офице-

ров. По телефону в нервных ситуациях он мог зарядить позитивом не хуже, чем Алан Чумак. Может, и в этом случае он сказал бы: «Володя, подними правую руку вверх, резко опусти, сделай глубокий выдох и произнеси: “Да пошло оно все на х...р”».

«Ну вот и решение. Будет день, будет пицца».

В субботу около 10.00 Васильев выехал из Бухареста. Маршрут был знаком. Дорога хорошая, до места около 130 км. В Синае он уже побывал. Здесь проходил трехдневный натовский семинар. Участники жили в старейшем отеле «Палас». Сессии проходили в большом зале казино, находившемся совсем рядом. Говорили, что оно копия того, что находится в Монте-Карло.

На семинаре он был с юным коллегой из нашего МИДа по имени Константин. Тем не менее, своим молодеческим задором тот сумел напугать хозяев и повеселить натовцев, заявив, что Румыния предъявляет Украине территориальные претензии.

По утрам, после завтрака в ресторане отеля, они устраивались с кофе в огромных мягких креслах в холле и вели задушевные беседы на тему вступления Румынии в НАТО и не только...

Возле отеля он и решил оставить на стоянке машину, а к вокзалу пройти пешком.

Удивительное чувство свободы и внутреннего спокойствия овладевало Васильевым во время поездок по стране. Все, что беспокоило, тревожило и в работе, и в жизни, уходило куда-то на задний план. Новые места, открывали незнакомые грани истории и культуры Румынии. И, как ни крути, на этой земле жили его бабушка и дедушка, родился папа. Поэтому увиденное проникало в душу сильнее, чем просто информация о стране пребывания.

Около часу дня он въехал в Синаю и легко нашел улочку, поднимавшуюся вверх в направлении отеля. Возле отеля совсем немного машин, должно быть потому, что на дворе стояло весеннее межсезонье.

Васильев зашел в отель. Администратор за стойкой, как ни странно, узнала его и улыбнулась.

— Добрый день! Вы к нам?

— Целую ручки! Очень жаль, но не сегодня. Я хотел бы просто выпить чашечку кофе.

— Да, конечно. Вы хотите выпить в ресторане или в холле? Я могу попросить официанта.

— Нет, спасибо, я пройду в ресторан.

Название городка Синая ему врезалось в память еще в советские времена. Но не из-за связи с Синайским полуостровом. Синая была пунктом назначения дизель-поезда из Бухареста в душевном фильме «Безымянная звезда». По пути поезд проезжал станцию «глухого городка» без остановки. Но в этот раз поезд остановился, вследствие чего зрители увидели историю о зарождающейся любви с грустным концом. Героиня Вертинской, Мона, уезжала в свое невероятное путешествие из этого отеля. Автором пьесы был румынский драматург.

Неспешная прогулка до вокзала по извилистым улочкам, утопающим в лесной зелени, заняла у него минут двадцать.

Он вышел на перрон, постоял там немного, а затем прошел через пустой зал вокзала мимо дежурного в униформе, болтавшего с кассиршей через стекло кассы.

И вокзал, и перрон очень были схожи с киношными. Сюда явилась с проверкой мадам, пардон, мадемуазель Куку. Учительница строгая, как начальник городского отделения Сегуранцы.

Васильев посмотрел на привокзальную площадь и увидел идущую Кристину в сиреневом брючном костюме и расстегнутым светлом плаще.

— Вы опять без цветов? Ну что с вами делать? — она протянула руку и, улыбаясь, продолжила: — Скажите, когда у вас дарят дамам цветы, кроме 8 марта?

Как и прошлый раз, она застала врасплох Васильева градом своих безобидных вопросов.

— Ну, когда идут на свидание.

— А у нас не свидание? — снова эта веселая ироничность в голосе, вводящая в ступор.

— Я думал, что у нас будет экскурсия в королевский дворец.

— Понятно, я ваш гид по Синая. И в конце экскурсии вы мне подарите украинский сувенир. Водку с перцем?

— Это будет зависеть от степени интересности вашей экскурсии.

— Что ж, начинаем нашу экскурсию. Посмотрите направо, и вы там ничего не увидите, кроме стоянки такси. Пройдемте дальше.

— Начало интересное.

— Хорошо, давайте составим программу. Вы бывали уже в Пелеше?

— Да, один раз.

— Понравилось?

— Конечно, особенно в рыцарском зале. Только жаль, фотографировать не разрешили.

— Вы все в Румынии фотографируете?

— В основном воинские мемориалы и пушки.

Во время командировки в Констанцу Васильев проехался по всему побережью и сделал снимки некоторых объектов военно-морской базы в Мангалии для «Довідки щодо ВМС

Румунії», которую готовил для Центра. Впоследствии даже получил за нее оценку «ценная» от начальника информационного управления в воинском звании контрадмирала.

— А в Пелишоре были?

— Нет, он был закрыт.

— Тогда я предлагаю посетить это дворец сегодня. Мне он даже больше нравится, чем Пелеш.

— А мы можем по пути зайти на военное кладбище?

— Оно немного в стороне, называется Кладбище героев. Можно зайти туда на обратном пути.

В Бухаресте военно-дипломатический корпус традиционно возлагал венки на военных кладбищах Первой мировой войны в памятные даты, и это поразило Васильева. Там были румынское, французское, итальянское, немецкое кладбища, но не было русского. Посольство РФ организовывало возложение венков на советском военном кладбище накануне 9 мая. Там же проводило памятное мероприятие и украинское Посольство, только выбирало другую дату для возложения.

— На кладбище, кстати, есть пушка. Можете ее сфотографировать.

— Я не взял с собой фотоаппарат.

— Жаль, ну тогда придется вам еще раз приехать с фотоаппаратом.

Они пересекли вокзальную площадь и поднялись по ступенькам в городской парк. Оттуда, по серпантину улочек, поднимающихся вверх, продолжили свой путь. Кристина легко ориентировалась на местности. Скоро они дошли до монастыря, обнесенного крепостной стеной.

— Посмотрите, прямо перед вами Монастырь Синая, основанный в XVII веке.

— Женский?

— Нет, мужской. В нем должны были жить 12 монахов по числу божьих апостолов. Там есть и иконы, подаренные царем Николаем II, а в библиотеке хранится первая библия, переведенная на румынский язык. Вокруг монастыря и образовался город.

— Я давно мечтаю переночевать в монастыре.

— В женском?

— Ну, это уж как повезет.

В какой бы части Румынии ни оказывался Васильев, рядом всегда находился монастырь. Почти во всех были комнаты для гостей или маленькие гостиницы. Во время командировки в январе на румынской части Буковины вечер застал его в дороге. Доехав до ближайшего села, он обнаружил монастырь и решил попроситься на ночлег. На его стук в ворота вышла молодая монахиня. Она извинилась и сказала, что кельи для гостей нетоплены и там холодно. Монахиню звали Мария. Она посоветовала обратиться в дом недалеко от монастыря, там сдавали комнаты для паломников. В доме также был «при-ват», что-то вроде столовой с домашней кухней и вином...

От монастыря к Пелешу вела дорога из брусчатки. Кристина оступилась несколько раз и укориженно посмотрела на Васильева.

— Могу я вас взять под руку, а то я шлепнусь в следующий раз, и вы не переживете такого позора.

— Да, тогда я вынужден буду застрелиться.

Он предложил ей руку, от касания его пронзило, будто током. Кристина обхватила его под руку и крепко прижалась. Он словно онемел и с тревогой посмотрел вперед, думая о том, когда брусчатка закончится, и он сможет оторваться от кружащей голову близости.

Некоторое время они шли молча. Наконец Васильев увидел спасительную аллею, отходящую от дороги.

— Нам по аллее?

— Да, это начинается парк Пелеша. Благодарю вас.

Кристина легко высвободила руку и указала Васильеву на появившийся, как в сказке, дворец на холме.

— Ну, вот и Пелеш. В конце жизни король распорядился, чтобы во дворце был музей, а Чаушеску закрыл его для посещения и хотел превратить в свою резиденцию. Но бывал здесь редко. Говорят, он страдал всякими фобиями в отношении этого места. А работники дворца еще и пустили слух о каком-то вредном грибокке во дворце.

— Я читал, что государство хочет вернуть национализированные дворцы королю Михаю I.

— Пока речь идет только о Дворце Елизаветы в Бухаресте. Но мы же идем в Пелишор. Правильно?

— Да-да.

Пройдя через парк с памятниками Каролю I в военном мундире и его супруге Елизавете с вышиванием в руках, они подошли ко Дворцу Пелишор. Он стоял тоже на возвышенности, а к парадному входу вела дорожка из брусчатки с металлическим ограждением по краю. Кристина стала подниматься, придерживаясь за перила. На дверях их ждала большая табличка, сообщавшаяся, что музей закрыт на санитарный день.

— Вот тебе бабушка и Пелишор! — вырвалось у Васильева.

— Кто бабушка?

— Нет-нет, это пословица у нас такая, подходящая.

— Извините, я не знала, что они закрыты сегодня.

— Ничего-ничего, не судьба, значит. Ну, что тогда на кладбище?

Кристина задумалась.

— Туда мы всегда успеем. Подождите меня, пожалуйста, здесь.

Когда она скрылась за углом дворца, Васильев вышел на каменную террасу перед входом с видом на парк и главный дворец.

«Хороший получился викенд. Сегодня Синая, женщина в сером, а завтра Констанца, матросы в белом — романтика».

Аппарат получил приглашение от МНО Румынии посетить учения и приглашение на прием от американского посольства. Прием будет проходить на корабле США. Васильев подтвердил свое участие, позвонив куратору в управление внешних связей. В Констанцу он обычно ездил один, без начальника, и в этом была своя прелесть этой командировки.

Кристина вернулась через минут пятнадцать. Лицо ее светилось улыбкой.

— А сейчас мы с вами посетим дворец Пелишор. Он был построен в 1903 году в качестве летней резиденции королевской семьи и наследника престола Фердинанда I. Все остальное вам расскажут во дворце.

— Интересно, а в женский монастырь меня с вами тоже бы впустили ночью?

— Почему ночью?

— Нет, извините, это я так о своем. Как вам удалось?

— Это моя маленькая тайна. Идемте же, нас ждут.

Если в главном дворце самое сильное впечатление на него произвел рыцарский зал с несметной коллекцией холодного оружия, то здесь во всем царило великолепие и достоинство королевы Марии, внучки по матери русского императора Александра II.

Покинули они дворец примерно через полтора часа. Васильев ощущал перенасыщение исторической информацией, полученной от сотрудницы дворца с научной степенью и не

меньшей степенью ответственности, с какой она отнеслась к проведению этой экскурсии.

После осмотра главных достопримечательностей, их даже пригласили на чай в одно из служебных помещений. Кристина трогательно ухаживала за Васильевым, подкладывая горячие палачинки в его тарелку. Ему, с одной стороны, было неловко под внимательными взглядами музейных дам, а с другой — приятна забота красивой женщины.

Выйдя на террасу, они постояли, несколько минут, любуясь дворцовым парком в наступающих вечерних сумерках.

— Ну что, теперь на кладбище? — спросила она его с иронией.

— Пожалуй нет, мне мой двоюродный брат, лесник, говорил, что не надо ходить на кладбище после заката солнца и беспокоить покоящихся там.

— Хорошо, а где ваша машина?

— Она возле «Паласа».

— Тогда идемте.

Они вышли на брусчатую дорожку, и Васильев предложил ей руку.

— О, какой вы галантный кавалер.

Кристина взяла его под руку, и он почувствовал, как и в первый раз, упругость ее груди. Теперь не ток, а тепло разливалось по телу, а в голове возникло какое-то туманное марево.

— Скажите, забальзамированное сердце королевы Марии... Как вы к этому относитесь?

— Во всяком случае лучше, чем к забальзамированному Ленину.

— Вы бывали в мавзолее?

— Да, еще школьником и когда оказался в Москве после Афганистана.

- И как там вам?
- Страшно, аж жуть.
- Я понимаю, вы шутите...

Возле «Паласа» Васильев предложил зайти в бар.

— Вам еще ехать до Бухареста, а уже вечер, может быть, в следующий раз?

- Хорошо. Куда вас подвезти?
- Если можно к вокзалу, мне это удобно.
- Ниче проблемэ.
- Можно я посмотрю ваши диски? Какую музыку вы любите?
- Разную.
- Ну тогда поставьте что-нибудь на свой вкус.
- Эта композиция называется «Песня китайских цыган».

Васильев завел двигатель и включил диск Кашина, презентованный ему Астаховым. До вокзала они ехали молча, слушая Кашина и щемящие душу звуки скрипки. Васильев остановил машину на стоянке.

— Удивительная музыка, жаль, что я не понимаю текста.

— Текст философский. Там есть слова: «Все в унисон, но это ли не сон. Все началось, все кончится в земном. Мир станет явью, когда уснет таким же сном».

— Мне пора. В воскресенье закрытие музыкального курса в «Атенеуле».

— Жаль, я не смогу там быть. Я еду в Констанцу.

— Я знаю, — Кристина протянула ему руку для прощания.

Васильев поцеловал протянутую руку, слегка сжав теплую ладонь и задержав ее в своей руке.

— До свидания. Друм бун, — Кристина вышла из машины, помахала ему рукой и быстрой походкой пошла через площадь.

Васильев смотрел ей вслед, пока она поднималась по ступенькам лестницы, по которой они шли днем, и когда она исчезла из виду, развернулся, включил громче музыку и нажал на газ.

«Друм бун» — так забавно звучавшее на слух означало в переводе «Хорошей дороги».

Обдумывать он стал все, когда выехал из Синаи: «А что тут обдумывать, о своей поездке я оповестил управление внешних связей разведуправления. Все, самый полный стоп. Напоследок остается вспомнить крылатые фразы героев “Безымянной звезды” и утешиться.

Жена начальника станции в гневе: «Какой позор! Что скажут люди? Начальник станции — государственный служащий, муж и отец... чего там... развратничает...»

Нет, не убеждает и не утешает.

Учитель астрономии Мирою (Игорь Костолевский) в грустном настроении: «Ни одна звезда не отклоняется от своего пути... Все, что мы пытаемся сделать, все, что мы не сделали, наши утраченные иллюзии...»

«Дальше не помню, но какое тут к черту утешение».

*Над синей улицей портовой
Всю ночь сияют маяки,
Откинув ленточки фартово,
Всю ночь гуляют моряки.*

Б. Окуджава

15.

Поездка на учения в Констанцу живо обсуждалась среди помощников ВАТ. Собиралась хорошая компания. Договорились резервировать номера в отеле «Кароль». Он расположен совсем рядом с набережной и штабом ВМС Румынии. Там в понедельник планировался брифинг по сценарию учений для приглашенного военно-дипломатического корпуса, а вечером — прием на американском корабле. Съезжались все в воскресенье во второй половине дня.

Васильев выехал утром, потому что в Констанцу для участия в учениях в воскресенье должен был зайти украинский корвет «Луцк», и он хотел его встретить в порту.

Если процедура прибытия советских, впоследствии российских военных кора-

блей в порт иностранного государства, была четко прописана в соответствующей инструкции, то о наличии подобной в ВМС Украины аппарат ВАТ не имел ни малейшего понятия.

Из бесед с подводником Костей Варченко Васильев узнал некоторые интересные особенности встречи, а именно: портовые власти должны выслать навстречу кораблю катер с военно-морским атташе, офицером связи, переводчиком, сигнальщиком и лоцманом. Заходы в порты осуществляются обычно в светлое время суток. Если навстречу кораблю офицер связи не прибыл, командир корабля становится на якорь и посылает своего офицера с извещением дипломатических представителей СССР и местных властей о прибытии корабля.

«Ну, раз я общевойсковой офицер, значит буду встречать корабль на берегу, главное — это сделать вовремя», — принял решение Васильев.

В качестве теоретической подготовки для встречи он изучил ТТХ корвета «Луцк», а для материально-технического обеспечения приготовил бутылку виски из личных запасов.

Шоссе Бухарест–Констанца считалось скоростным, и на отдельных его участках было даже платным, включая длинный мост с двумя охранниками на въезде и выезде, вооруженными карабинами.

После этого моста шоссе напоминало скорее взлетную полосу, чем автомобильную дорогу. На этом участке в несколько километров Васильев проверил скоростные качества своего «Карла». Через полгода после того, как облитый шампанским, словно боевой корабль, автомобиль поступил «на вооружение» аппарата ВАТ, Васильев отправился на нем в первую самостоятельную командировку в Констанцу. Испытание закончилось тем, что в правую фару угодила птица, что иногда случается при взлете самолета. Страсть к езде на

высокой скорости прошла также быстро, как и увлечение рулеткой.

«Какой русский не любит быстрой езды... но это — про русских».

После этого участка автобана самым впечатляющим на маршруте был вид с моста на АЭС «Чернавода». Введение ее в строй ожидалось в конце года. Спроектирована она была канадцами. Станция стояла на берегу канала Дунай–Чёрное море, из него и брали воду для охлаждения.

Проект считался самым передовым, но все же возникали нехорошие ассоциации в названиях «Чернавода» — Чернобыль. Не дай боже, как говорится, румынскому народу «мирный атом в каждый дом».

Кстати, «гений Карпат», как называли Чаушеску в социалистической румынской прессе, имел ядерные амбиции. Румыния при его правлении, по некоторым оценкам, была близка к созданию атомной бомбы. С помощью Канады в стране удалось наладить производство тяжелой воды и ядерного топлива для АЭС. Химкомбинат в Питешти произвел к 1990 году 585 тонн энергетического ядерного топлива. Позже инспектора МАГАТЭ обнаружили следы деятельности военного характера в Институте атомной энергии.

В СМИ приводились небезынтересные слова Чаушеску о том, что ситуация, при которой неядерные страны могут полагаться лишь на геополитическое снисхождение сверхдержав, является несправедливой...

«А чи не мудро?» — думалось ему тогда в свете ядерного разоружения Украины.

Не заезжая в отель, Васильев решил отправиться в порт. Там ему сообщили ориентировочное время и номер причала, к которому будет швартоваться «Луцк», и выдали пропуск на машину.

На причале он стал свидетелем захватывающего зрелища — швартовки «Луцка».

Дело в том, что маневрирование корабля при выполнении швартовки проходило при сильном ветре в очень ограниченном пространстве. Васильев был буквально заморожен филигранной работой экипажа корабля и румынских моряков на буксирах. Казалось, что еще мгновение, и корабль, раскачиваемый волнами, врежется в причал или в стоящие рядом судна. Васильев вспомнил, как он учился на машине заезжать задним ходом в гараж и таки в результате остался без зеркала.

Позже, когда он «живописал» увиденное Косте, тот квалифицированно пояснил, что безопасность маневра на швартовку и занятия исходной точки по отношению к причалу зависит от наличия свободной акватории.

Когда Васильев поднимался на борт украинского корвета после успешного окончания швартовки, его переполняла гордость за державу и было жаль, что нет второй бутылки виски, чтобы отблагодарить румынских моряков, принимавших участие в этой операции.

На борту «Луцка» находился зам. Командующего ВМС Украины. Васильев представился и в самых восторженных выражениях высказал свои чувства. Бутылка виски была принята адмиралом с благодарностью. В кают-компании Васильева попотчевали чаем. Адмирал в сердцах поведал, с какими трудностями столкнулись при подготовке к выходу на эти учения. Большую шефскую продовольственную помощь оказал город Луцк.

Расставались тепло. Адмирал подарил Васильеву на память сувенирный кортик, закрепленный на символическом щите в цветах Государственного Прапора. Командир корабля проводил его до трапа. На палубе галдели и толкались матросы, закончившие выполнение своих задач.

«Какие же они молодые. У вахтенного матроса ворот рубашки на два размера больше его тонкой шеи», — подумал мимоходом Васильев, спускаясь по трапу.

В холле отеля царила атмосфера приема. Военные атташе, помощники, некоторые с женами, оживленно общались, словно после долгой разлуки. Здесь же, возле стойки администратора, расположились с документами, пропусками и приглашениями представители секции внешних связей и штаба ВМС.

Васильев увидел беседующими Ежи и Костю и сразу направился к ним.

— Третий нужен, пане пулковнику? — вместо приветствия обратился он к Ежи.

— Ты что, тоже без супруги? — не без возмущения спросил тот. — Будете с Константином «матросить»?

— Да, Ежи, ты нам не компания. Как поется в песне: «У матроса выходной, пуговицы в ряд», — широко улыбаясь, заявил Костя.

— А Эльжбета здесь? — спросил Васильев.

— Она осталась в отеле. Я зарезервировал номер в «Интима», здесь недалеко. В «Кароле» уже не было мест, когда я позвонил. Пока дошел сюда, ко мне молоденькие девушки трижды обращались.

— Что, спрашивали, который час? — серьезным тоном спросил Костя.

— Нет, спрашивали, не хочу ли я пообщаться.

— Ну, они же видели, наверное, что ты вышел из «Интима» и один. Жалели тебя, — Васильев ободряющим тоном поддержал беседу.

— А может, они подумали, что ты с корабля сошел на берег. Ты ж такой представительный в белой форменной рубашке.

В это время к ним подошел болгарский помощник Румен и нарочито торжественно обратился к Ежи:

— Господин вице-президент, вы не хотите возглавить делегацию помощников ВАТ с целью посещения соревнований в «Пеликане»?

— Еще один «холостяк» нашелся... Что есть такое «Пеликан»?

— Это что-то вроде спортивного клуба, там гимнастки выступают по очереди у трубы. Если вы заняты сегодня вечером, господин вице-президент, то мы вам потом расскажем, кто выиграл.

— Так, все, я пошел в секцию за документами.

— Не расстраивайся, Ежи, я с тобой, — Румен кивнул Васильеву и Варченко.

— Увидимся в «Пеликане».

— Не вынесла душа поэта... — подытожил Костя. — Прямо по курсу вижу Роберта. Первая торпеда, товсь.

В Бухаресте они с Васильевым попросили военно-морского атташе США помочь в организации визита на один из американских кораблей. Он пообещал посодействовать.

— Я приветствую лучшего военно-морского атташе США, — Костя сильно потряс руку всегда флегматичному Роберту.

— Я ничего не забыл. Завтра утром вас будут ждать на «Брэдли». Ребята, только у меня к вам большая просьба. Американские морские офицеры не пьют с утра.

— Роберт, у матросов нет вопросов. Бутылки будут переданы в качестве сувениров в закрытом виде.

— О'кей! Ну и завтра вечером прием на «Шревепорте», напоминаю.

— Йес, сэр!

— Хорошего вечера.

Довольные результатом, Васильев и Костя вышли на улицу перекурить. Курил Костя.

— И пару слов за «Брэдли», пока я с тобой травлюсь.

— Фрегат, водоизмещение до 4000 тонн. Скорость свыше 30 узлов, назначение — поиск и уничтожение подводных лодок.

— О, так он тебе особенно дорог. А 30 узлов — это сколько? Поясните для особенно непонятливой пехоты.

— Это 55 км в час.

— Отлично, Григорий. Ну, а теперь, как говорят у вас во флоте, «адмиральский час».

— Без рюмки водки — это не по уставу.

— Ну, тогда пойду-ка я отдохну часок лежа, не снимая снаряжения и расстегнув верхнюю пуговицу. Во сколько встречаемся?

— В 20:00 — катер к подъезду. Я Румену скажу.

Праздник жизни в «Пеликане» бил ключом. Васильев с Костей и Руменом даже немного смутились. Большой зал, почти битком был набит американскими матросами.

Им удалось найти пустующий столик в глубине. Появившаяся почти одетая официантка почему-то не удостоила их особым вниманием. Они заказали пиво, и все трое с интересом стали наблюдать за происходящим на главной сцене и в зале.

Барные стойки, как змеи, извивались по залу. На них были установлены «спортивные снаряды» в виде труб. Зрители, сидя на высоких табуретах и мягких диванах, с бурным азартом реагировали на исполнительниц гимнастических упражнений и дефилирующих по барным стойкам краса-

виц. В знак особого признания долларové банкноты под восторженный хохот помещались в отдельные предметы туалета девушек.

Еще одна группа в купальниках работала в зале, со смехом одаривая горячими прикосновениями своего тела мускулистых парней.

— А почему к нам никто не подходит? — задался Константин риторическим вопросом минут через десять созерцания.

— На наших лицах что-то не так написано, — предположил Румен.

— И дают-то им всего по доллару, я бы дал больше, — продолжал Костя.

— Да, не знают они про ширь русской души, Костя. Но ребята молодцы, веселятся по полной. Наверное, это народная американская забава. Нам не понять, как и американский футбол, — попробовал пофилософствовать Васильев.

— Эта игра все же мне больше нравится, чем футбол, и правила несложные. Вечерний вариант социальной активности моряков.

— Вот кто сейчас к нам подойдет, — Румен кивнул на вход.

Там стояли два офицера из секции внешних связей разведуправления. Они были в гражданской форме и, кажется, тоже несколько удивились, увидев «подшефных» старших офицеров в таком месте.

— Я думаю, они не по наши души здесь, а скорее охраняют мирный отдых американских парней. Как бы чего не вышло, — предположил Костя и продолжил: — Во время прошлых учений одного морячка искали пару суток. Он страстно полюбил румынскую девушку и не вернулся на корабль. Потом газеты живописали трогательную сцену их

расставания. Она в слезах на берегу, а любимого под белы ручки военная полиция сопровождает на корабль.

— По-моему, мы лишние на этом празднике жизни. Может прогуляться по вечернему городу, посмотреть местные достопримечательности, римские развалины, например, — предложил Васильев.

— Эх, где мои семнадцать лет, — обреченно ответил Костя. — Остается любоваться развалинами.

— Ладно, пошли, не будем смущать секцию внешних связей, — согласился Румен.

На следующее утро в 9:00 подводник Варченко и пехотинец Васильев под трели свистка и переливы военно-морских команд ступили на трап фрегата USS Robert G. Bradley (FFG-49).

Васильев ощущал прилив позитивных эмоций, потому что поднимался на корабль дружественного государства, в этом у него не было ни малейшего сомнения.

На палубе их встретил вахтенный офицер. Возле него стояли, расставив ноги на ширину плеч и с руками за спиной матросы. Их лица были суровы. Ни за что в них нельзя было бы узнать вчерашних разгоряченных пивом и женщинами веселых парней.

Рядом с развивающимся государственным флагом на походном столике был установлен портрет Президента США Билла Клинтона.

— Я знаю его. Это друг Моника Левински, — очень «дипломатично» заметил Варченко.

— Я с ним лично не знаком, — последовал лаконичный ответ американского офицера.

«Молодец», — подумал Васильев.

С вахтенным офицером они прошли в командирскую рубку. Командир встретил их с огромной кружкой кофе. С такими

же кружками стояли и сидели на рабочих местах, общаясь между собой офицеры.

— Вот поговорил с детьми по интернету, — весело сказал командир.

— Помощник военного атташе Российской Федерации, капитан 3-го ранга Варченко, — гордо отрапортовал Костя.

— О, вы — военно-морской офицер?

— Так точно, и я знаком с вашим фрегатом. Я видел его через перископ своей подводной лодки.

Командир громко захохотал:

— Так это вашу лодку я гонял в Средиземном море?

Теперь засмеялись все стоящие рядом офицеры.

— На этой оптимистической ноте не могли бы вы нам показать свой корабль, а то через перископ мой коллега не все рассмотрел. А я вообще общевойсковой офицер — подключился к морской беседе Васильев.

— Да, конечно, я в вашем распоряжении.

— Ну, и примите наши сувениры на память. — Константин протянул пакет, в котором находилось две бутылки, одна — «Столичная», другая — «Nemiroff. Медова з перцем».

— О-о-о-о-о, это водка?

— И горилка тоже.

— Но это вам на ужин, нас строго предупредили.

— О'кей!

Через полтора часа Васильев и Варченко покинули борт корабля.

— Ну, как тебе корабль наших союзников? — спросил Васильев на стоянке машин, когда Константин решил перекурить.

— Если одним словом, все сделано для людей. Своя почта, банкомат, меню, как в ресторане, а не только грозное воору-

жение разных калибров. А союзниками они вам станут, если вы вступите в НАТО.

— Я думаю, румыны будут там раньше нас. О'кей, как говорят у них, вечером увидимся на приеме.

* * *

Прием проходил на нижней палубе транспортного дока-амфибии Shreveport II (LPD-12). Офицеры разных стран мира — в парадной форме различных родов войск, дамы — в вечерних платьях, матросы — в белоснежных рубашках с бабочками, выполняющие обязанности официантов — все это в интерьере стальной брони корабля, украшенной флагами ярких расцветок с замысловатыми рисунками на фоне боевых вертолетов, создавало ни с чем не сравнимую атмосферу карнавала и рыцарского турнира одновременно.

Военные дипломаты, как обычно на приемах, образовали «кружки по интересам» и сдержанно, для начала, обсуждали увиденное и услышанное на брифинге и показательных занятиях.

Хозяева чувствовали себя непринужденно и раскованно. Они подходили и предлагали сфотографироваться на память. Должно быть, для коллекции снимков военной формы одежды всех стран и народов. Официальная часть приема еще не началась, ожидали руководителей Министерства обороны Румынии и учений.

Ежи, оставив Эльжбету в компании своего ВАТа и его супруги, присоединился к кружку «военных холостяков». Говорили о женщинах, потому как, по меткому выражению анекдота о военных, были еще трезвы. Их внимание привлекли женщины-военнослужащие в составе экипажей вертолетов, базировавшихся на корабле.

— А как же с морским поверьем, что женщина на корабле — это к беде? — спросил Румен моряка Костю.

— Даже не знаю, что сказать об этом, все у них не как у людей.

— Надо спросить у командира корабля, что он об этом думает, — предложил Ежи.

Для Васильева вопрос пребывания женщины на войне после Афганистана был тоже неоднозначным: если на должностях в госпиталях, штабах, тыловых подразделениях со всеми вытекающими из этого последствиями еще более-менее воспринималось, но их служба в боевых частях, по его представлению, противоречила самой природе женщины.

— Тут есть два варианта. Или мы сильно отстали в своем развитии, или они сильно продвинулись, — предположил он.

В это время взоры всех присутствующих обратились на входящую группу руководителей, направившихся к подиуму с микрофоном. Старшим румынским воинским начальником был командующий ВМС, его сопровождали офицеры штаба ВМС и МНО.

— О, и Ванеску здесь, — заметил Румен.

Генерал-майор Ванеску был заместителем начальника военной разведки и курировал секцию внешних связей.

— А кто это с ним? Супруга, что ли? — Ежи указал на даму, идущую с ним рядом.

Кристина была в элегантном костюме цвета морской волны с ожерельем из жемчуга на шее.

— Я так не думаю, — ухмыльнувшись, ответил Васильев.

Во время официальной части с гимнами, речами, ответными речами он почти не слушал выступающих. В голове у него звучали слова песенки Петра Лещенко:

*Ах, эти черные глаза
Меня пленили...*

Хотя у Кристины глаза были и не черные, а песенка привязалась.

Старички из диаспоры рассказывали Васильеву, что на каля Виктории в 1930-е годы был шикарный ресторан, владельцем которого был Лещенко. Его посещали даже члены королевской семьи. Правда, в 1944-м по приказу советского военного командования он был переоборудован под офицерскую столовую, а заодно и национализирован новой народной властью.

*Ах, эти черные глаза
Меня погубят...*

А Лещенко погубили не черные глаза, а та же румынская коммунистическая власть под чутким руководством товарищей из НКВД СССР. Да так, что и могилки не осталось. И в Констанце его допрашивали.

*Ах, эти черные глаза,
Кто вас полюбит...*

«И надо же, внучку артиста тоже звали Кристиной», — подумалось ему.

Приглашение командира к столу нашло самый живой отклик у гостей. И пока гости «брали на бордаж» столы, Васильев с Варченко подошли к бару, взяли по бокалу красного калифорнийского вина и расположились возле вертолета.

— Красиво жить не запретишь! — такова была оценка представителя российского флота яств, которыми были уставлены столы, покрытые белоснежными скатертями.

— Шо, вас на подлодке так не кормили?

Васильева же больше поразила не кухня, а сервировка столов и посуда, а особенно огромные металлические закрытые блюда с подогревом для горячего. Они блестели, говоря языком старшины, «как у кота яйца». На память пришли алюминиевые кастрюли с черпаками на столах в курсантской

столовой. Такие же были в офицерской столовой десантно-штурмового батальона в ДРА.

Тем временем, «заморив червячка», румынские военные начальники начали «обход вежливости», приветствуя военный дикорпус поднятием бокала и общаясь с наиболее важными его представителями. Как-то Васильев даже попал впросак на новогоднем приеме в подобной ситуации. Вино он не успел взять в баре, а от предложенной горячей цуйки с плавающими в ней горошинами черного перца отказался. И в этот момент к группе, в которой он находился, подошел Начальник генерального штаба с традиционным пожеланием «Ла мульцань». Пришлось извиняться за отсутствие рюмки в руке.

Ванеску с сопровождающим офицером приблизился к ним и с широкой улыбкой приветствовал протянутым бокалом.

— Рад вас видеть. Надеюсь, визит нашего Руководителя в Киев состоится в ближайшее время.

— Постараемся, чтобы его визит прошел так же хорошо, как и нашего Руководителя в Румынию.

— А вам, наверное, особенно интересны эти учения, как морскому офицеру, — обратился он к Варченко.

— Да, тем более, что раньше я изучал тактику действий американских кораблей с борта своей подводной лодки.

— Возле Констанцы? — рассмеялся Ванеску.

— Нет в Тихом океане.

Генерал кивнул как будто в знак одобрения и продолжил обход.

— По-моему, надо освежить и закусить, чем бог послал, — предложил Варченко.

Васильев не успел ответить.

— Добрий вечір, пане Володимире, — Кристина с бокалом в руке стояла справа от них.

Поскольку Васильев провожал глазами уходящее румынское начальство, он не заметил, как она подошла. Он опять оказался застигнутым врасплох. У Константина же от удивления глаза расширились до диаметра перископа.

— Гуд ивнинг. Сэрут мына (целую ручку), доамна Кристина. Шо робите? — своим разноязычным «винегретом» приветствия Васильев постарался настроить себя на спокойную волну. — Знакомьтесь, это мой коллега из российского посольства, Константин Варченко, героический офицер-подводник, родом из Донецка, вам должно быть интересно будет с ним пообщаться.

Константин, зардевшись, сделал свой традиционный полупоклон и прищелкнул каблукочком.

— Кристина, активистка Союза украинцев Румынии, — представил Васильев.

— О, как интересно... А скажите, это правда, что у моряка в каждом порту есть жена? — со знакомой смешинкой в глазах Кристина обратилась к Варченко

Теперь пришла очередь Кости держать удар. От неожиданного вопроса он несколько растерялся.

— Я вас оставляю на пару минут, а то у меня бокал почти пустой... — ретировался Васильев.

Это был отработанный на практике прием для того, чтобы выйти из беседы в нужный момент.

Когда Васильев вернулся к компании, простояв минут пять в очереди к бару, там уже находился улыбающийся Ежи.

— Володя, я хочу вступить в Союз украинок Румынии.

— Тогда тебе его надо создать, а то тут есть только Союз украинцев Румынии.

— Я тоже хочу вина еще, — весело заявила Кристина. — Пане Володимире, вы мне поможете в выборе?

— Да, не с нашим счастьем. Ежи, а тебя, кажется, Эльжбета ищет. Пойдем, я с ней поздороваюсь, — сказал погрустневший Костя.

— Хорошо, только не надо целовать ее трижды, у нас целуются дважды.

— Так и быть, уговорил. — Костя обнял Ежи, и они, кивнув Васильеву, двинулись через толпу к Эльжбете.

— Какое вино вы мне порекомендуете, пане Володимире?

— Оно все калифорнийское, как я успел заметить. А начальник без вас скучать не будет?

— Он не мой начальник, я здесь в составе группы преподавателей и слушателей Академии. Поэтому я и знала, что вы будете здесь. В программе мероприятий было написано про участие военного дипкорпуса. А Ванеску знает моего бывшего мужа, вот он и оказал мне такое внимание.

— Скажите, а вам знакомо имя Петра Лещенко? — неожиданно для себя почти выпалил он, когда они взяли бокалы и подошли к освободившемуся столику.

— Нет, а кто это?

— Это известный артист, замученный до смерти в румынской тюрьме в 1950-х годах.

— Владимир, я думаю, что нам не надо больше встречаться. У меня возникли проблемы из-за нашего общения. Я не хочу, чтобы у вас тоже были неприятности. Служба «прослушки» до сих пор у нас работает, как часы, заведенные еще при Чаушеску.

— Жена Лещенко приняла румынское гражданство после их женитьбы, за что ее впоследствии обвинили в СССР в измене Родине и приговорили к смертной казни. Он не отказался от нее.

— Владимир, мне жаль, я должна идти. — Она слегка коснулась его бокала своим бокалом, допила вино и поставила

бокал на столик. — Наша группа уже выходит. Я обязательно почитаю про эту историю. — Она протянула ему руку.

Он наклонился и поцеловал ее, слегка сжав запястье.

— Прощайте. Берегите себя. А в «Пеликане» весело было? — игриво спросила она и, не дождавшись ответа, пошла вслед за уходящими румынскими военными.

Васильев отправился искать Варченко.

— Что-то ты, батенька, не весел, — встретил тот его вопросительным взглядом.

— Да самое время сходить куда-нибудь повеселится. Может, в отель «Интим»?

— Мне кажется, пора на выход, а то начнут свет тушить, как в клубе.

Возле отеля народ, вернувшийся с корабля, продолжал шумно общаться, многие переместились в бар.

Васильев переоделся и вышел прогуляться перед отбоем к морю. Проходя возле припаркованной на стоянке своей машины, заметил, что окно осталось чуть-чуть приоткрытым.

«Семен Семеныч!» — он открыл дверь и сел за руль. Завел двигатель, включил музыку, закрыл глаза и откинулся на сидение. Через несколько минут он услышал легкий стук в боковое стекло. Девушка наклонилась и махала ему рукой.

Он открыл стекло.

— Добрый вечер! Вы не скучаете?

— Скучаю, девонька милая, скучаю, девонька славная...

— Ой, вы говорите по-русски. А я из Молдавии. А вы откуда?

— Я-то? Из леса, вестимо.

— Здесь рядом есть хорошее место, там можно потанцевать. Хотите, я вам покажу.

— Только об этом и мечтал. Садитесь. Надеюсь, это не «Пеликан»?

*Играйте, оркестры, звучите, и песни,
и смех.
Минутной печали не стоит, друзья,
предаваться.
Ведь грустным солдатам нет смысла
в живых оставаться,
и пряников, кстати, всегда не хватает
на всех.*

Б. Окуджава

Отъѣздъ къ арміи: „я равною монхъ враговъ“
(совр. жанин.)

16.

Уже прошло больше двух месяцев после исторического события — подписания украинско-румынского договора. Посол «сидел на чемоданах» накануне отъезда был назначен на вышестоящую должность, и величественно игнорировал всех, кто был не с ним. Лагерь сторонников во главе с Перчиком ликовал. Демонстрация показушной радости и оптимизма сопровождалась предвкушением «раздачи слонов», каждому — своего размера.

Островок же оппозиционеров жил своей жизнью с пивом и «Пригатом». Астахов меланхолично принял аксиому, что «плетью обуха не перешибешь» и предавался философским размышлениям. Васильеву было ни холодно, ни жарко от «игнора» Посла, а даже спокой-

нее. С согласия Астахова он переслал в Центр его «Особливу думку» относительно Договора.

Сегодня пиво пили «утрьох» — Астахов, Шевченко и Васильев. На следующий день Васильев летел в командировку в Киев. Он понимал, что не обойдется без пояснений к «Особливой думке» и мысленно прикидывал вопросы и возможные ответы.

— Интересное кино получается. Договор есть. Можно выразить бурную, я бы сказал, радость. А как солдат выражает бурную радость? Солдат выражает бурную радость, по словам Олега Борисова в фильме «На войне, как на войне», громким троекратным «Ура». А шо насчет границы и шельфа? С этого момента попрошу поподробней! — именно так Васильев обратился к благородному собранию.

— И вот, что не менее интересно. Договор подписали 2 июня, а 24-го румынский МИД направил Текст-комментарий к Договору в Парламент. Заметьте, на тридцати страницах с детальным анализом всех статей, — открыл прения Мькола Шевченко.

— Этот комментарий с выводами по нему был отправлен инициативно в МЗС, естественно, без подписи Посла, — вяло заметил Астахов.

— Я видел его. Цікавий документ. Надо будет его не забыть прихватить с собой.

— На совещании Посол бодро заявил, что, мол, мы забили гвозди, а вам — их вытаскивать, — продолжил Шевченко.

— В сухом остатке: румыны добились того, чего хотели, о чем и информировали свой парламент. Решение вопроса границы и шельфа откладывается на долгую перспективу. Закрепленная в тексте процедура обращения в Международный суд их вполне устраивает, — Астахов зевнул и указал официанту на пустую кружку.

— Прекрасно-прекрасно. Чем-то это напоминает историю Ходжи Насреддина. Вопрос, кто первым умрет, ишак или падишах? — Васильев обвел вопросительным взглядом присутствующих.

— Как сказал один юрист, за такие договоры или расстреливают, или дают ордена, — Астахов с нескрываем удовольствием сделал пару глотков из принесенной официантом кружки и достал сигарету.

— Да, скучно, дѣвицы. Кажется, так говорил Остап Бендер. Уеду я от вас в Киев, завтра вечерней лошастью.

— Вот сходите в театр в столице, там и развеетесь, — заметил Астахов.

— Водночас, вы же пропустите всенародный праздник проводов Посла, — резюмировал Шевченко.

— Неприятность эту я переживу.

* * *

Георгий Тимофеевич встретил Васильева с невиданной доселе гостеприимностью. Обычно все начиналось с «задушевной» беседы. Васильев привык уже спокойно выслушивать вступительный спич «Керівника», строгий, но справедливый, не без ярких образных выражений. Иногда он даже допускал отдельные ответные реплики. В конце приема начальник говорил что-то ободряющее для поднятия боевого духа аппарата. Этой части его доклада отводилась одна-две фразы, чтобы не терять попусту времени. Далее отводилось время для вопросов и возможных пояснений.

— У тебя есть три минуты, — звучало это как невероятный карт-бланш.

На этот же раз Тимофеевич был весь погружен в чтение бумаг.

— Володя, ты, наверное, устал с дороги. Пойди сделай себе чайку.

У начальника была комната отдыха с чайным уголком — на журнальном столике стоял чайный сервиз, печенье в тарелке и пачки с разными сортами чая.

Васильев вскипятил воду, взял пакетик «Липтона», заварив чай и устроившись в барском кресле поудобнее, стал степенно чаевать.

«Надо же, такая душевность в начале аудиенции. К чему бы это?» — невольно задался он вопросом.

Минут через десять Тимофеевич заглянул в комнату.

— Ну что, попил чайку?

— Мульцумеск.

— Володя, я сейчас иду на совещание, а ты пока пойди на «минус первый», поговори с ребятами, а потом поднимись ко мне.

В полуподвальном этаже в нескольких кабинетах размещалась 1-я служба, по-старому — «особисты» — или «контрики», или «молчи-молчи», занимавшиеся вопросами внутренней безопасности.

«О чем мне с ними говорить?» — недоумевал Васильев, спускаясь в лифте с седьмого этажа.

В армии к этим ребятам отношение всегда было «еще то». Все понимали, что после задушевных разговоров с ними могут последовать не менее «задушевные» доносы о проделанной работе.

В кабинете, куда зашел Васильев, находилось два товарища. Старший предложил ему присесть у его стола. Затем углубился в чтение листков из лежащей перед ним открытой папки. Васильеву даже стало забавно от всего происходящего. Он с интересом наблюдал за хмурившимся лоб подполковником.

Тот поднял голову, пристально посмотрел на него и ледяным тоном произнес:

— Доложите, при каких обстоятельствах вы совершили несанкционированный выход на представителя иностранной разведки?

— Чего-чего? Какой несанкционированный выход? На кого?

Если бы Васильева сейчас спросили, пытался ли он соблазнить английскую королеву во время своего отпуска в Лондоне, он, казалось, удивился бы меньше, чем прозвучавшему вопросу.

— Вы это знаете лучше меня, — таким же суровым тоном продолжил подполковник. — А если вы забыли, то я вам напомню, что вы обратились к помощнику военного атташе Германии с просьбой оказать вам личную услугу.

Васильев почувствовал, как кровь прилила у него к вискам. С нескрываемым чувством, граничащим со злостью и презрением, он посмотрел на представителя 1-й службы, напустившего на себя важность сотрудника «Смерша», разоблачившего шпиона. Васильеву стало ясно, о чем идет речь.

В последний раз папа гостил у него неделю. За ужином в первый день он с таинственным видом достал из бумажника аккуратно сложенную вырезку из газеты и протянул Васильеву. В статье киевского корреспондента шла речь о том, что немецкими властями принято решение о выдаче компенсаций жертвам нацистов, а также о возможной поездке граждан Украины в Германию, где им будет обеспечен отдых в санатории.

Папин энтузиазм основывался на том, что он тоже пострадал из-за Третьего рейха. Мало того, он написал письмо в Посольство Германии в Киеве, вдохновленный этой ста-

твеей. Ответ пришел от какой-то социальной организации с отказом. Это его не смутило, а еще больше раззадорило. Он считал, что там ничего не понимают и надо обратиться в Министерство обороны. Почти каждый вечер он предавался мечтам о том, как отдохнет в Германии, и, если получится, посетит Австрию. Места его военного детства. Это было наивно и трогательно. В конце концов, Васильев пообещал папе уточнить у немецких коллег, о чем идет речь и подпадает ли он под какие-то немецкие социальные программы.

На вечеринке у Ежи Васильев спросил помощника ВАТ Германии, известно ли ему что-нибудь о социальных программах для жертв войны. Юрген был сержантом, чему немало дивились Васильев и другие его коллеги. Как и следовало ожидать, он не имел об этом ни малейшего представления. Договорились, что Юрген постарается уточнить этот вопрос и, возможно, сможет чем-то помочь. Он попросил Васильева описать суть проблемы и приехать к ним в офис. На следующий день в кабинете Васильев засел за письменное изложение просьбы к немецким коллегам. Начальнику он объяснил суть дела и сказал, что договорился о встрече в офисе немецкого ВАТ по вопросу отца. Тот понимающе кивнул, но выразил сомнение, что они могут помочь.

— Я понимаю, но попробовать надо.

На встрече он побывал, кратко рассказал немецкому ВАТу о публикации. Тот пообещал узнать, что сможет. На том все и закончилось.

— Хочу вам заметить, что все ВАТы и их помощники являются представителями иностранных разведок и мы с ними общаемся постоянно, и это не считается несанкционированным выходом, — язвительно произнес Васильев и продолжил: — Что же касается моей встречи в немецком Посольстве, то я об этом уведомил своего непосредственного

начальника, военного атташе. Запрета на эту встречу я от него не получал.

Сказанное Васильевым несколько смутило подполковника, и он снова уткнулся в свои листки.

— Или я чего-то не понимаю, у нас что, 1937 год наступил? — еще злее сказал Васильев. — Может, вы мне предложите отказаться от отца, как врага народа? Или вас интересует, есть ли у меня родственники за границей? Может, вам предоставить справку органов советской военной прокуратуры о реабилитации отца, чтобы облегчить работу?

Подполковник молчал. Его младший коллега подошел к столу. Они были знакомы с Васильевым еще до командировки.

— Володя, не волнуйся, все нормально. Просто мы должны были уточнить некоторые моменты.

— Вы изложите все письменно и в следующий раз, когда будете в Киеве, передадите нам, — подполковник сказал это уже другим тоном, не поднимая глаз.

— Я свободен? Или у вас есть еще ко мне уточняющие вопросы? — Васильев встал и, не прощаясь, вышел из кабинета. На душе было паршиво. Он снова поднялся на 7-й этаж и прошел к кабинету Руководителя.

— Разрешите? Подполковник Васильев по вашему приказанию прибыл, — сухо доложил он, глядя в сторону в кабинете генерала.

— Садись.

Васильев сел и, ничего не говоря, уставился в окно.

— Володя, почему ты ко мне не обратился по этому вопросу? Я бы через немецкое Посольство сам все узнал.

Васильев молчал. Генерал нервно швырнул державший в руке карандаш.

— А ты знаешь, что твой начальничек накатал на тебя «телегу»? И я должен был реагировать!

— А он не написал, что я его поставил в известность, — с ехидцей в голосе произнес Васильев, теперь уже прямо глядя «Керівнику» в глаза.

— Хватит ерепениться, этот вопрос закрыли, — Тимофеевич взял из вазочки карандаш и продолжил: — Довожу до твоего сведения, что тут был Посол и час мозги мне выносил, чтобы тебя отозвать. Махал тут неправильными квитанциями за отель. Что ты на эту херню скажешь?

— Двадцать баксов на чай сэкономил, который он запретил нам выдавать. И не в квитанциях дело, а повод подходящий. — Васильев почувствовал, как его злость сменилась безразличием.

— Ну, ты — герой, а то я не понимаю. Только он — без пяти минут первый заместитель министра и орден получит за Договор, а где ты будешь через год со своей «Особливой думкой» — это большой вопрос.

— «Особлива думка» не моя, я поддерживаю выводы в ней о негативных последствиях Договора. Хотите отзывать — отзывайте. Зорге тоже хотели расстрелять, когда он говорил, что война будет, — с ухмылкой заметил Васильев.

В информационном управлении мужики ему рассказали, что, на основе материалов аппарата и их собственного анализа, в РНБО ушло письмо о будущих негативных последствиях подписанного Договора. Особенно в вопросе раздела шельфа. В заключение зам. начальника управления лично дописал «вимогу» о привлечении к ответственности виновных.

— Ну, ты меня рассмешил, может, и тебе орден дать?

— Я согласен на медаль.

— Все, на сегодня хватит, и так полдня с тобой нянькаюсь. В Комитете считают, что не Послу решать, что нам делать с нашими офицерами. Иди накрывай поляну.

— В честь чего?

— Пришел наказ на присвоение тебе очередного воинского звания — полковник. Письмо на Посольство уже ушло.

— Разрешите бегом?

— Свободен. Наберут детей в армию.

Васильев знал, что представление из кадров ушло месяц назад, и приказ должен был быть со дня на день. В общем, если бог в одном месте закрывает дверь, далее — по тексту...

* * *

Дверь в номере гостиницы «Киев», где остановился Васильев, резко открылась. Тимофеевич зашел стремительно и без стука.

— Товарищи офицеры, — команду подал старший из присутствующих — полковник Белогуз.

Присутствующие встали.

С Шурой Белогузом Васильев сдружился еще во время службы в информационно-аналитическом управлении. Во время командировок в Центр он всегда заходил к «информаторам» поговорить «за жизнь» и сегодня пригласил его на мероприятие. Здесь были также офицеры его отдела. К генералу Васильев зашел в конце рабочего дня, полного самыми неожиданными поворотами, и доложил, что готов представиться в гостинице «Киев» в 20.00.

— Красиво жить не запретишь, — отреагировал тот иронично. — Буду с замом, как только освободимся, ждите. Комнату и этаж скажешь Григорьевичу.

Войдя в номер, Тимофеевич оценил обстановку на накрытом столе и ответил на команду:

— Товарищи офицеры. Григорьевич, а мы хорошо зашли. Ну что, Александр, — он обратился к Белогузу, — руководи.

Белогуз как главный церемониймейстер достал из кармана рубашки две звездочки, положил в стоящий отдельно граненый стакан и вопросительно посмотрел на Васильева. Перед приходом Руководителя тот попытался прощупать почву на предмет заполнения стакана вином ввиду слабости здоровья.

— А употребление белого вина в виде исключения допускается? — Васильев робко посмотрел на генерала.

— В театре с девочками будешь употреблять белое вино и рассказывать о своих афганских гепатитах, — как отрезал Тимофеевич. — Александр, наливай!

— Есть! — Белогуз налил стакан до краев водкой из запотевшей бутылки, заранее помещенной в морозилку.

— Хорошо хоть не горячая, как в Термезе. — Васильев взял стакан, вдохнул и медленно выпил до дна. Потом губами прихватил колющиеся звездочки и положил их на стол.

— Товарищи офицеры. Представляюсь по случаю присвоения мне воинского звания *полковник*.

— Ну вот, другое дело. Теперь можешь отдыхать, дружок, — почти ласково произнес Тимофеевич.

* * *

Самолет прилетел в Бухарест около 22 часов. На улице у выхода из аэровокзала Васильева встречал Шевченко.

— Сетреиц, домнул Колонел, поздравляю.

— Мультцумеск.

Мыкола крепко пожал руку Васильеву.

— Ну как? Простились со слезами на глазах? — задал свой первый вопрос Васильев.

— Мы — да. Ты можешь еще успеть припасть к широкой груди Посла у борта самолета, — отшутился Шевченко.

— Не с нашим счастьем, — с наигранной грустью ответил Васильев и, оглядываясь вокруг, заметил:

— Народ еще весь в терминале, я так понял.

На стоянке аэропорта стояли все машины Посольства, за исключением машины Астахова. Он был в отпуске.

*А он судьбу свою кляня,
Не тихой жизни жаждал.
И все просил: огня, огня.
Забыв, что он бумажный.*
Б. Окуджава

17.

Третий день Васильев сидел в отделе и вымучивал отчет, который направлeнец должен был передать Начальнику управления. После этого должна была состояться встреча с Руководителем. Чувствовал себя Васильев при этом, как шпион, вернувшийся в холод. На дворе стоял февраль.

«Одних уж нет, а те — далече. Лучше и не скажешь», — думал он.

Тимофеевич убыл для дальнейшего прохождения службы на должность ВАТа в одну из восточноевропейских стран после того, как послал «на хрен» проверяющего из Министерства обороны. Его зама, Григорьевича, отозвали из Франции, как не ублажившего главу делегации МОУ во время визита в Париж.

И только Серега Тушков оставался на боевом посту. Каждый день он проявлял командирскую заботу, делясь с Васильевым своими бутербродами и домашними пирожками во время обеденного перерыва.

Прибыть из длительной командировки и не услышать от начальства «здрасьте» в течение трех дней, такое при Тимофеевиче и в голову не могло прийти.

А ГУР переживал очередной раунд «игр профессионалов». Со сменой руководства оказалось, что теперь настоящие профессионалы разведки — это ПВОшники.

До этого, по сложившейся советской традиции, общевойсковые офицеры считались главными организаторами боя и часто — военной разведки. В этом был уверен даже сельский парубок, Максим Перепелица, талантливо исполненный Леонидом Быковым, из одноименного художественного фильма. Другие специалисты отвечали за боевое обеспечение.

Выпускники дипломатической (читай «шпионской») академии в одночасье были объявлены таковыми, что не соответствуют требованиям современности и вообще испорчены советской школой оперативной работы. Зато ура-патриоты на ниве развала системы военного образования и повально-го закрытия военных училищ оказались вдруг сведущими и в области военной разведки.

Борьба за ГУР между Министерством обороны и Генеральным штабом, как борьба за мир, разрушала еще не укрепившееся здание молодого украинского разведывательного органа.

Отсидев положенное время без высочайшей аудиенции, Васильев выдвинулся в район расположения закулисного буфета Театра Франко и проводил там за бокалом вина долгие зимние вечера. Иногда он заглядывал в зал, если шли спектакли с его друзьями или любимые комедии. Швейк Бенюка

отвечал ему на болезненные армейские вопросы лучше, чем некоторые воинские начальники.

Третьего вечера они с Лэсем провожали Земляникину во Львов. Она уезжала на встречу с законным супругом (бракосочетание состоялось не так давно). Грустное расставание с «супругом» по многим спектаклям, Задунайским, началось в буфете под коньячок и закончилось в купе поезда «Киев–Львов».

Васильев, глядя в окно, обратил внимание на то, что фонарные столбы движутся.

— Лэсь, мне кажется, поезд тронулся.

— Я ще не допив мій коньяк.

— Лесику, скоріше на вихід, — Земляникина в ужасе глянула в окно.

В проходе Лэсь чуть не сбил с ног оторопевшую проводницу. Васильев прикрывал отход и извинялся. Когда он увидел прыгнувшего Задунайского, первая мысль, которая мелькнула, что тот может из-за скользкого перрона угодить под поезд. Он оттолкнулся от поручней и упал прямо на Задунайского, как Александр Матросов на амбразуру, с мыслью не дать ему скатиться под колеса. А поезд с шумом набирал скорость.

— А де моя шапка? — первое, что спросил артист, усевшись на перроне после приземления.

— Она во Львов уехала, — весело ответил Васильев.

— Який біль!

— Что шапка уехала?

— Не, у колінці.

— Дома посмотришь и полечишь.

— Ні, краще сразу коньячком обробити рану.

Люди, стоявшие на перроне, смотрели на них: кто с ужасом, кто с удивлением, а кто с возмущением.

— Отак, народний гепнувся об землю на очах усього народу, — патетично продекламовал Лэсь.

Поднявшись, они отряхнули снег, перемешанный с грязью, друг у друга на куртках и, не спеша, направились в вокзальный буфет.

* * *

На следующее утро Васильев пришел на «остров» в приподнятом настроении. Он дописал в последнем разделе отчета, где излагались проблемы и предложения, следующее: «Прибывшие из длительных командировок офицеры не должны себя чувствовать так, как будто они вернулись из мест заключения». Затем отдал свой опус Сереге и сказал, что больше не будет «высиживать здесь яйца». Когда вызовут тогда и придет. Серега понимающе кивнул.

Идя по мосту с Рыбальского на Подол, он вспомнил последние дни в Бухаресте. На церемонии прощания, которую Ассоциация провела в украинском Посольстве, многие коллеги спрашивали его о дальнейших перспективах службы. Он с энтузиазмом рассказывал всем, что будет работать на натовском направлении, для чего активно штудировал французский язык на курсах во Французском институте.

Большое удовлетворение у него вызвал тот факт, что на мероприятии присутствовала группа офицеров из секции внешних связей и помощник начальника румынской разведки, последним покинувший здание Посольства.

На подобном мероприятии проводов ВАТ Украины Ковганюка, проведенном в Посольстве Польши, не было ни одного румынского офицера.

Напоследок начальничек почудил немножко. На одном из центральных проспектов он показал в окно «американский» жест с пальцем в адрес автомобиля, пытавшегося его обогнать. Надо же, в нем оказались корреспонденты, спешащие по служебным делам. Ерническая заметка о происшедшем с фото

номера дипломатического автомобиля появилась в одной из местных газет и повеселила дипломатов Посольства на утренней читке. Закончил Васильев процесс прощания ужином с Ежи у себя дома. Семья Васильева уже уехала, поэтому у них получилась «холостяцкая» пирушка под «Белое солнце пустыни» и ужасный бренди. Запасы украинской горилки, которую очень любил пан пулковник Войска Польского Ежи Стоцки, у Васильева закончились.

Это оказалась их последняя встреча. Через три месяца Ежи погиб в автомобильной катастрофе в Болгарии, возвращаясь поздно ночью после обеспечения встречи в порту польского подразделения, прибывшего на учения. Накануне они поговорили по телефону, и Васильев успел похвастаться, что после долгих мытарств проходит службу в составе украинско-американского офиса Европейского командования США.

В Винер-Нойштадт, находящийся в пятидесяти километрах от Вены, Васильев выехал вместе с папой рано утром в субботу.

«Жизнь дипломата все-таки иногда спокойнее, нежели его коллеги в погонах», — с чувством глубокого удовлетворения, как делегат съезда КПСС, говорил он себе, вспоминая порой румынскую эпопею, закончившуюся пять лет назад.

После того, как ему дважды на аттестационной комиссии ГУР отказали в праве учиться в «Эколь Милитэр» во Франции (наличие родственников за границей, история папы, не проживает с семьей, три года совершал самостоятельные поездки по маршруту Бухарест–Берлин–Париж–Лондон), он подал рапорт на увольнение.

— Как же так, Владимир? Тебя ждут в Париже, — сказал Васильеву милейший помощник военного атташе Франции, удивленный негативным ответом в тот момент, когда оформление документов для его учебы было закончено.

— Эрик, когда я умру, я попрошу, чтобы на моей могильной плите написали: «Его ждали в Париже».

Васильев крепко пожал ему руку и покинул здание Посольства Франции с легкой грустью.

«Ликует пионерия! Сегодня в гости к нам пришел Лаврентий Палыч Берия». Эта бодрая пионерская речевка 1940-х, как нельзя лучше отражала ту ситуацию.

По иронии судьбы, новый начальник ГУР (произошла очередная смена профессионалов) был внешне похож на Лаврентия Павловича и даже гордился этим. Он был выпускником КВООКУ и крупным специалистом в области строительства образцово-показательных военных городков.

Как пелось в песне о славных наследниках дела Дзержинского:

*Родной семье народов нужен
Чекистов острый, зоркий взгляд.
Они отточенным оружием
Свободу Родины хранят.*

«Ничего, ничего. Все — фигня, кроме пчел», — сказал Васильев тогда себе в твердом намерении начать новую жизнь.

* * *

Винер-Нойштадт — типичный вылизанный австрийский городок с красивыми улочками, геранью на подоконниках свежевыкрашенных домов, ратушной площадью и городским собором. Здесь находилась одна из старейших в мире военных академий, созданная при императрице Марии-Терезии Австрийской в 1752 году для подготовки офицеров австрийской армии. Во времена Третьего рейха здесь размещалась сержантская школа вермахта.

Там же закончилась спокойная служба папы «денщиком» и была выдана путёвка в новую жизнь.

Они приехали в центр, оставили машину на парковке и зашли в римско-католический собор Богоматери. Васильев решил оставить папу наедине с воспоминаниями, усадив на отполированную скамью. Тот сидел с улыбкой на лице, что-то себе даже бормотал под нос и в знак одобрения иногда легонько кивал головой.

Выйдя из собора, Васильев стал разглядывать близлежащие дома.

— Там немного дальше был публичный дом. — Папа указал рукой направление.

— Может, зайдем? Узнаешь кого-то, — с усмешкой сказал Васильев.

— Нет. Вот интересно было бы увидеть ту хозяйку трактира в Венгрии, которая мне предлагала остаться жить у нее.

— Ладно, позже съездим. А сейчас — на аэродром, это ближе.

Местный аэродром был построен в 1915 году как заводской. Во время Второй мировой войны он использовался для подготовки к заброске в тыл Красной армии разведывательно-диверсионных групп. После войны аэродром был закрыт до 1972 года.

На летном поле находился небольшой современный терминал, вокруг него стояли спортивные и частные самолеты. Неподалеку размещался авиационный музей.

Папа без особого интереса прошелся по музею. Под потолком были развешаны макеты немецких самолетов.

— Ты свой не узнаешь? — спросил его Васильев.

— Нас сбрасывали с американского самолета.

Выйдя из музея, они пошли по лугу. Папа крутил головой на все 360 градусов, как летчик в бою, отыскивая приметы своего времени.

— Где-то здесь был сарай. Мы в нем сидели до вылета.

— Не сохранился, наверное, американцы разбомбили, — заметил Васильев.

— Да, бомбили они всегда долго, бомб не жалели. Если бы доктор Крауз не уехал, меня бы не послали с группой.

— Кому суждено быть повешенным, тот не утонет, так и в Афгане говорили.

— В лагере ходила байка, что во время последнего слова в суде один из замов Власова попросил не вешать его рядом с начальником. На вопрос «почему?», он ответил, что генерал Власов высокий, а он маленький и не будет смотреться на его фоне.

— Ну что, поехали до дому, до хаты?

— Эх, сарай не увидел.

На обратном пути Васильев свернул с автобана и поехал в объезд Вены. Дорога шла по высоким холмам Венского леса. Создавалось впечатление, что находишься в Карпатах.

Папа радостно разглядывал пейзажи. Они остановились, чтобы полюбоваться видом церкви Св. Леопольда на холме Леопольдсберг. Васильев там уже бывал раньше. На стене церкви была установлена памятная доска в честь украинских козаков, принимавших участие в освобождении Вены от османской осады в 1683 году.

— Ну что, похоже на Карпаты? — зная наперед ответ, спросил Васильев.

— Да, — как-то рассеянно, находясь по-прежнему на волне своих воспоминаний, отвечал папа. — Мы ехали через такой лес, а на меня «срачка» напала. Соскочил с машины и — в кусты. Снял штаны, присел и вижу растяжку. Пулей сорвался оттуда. «Срачку» как рукой сняло.

— На войне, как на войне, — вспомнил про свое Васильев. — У нас в батальоне старшина артбатареи решил перед ротацией сходить в «зеленку» с ребятами во время операции.

А перед этим пошел в кусты. Спусковой крючок зацепился за ветку, и он получил очередь себе же в спину. Предохранитель у него был снят раньше времени...

Папа думал совсем о другом и со вздохом, глядя в окно, продолжил:

— Красиво... Кладбище, где похоронена моя мама, на пригорке и оттуда прекрасный вид на село. Я уже попросил батюшку, чтобы мне рядом место оставили.

— Туда еще успеешь. «Будем жить!», как говорил маэстро из фильма «В бой идут одни “старики”», — бодрячком прокомментировал Васильев.

— Последний раз, когда я был у тебя в Бухаресте, мы не смогли с Ежи встретиться, я только поговорил с ним по телефону. Говорю ему, как жалко, что не увиделись, а он отвечает: «Ничего, в крайнем случае, на том свете встретимся», — в том же грустном тоне ответил отец.

— Я узнал, где он похоронен в Варшаве, даст бог, навещу... — пообещал Васильев, сказав это больше себе, чем отвечая отцу.

* * *

— Ну что, война войной, а обед по расписанию.

— Поехали домашнюю австрийскую кровянку кушать в гастхаузе, — предложил Васильев.

— Венгерский гуляш вкуснее, — не согласился папа.

— А ты все о своем. Шо, трактирщица покоя не дает? — отшутился взрослый сынок.

* * *

Домой они вернулись только к позднему ужину с домашним вином, купленным в гастхаузе.

— Ля мультань! — произнес Васильев первый тост.
Это был папин день рождения.

Рабат–Киев, 2020

Синайский монастырь

ОБ АВТОРЕ ОТ АВТОРА

Родился в городе Синельниково Днепропетровской области в 1959 году.

Самыми яркими воспоминаниями беззаботного детства стали летние месяцы, проводимые в селе Каменка Житомирской области у бабушки с дедушкой. Все те годы, не мог уразуметь, почему в сельмаге не было хлеба, хотя комбайны на полях работали днем и ночью.

На выбор будущей профессии повлияли часы, проведенные в солдатской «караулке», вместо детского садика, и фильм «Офицеры».

Цивилизованное общество всегда поддерживало генетический интерес молодых людей — мальчиков и юношей к военным играм, военной форме, оружию, их стремление подражать смелым, мужественным, благородным героям.

Одной из форм государственной поддержки таких идеалистических устремлений молодежи стало формирование в ряде стран особых военно-учебных заведений — кадетских корпусов.

Трудно не согласиться с этой мыслью, подтверждением правоты коей, является многовековой опыт.

Поступлению в Киевское суворовское военное училище предшествовало однажды увиденное и ставшее незабываемым зрелище прохождения роты суворовцев с барабанами по Крещатику. Ну, а далее по Пушкину, лучше не скажешь:

*Иной, под кивер спрятав ум,
Уже в воинственном наряде
Гусарской саблею махнул —
В крещенской утренней прохладе
Красиво мерзнет на параде,
А греться едет в караул.*

Увлечение школьной жизни — балльные танцы, сменившиеся иными занятиями, а именно: барабанная музыка (СВУ), хоровое пение (Киевское СВУ), парашютный спорт (906-й ДШБ), горный туризм (ДРА), история военного искусства (Академия им. Фрунзе), изучение иностранных языков (Курси іноземної мови, МЗС України).

Желание перейти на военно-дипломатическую службу родилось от фантазмагорического созерцания голубого бассейна на территории Посольства СССР в Кабуле.

На дипломатическую работу перешел после того, как строгое военное начальство запретило учиться в Париже. И снова по Пушкину

*Равны мне писари, уланы,
Равны законы, кивера,
Не рвусь я грудью в капитаны
И не ползу в ассессора.*

Женат, имею пятерых детей.

Літературно-художнє видання

ВОЛОШЕНЮК Володимир Васильович

ВОЄННО-ДИПЛОМАТИЧНІ КАРТИНКИ
(російською мовою)

За редакцією В. І. Аблазова

Редактор *З. П. Стась*
Дизайн і верстка *Н. В. Коваль*
Коректор *І. М. Барвінок*

Підписано до друку 15.11.2020.
Формат 60x84/16. Папір офсетний.
Друк офсетний. Ум.-друк. арк. 13,02.
Зам. №

Видавничий дім «КИЙ»

Свідоцтво про внесення суб'єкта видавничої справи до Державного реєстру видавців, виготівників, розповсюджувачів видавничої продукції серія ДК № 4646 від 01.11.2013 р.